

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. М. Ахмедов
Л. М. Кулагина

**Основные направления политики ИРИ
в арабских странах Ближнего Востока
(1990-е — начало 2020-х гг.)**

МОСКВА
ИВ РАН
2021

ББК 66.4(5Ирн)

А 95

Ответственный редактор:

Н. М. Мамедова

Рецензенты:

д. и. н. В. Я. Белокреницкий, к. и. н. Л. М. Раванди-Фадаи

Утверждено к печати

Издательской комиссией Ученого совета

Института востоковедения РАН

Ахмедов В. М., Кулагина Л. М.

A95 Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е — начало 2020-х гг.) / Отв. ред. Н. М. Мамедова; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2021. — 208 с.

ISBN 978-5-907384-90-3

Монография посвящена комплексному исследованию особенностей политики Ирана на Ближнем Востоке в контексте истории арабо-иранских отношений. Авторы изучают роль религиозных, идеологических и политических факторов в истории развития арабо-иранских отношений и характер их влияния на формирование политики Ирана на Арабском Востоке.

Книга рассчитана на востоковедов, практических работников и широкий круг читателей.

ISBN 978-5-907384-90-3

© Ахмедов В. М., Кулагина Л. М. 2021

© ФГБУН ИВ РАН, 2021

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ АРАБО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИКЕ ИРАНА НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ.....	11
1. Краткий обзор истории арабо-иранских отношений в доисламский период	13
2. Специфика арабизации и исламизации Ирана в условиях арабских завоеваний	18
3. Роль арабского и иранского национализма в арабо-иранских отношениях.....	27
Глава II. ИРАН и БЛИЖНИЙ ВОСТОК НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ.....	41
1. Внутренние императивы внешней политики ИРИ. Роль ислама и духовенства.....	42
2. Теоретические и идеологические аспекты политики ИРИ на Ближнем Востоке.....	49
3. Эволюция политики ИРИ на Ближнем Востоке	54
Глава III. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИРАНА В АРАБСКИХ СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (1990—2000).....	68
1. Политика Ирана в Египте — хроники нереализованных возможностей.....	70
2. Геополитические и религиозно-идеологические аспекты политики Ирана в Сирии и Ливане	86
3. Арабски иранской политики в Ираке.....	100
4. Иран и Саудовская Аравия — очерки политического противостояния	113
Глава IV. ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕВОСТОЧНУЮ ПОЛИТИКУ ИРАНА	135
1. Особенность ирано-израильских отношений. Роль Израиля в арабской политике Ирана.....	136
2. Межарабское сотрудничество и политика Ирана на Ближнем Востоке.....	146
3. Специфика влияния мировых держав на характер арабской политики Ирана.....	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
Библиография	177
Об авторах / About the authors	202

ВВЕДЕНИЕ

За последние годы Ближневосточный регион серьезно изменился, а процессы трансформации в нем только набирают силу. Оказавшись в фокусе мирового внимания в результате «Арабской весны» и последующего развития событий, Ближний Восток борется сегодня за выживаемость, сохранение собственной государственности и национального суверенитета. Решающим фактором, определявшим в последние годы общие контуры развития политической ситуации на Ближнем Востоке, являлось не столько изменение внешнего антуража ближневосточной политики, сколько региональные внутривнутриполитические процессы. Прежние системы сдержек и противовесов, контролируемый сверху градус конфессиональных и этнических разногласий, привычные инструменты и методы работы, ранее созданные альянсы и союзы подверглись критической ревизии. Они больше не работают в плане достижения ожидаемого результата. Одновременно разновекторные силы, действующие в регионе, пытаются осуществить политический транзит Ближнего Востока в направлении к новому миропорядку. В результате указанных процессов размываются национальные границы, рушатся суверенитеты, видоизменяется парадигма выстраивания новой государственности, общество обрекается на поиск новой самоидентификации. Продолжающиеся в ряде стран военные действия, возникновение новых конфликтов, замешанных на старых политических дрожжах, разрушение прежних политических систем и институтов государства, попытки заполнения

политического и идеологического вакуума идеями воинствующих исламистов и такфиристов формируют общественный запрос на стабильность и умеренность вне зависимости от характера политических сил, готовых оправдать эти ожидания.

Действительно, политический облик Ближнего Востока существенно изменился после выхода на политическую арену крупных региональных игроков, прежде всего в лице Турции и Ирана. Как показали последние события в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливане, Ливии, Тунисе, Йемене, Анкара и Тегеран претендуют на то, чтобы самостоятельно решать вопросы власти, войны и мира на Ближнем Востоке.

Действительно, с укреплением позиций Турции и Ирана в регионе важные процессы внутренней политики многих арабских стран получают не только новое измерение, но и обретают стратегическую перспективу.

Например, сегодня большинство арабских стран Ближнего Востока испытывают острый дефицит политической самоидентификации в результате отсутствия сильного арабского лидера, который смог бы сплотить арабские народы на основе общенационального эндогенного проекта развития и принять вызовы нового миропорядка, складывающегося на Ближнем Востоке.

Поколение молодых арабских правителей получили власть из рук своих отцов. Она досталась им не в результате борьбы, а как продукт сделки правящих элит. Многим из них явно не хватает управленческого таланта, политического опыта и харизмы своих отцов и дедов.

На этом фоне президент Турции Р.Т. Эрдоган и духовный глава Ирана аятолла Хаменеи сегодня по праву являются лидерами Ближнего Востока. Они заслуженно имеют авторитет крепких и опытных руководителей, мудрых пастырей исламской уммы. Однако и им в нынеш-

них условиях нелегко удерживать власть и поддерживать образ искусственных политиков, «независимых» и «непогрешимых» властителей.

Складывающаяся сегодня ситуация на Ближнем и Среднем Востоке диктует необходимость выработки новых подходов к ее оценке и адекватному восприятию быстро меняющихся реалий.

Сегодня характер наиболее острых конфликтов на Арабском Востоке и основные параметры их урегулирования в немалой степени определяются политикой Ирана в этом стратегически важном районе мира. Вне зависимости от природы политического режима в Иране Тегеран традиционно стремился к упрочению своих позиций на Арабском Востоке, исходя прежде всего из чисто прагматических соображений обеспечения своих государственных интересов и национальной безопасности.

Дополнительный импульс реализации подобных устремлений Ирана во многом был придан распадом СССР, который происходил на фоне кризиса арабского единства и усиления военно-политического присутствия США в регионе, сопровождавшегося изоляцией и ослаблением Ирака — единственной арабской страны, способной сдерживать Иран и противостоять ему в военном отношении.

В настоящее время правящий в Иране режим стремится подтвердить свою жизнеспособность и доказать универсальность созданной системы правления, проводя активную внешнюю политику в Ближневосточном регионе. Таким образом, политическое и военное руководство ИРИ демонстрирует успешность развития Исламской Республики Иран, чтобы показать возможность реализации проекта исламской модели развития в новых международных условиях.

В настоящее время правящий в Иране режим проводит активную внешнюю политику в Ближневосточном регионе. Иран сегодня играет ключевую роль в событиях в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливане, Ливии, Йемене, где во многом пытается определять, в том числе силовым путем, внутренние и внешние процессы в этих странах.

Это негативно сказывается на состоянии арабо-иранских отношений, которые приобретают характер открытого противостояния. В то же время отношения между арабскими странами и Ираном являются одним из важных факторов, определяющих конфликтогенный потенциал региона и ключевые параметры ближневосточного урегулирования.

Напряженность в арабо-иранских отношениях заметно выросла после активизации вмешательства ИРИ во внутренние дела арабских государств. Несомненно, Иран несет немалую долю ответственности за ухудшение отношений с арабами. Однако представления об Иране как экспансионистском государстве не всегда соответствуют действительности. Внимательный анализ арабо-иранских отношений показывает, что в 1950–1970 гг. арабские лидеры инициировали враждебную политику в отношении Ирана.

На самом деле арабо-иранские отношения отличались комплексностью и динамичностью. В этой связи исследование факторов, определявших характер арабо-иранских отношений, и изучение причин арабо-иранских разногласий, приобретают сегодня особую значимость. Очевидно, что исторически сложившееся арабо-иранское соперничество наряду с различиями религиозного, этнического и культурного порядка оказывают определенное влияние на сегодняшнюю политику Ирана в арабских странах Ближнего Востока. Характер отношений Ирана с арабскими странами Ближнего Востока во многом зави-

сел от эволюции внутренних процессов в них, особенностей формирования и развития политических систем, институтов государства, природы правящих элит, конфессионального и этнического состава местного социума. Немаловажное значение в этом плане имели идеологические установки, демографические показатели, географические параметры, специфика ресурсной базы и исторический опыт взаимодействия Ирана и арабов. Наряду с этим нельзя не учитывать роль внешнего фактора и политики мировых держав на Ближнем Востоке, которые во многом определяли характер арабо-иранских отношений в течение нескольких последних десятилетий.

История арабо-иранских отношений насчитывает несколько тысячелетий. Издревле территории, занятые арабами и персами, служили естественным щитом для них против иноземного вторжения с Запада и Востока. К тому же долгая история арабо-иранских отношений знает немало примеров взаимовыгодных связей, конструктивного сотрудничества и взаимного культурного обогащения.

Многовековая история арабо-иранских контактов до сих пор оказывает влияние на формирование основных параметров отношений Ирана с арабскими странами. До арабских завоеваний Ирана двусторонние связи в основном носили нейтральный либо дружественный характер. Примечательно, что в этот период времени этнические и конфессиональные различия практически не оказывали влияния на формирование отношений арабов и Ирана. Более того, в ряде случаев арабы успешно сотрудничали с различными персидскими империями. Во время двусторонних контактов шел процесс взаимного обогащения культур двух народов. Политика Ирана в отношении арабов носила в значительной степени оборонительный характер. Персидские походы против арабов пресле-

довали в основном цель изгнать вторгшиеся на их территорию арабские племена, расширить свое влияние вглубь Аравии и пресечь возможность объединения арабских племен и Византии против Персидской империи. Сложившиеся в этот период параметры ирано-арабского взаимодействия дошли в более сложных формах до наших дней.

Появление ислама в Аравии и арабские завоевания коренным образом изменили ситуацию в арабо-иранских отношениях. Исламизация и частичная арабизация Ирана привели к серьезной трансформации иранской культуры и национальной самоидентичности. Наряду с распространением шиизма в Иране в арабо-иранских отношениях появился новый конфессиональный аспект в виде соперничества на религиозной основе.

В условиях складывающейся сегодня на Ближнем Востоке ситуации он имплементируется в виде острых суннито-шиитских разногласий. Они искусно подогреваются извне и оказывают самое негативное влияние на политику Ирана в отношении арабских стран.

Процесс создания независимых государств в арабских странах и Иране, который сопровождался развитием различных теорий национализма и появлением национальных движений, оказали заметное влияние на характер арабо-иранских отношений. Превращение национализма в основу идеологии новых государств и инструмент их политики усилил традиционные различия в этническом и религиозном отношении между арабами и Ираном. Сегодня в условиях арабо-иранского противостояния с учетом складывающейся ситуации на Ближнем Востоке этнические и национальные особенности арабов и иранцев оказываются сильно политизированными. Иногда они могут рассматриваться обеими сторонами в плоскости защиты национальной безопасности и сохранения территориальной целостности государства.

Действительно, в последние десятилетия вопросы безопасности и стремление к капитализации власти играли заметную роль в формировании ключевых параметров арабо-иранских отношений.

Россия проводит активную политику на Ближнем и Среднем Востоке, в Средней Азии и Закавказье. Ввод российских ВКС в САР осенью 2015 г. оказал «кумулятивный» эффект на нашу политику в регионе Большого Ближнего Востока. Россия играет доминирующую роль в Сирии, и с ее позицией вынуждены считаться США и Европа, Турция и Иран при решении ключевых региональных вопросов и принятии жизненно важных решений по отдельным странам региона. Россия способна защитить свои интересы в регионе Большого Ближнего Востока. При необходимости она может действовать в этом регионе без оглядки на Вашингтон, в координации с Турцией, Ираном, арабскими странами, и задействовать механизмы типа ОДКБ.

Иран является стратегическим партнером России не только на Ближнем Востоке, но и в регионе Средней Азии и Закавказья. История российско-иранских отношений насчитывает более 500 лет. Сегодня отношения России и Ирана отличаются динамичностью и успешно развиваются в основных областях жизнедеятельности обоих государств.

В этой связи Россия заинтересована в нормализации отношений Ирана и арабских стран с точки зрения стабилизации ситуации на Ближнем Востоке.

Нельзя исключать, что в случае снижения внимания мировых держав к Ближневосточному региону и ослабления их глубокой вовлеченности в региональные процессы могут сложиться условия для нормализации арабо-иранских отношений.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ АРАБО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИКЕ ИРАНА НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ

Ближний Восток по праву считается колыбелью мировых цивилизаций. История Ближнего Востока началась с самых ранних поселений человека и стала свидетелем расцвета и упадка древнейших мировых культур и цивилизаций (Шумерской, Египетской, Месопотамской). На Ближнем Востоке возникло несколько крупных доисламских империй и мусульманских держав, были образованы современные национальные государства. Богатый и разноликий мир региона породил великие империи Ближнего Востока: Ассирийскую, Вавилонскую, Персидскую. Геополитическое положение Ближнего Востока еще в древности поставило его в центр мировой истории и политики. Ближний Восток стал ареной многочисленных войн и объектом иностранных завоеваний. Регион пережил походы Александра Македонского, римских легионеров, крестоносцев, монголов, сельджуков, османов и европейских колонизаторов. Начиная с III в. н. э. Ближний Восток оказался под властью Византии и иранской империи Сасанидов, которые вели постоянные войны за доминирование в регионе. Арабские завоевания VII—VIII вв. н. э. положили конец этим спорам.

В результате практически вся территория Ближнего Востока оказалась под властью арабов. Арабы принесли народам Ближнего Востока новую религию — ислам. Не случайно Ближний Восток считается родиной трех мировых монотеистических религий: иудаизма, христианства и ислама. Впоследствии значительная часть региона на долгие столетия оказалась под властью Османской империи, которая периодически воевала с иранской династией Сефевидов за влияние на Ближнем Востоке. С XVIII в. н. э. усилилось проникновение европейских держав на Ближний Восток. Европейская экспансия привела к колониальному закабалению государств Ближнего Востока и его территориальному переделу в начале XX в. после распада империи Османов. После Второй мировой войны на Ближнем Востоке началось национально-освободительное движение, в результате которого многие государства региона обрели политическую независимость.

Все старые и новые империи, державы и государства Ближнего Востока вписали яркую и самобытную страницу в историю региона. Они имели свою неповторимую судьбу и были созданы разными народами и этносами. Со временем острые грани различий в их традициях, культуре, верованиях, языке были стерты в котле ближневосточной истории. Однако их наиболее яркие и самобытные черты сохранились до наших дней и составили неповторимый колорит и образ современного Ближнего Востока.

Сказанное выше относится к истории арабов и персов, которая наложила особый отпечаток на характер арабо-иранских отношений и политику Ирана на Ближнем Востоке.

1. Краткий обзор истории арабо-иранских отношений в доисламский период

Арабо-персидское взаимодействие насчитывает более трех тысяч лет. Считается, что первые арабо-персидские контакты происходили после завоевания Вавилона империей Ахеменидов во главе с Киром в 540 г. до н. э. Именно в это время арабы стали союзниками Персидской державы¹. При этом арабские племена не находились в состоянии зависимости от персов, а скорее сотрудничали с ними. В период персидских походов персы захватили значительную часть Северной Аравии. Ахемениды стремились установить контроль над Персидским заливом, который стал еще одним объектом арабо-иранского взаимодействия².

После того, как Александр Македонский завоевал Персию, Ираном управляла греческая династия Селевкидов (305–240 до н. э.) (Seleucids), которой положил начало один из генералов Александра по имени Селевк (Seleucus). В период правления Селевкидов росло культурное взаимодействие между различными народами империи. Этот кросс-культурный процесс распространился в различных частях Ирана и затронул высший класс иранской аристократии. Как и Ахемениды, Селевкиды стремились установить свое господство в Персидском заливе, чтобы обеспечить безопасность своих торговых путей. Данное обстоятельство способствовало поддержанию арабо-персидских контактов, объем которых, тем не менее, сократился в период правления Селевкидов³.

¹ Bosworth C. E. Arab i, Arabs and Iran in the Pre-Islamic Period. Encyclopedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/arab~i>. (дата обращения: 07.07.2020).

² См.: Дьяконов И. М. Ахеменидская держава. Гл. XVII. История Востока. Восток в древности. М., 2002. Т. I. С. 290–311.

³ См.: Полищук А. И. Основные этапы исторического развития Ирана: курс лекций. М., 2014. С. 39–41.

Арабо-иранское взаимодействие активизировалось с утверждением Парфянской династии (247–224 до н. э.). В то же время парфяне не допускали арабов вглубь своей территории. Поэтому культурное взаимодействие носило ограниченный характер и осуществлялось посредством приграничных арабских поселений⁴.

Установление в Иране правления династии Сасанидов в 224 г. ознаменовало новый этап возрождения Персидской империи. Расцвет Персидской империи совпал с упадком городского уклада у арабов и началом процесса «бедуиноизации». Участвовавшие набеги арабских кочевников представляли одну из главных угроз для Ирана и его в основном оседлого и урбанизированного населения⁵.

Одним из важных параметров безопасности персидской империи стала выработка стратегии выселения арабов, которые укрепились на иранской территории во время ослабления Парфянского царства, и предотвращение набегов арабских кочевников. В IV в. арабо-иранские отношения заметно осложнились. Персы силой изгнали арабов с побережья Персидского залива вглубь Аравии. При этом персы проводили карательные экспедиции против арабов на их территории. Эти действия персидской империи стали отражением дошедшей до наших дней постоянной озабоченности Ирана, безопасностью своих торговых путей в Персидском заливе⁶.

В конечном итоге более поздние персидские правители нашли компромисс с арабами. Сасанидские правители признали арабскую конфедерацию на границах

⁴ См.: Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Ч. 2. М., 1966.

⁵ Новосельцев А. П. Государство Сасанидов. Гл. I. История Востока. Восток в Средние века. М., 2002. Т. II. С. 23–34.

⁶ См.: Дьяконов М. М. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961.

Персидской империи с центром в Аль-Хире. Арабские жители весьма неплохо чувствовали себя в составе Сасанидской империи. В отличие от Византии персы практиковали более широкую автономию для подобного рода поселений. В результате арабское население Персидской империи превратилось в ее верных союзников. Арабские войны охраняли иранские пограничные территории. Однако мирный характер отношений арабов и персов не мог длиться долго⁷. На рубеже 620-х годов н. э. возник конфликт между персидскими императорами и правителями Лахмидского государства, рядом влиятельных арабских племен (Бану, Бакр). Необдуманная политика персидских царей, их вмешательство во внутриарабские дела усугубили конфликтную ситуацию. В конечном итоге прежде лояльное арабское население персидской империи перешло на сторону своих соплеменников и открыло путь исламской армии во время арабских завоеваний⁸.

В период правления Сасанидов арабо-иранские контакты не ограничивались только лишь стремлением персов остановить арабское проникновение на свою территорию и попытками расширить Персидскую империю. Иногда арабские племена обращались за помощью к персам оказать им поддержку в конфликте с другими державами.

Примером может служить вторжение персидских войск в Йемен в середине VI в. н. э. для защиты части йеменских племен, подвергшихся нападению со стороны Эфиопии. Вторжению Сасанидов в Йемен способствовал также и тот факт, что Византия поддерживала христиан-

⁷ См.: Daryaei T. *Sassanian Persia*. P. 224–651. CE: Portrait of a Late Antiques Empire. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers, 2008.

⁸ См.: Заходер Б. Н. История Восточного Средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944. С. 4–9.

скую Эфиопию, что вызывало протесты населения юга Аравии. В результате персы распространили свое влияние на юг Аравии и правили Йеменом в течение 50 лет. Региональное соперничество между Сасанидами и Византией на фоне лабильной позиции арабских племен придавало определенную динамику арабо-иранским контактам в этот период⁹.

До арабских завоеваний Персии в 642 г. н. э. арабо-иранские отношения в основном определялись стремлениями арабов проникнуть на иранскую территорию и основать там свои поселения. Со своей стороны, персы стремились противостоять этим попыткам. Иран также был озабочен расширением границ Персидской империи в Аравии.

Результатами подобного взаимодействия становились периодические конфликты между арабами и персами. В то же время отмечались случаи непродолжительного, но в целом успешного арабо-иранского сотрудничества. По оценке ряда иранских историков, Иран никогда не стремился овладеть всеми арабскими землями и не пытался навязать арабам свою религию (зороастризм) и культуру. В то же время те арабы и персы, которые тесно контактировали друг с другом, испытывали на себе кросс-культурное влияние¹⁰.

До арабских завоеваний и падения империи Сасанидов арабская угроза Ирану в глазах персов сводилась в основном к территориальному характеру. После арабских завоеваний природа арабской угрозы Ирану кардинально изменилась. Это был качественно новый вызов, когда речь шла не только о подчинении власти завоевате-

⁹ D. L. O'Leary. *Arabia before Muhammad*. London: Rutledge, Trench Trubner & Co, 1927. P. 150–161.

¹⁰ См.: Levi R. *Persia and the Arabs. The legacy of Persia* / ed. A. J. Arbery. Oxford: Clarendon Press, 1953.

лей, но и культурной и религиозной трансформации покоренного населения¹¹.

Арабские завоевания совпали с периодом ослабления Персидской империи в результате длительных войн с Византией. Персидская империя стала утрачивать прежний централизованный характер и не могла эффективно контролировать свою огромную территорию. Иран раздирали различные общественные и религиозные движения. Наиболее крупными были маздакитское и манихейское движения¹².

Полагают, что маздакиты в борьбе с властью персидских царей поддержали арабские завоевания. Ряд ученых считают, что одной из главных причин ослабления державы Сасанидов стало выросшее могущество богатых землевладельцев — представителей Парфянской династии. Некоторые иранские исследователи считают, что небольшое число иранцев, сражавшихся против арабов, усматривали в исламе освобождение от давящей иерархической структуры власти Сасанидов и поэтому добровольно принимали ислам¹³.

В любом случае, арабы завоевали Иран. Однако этот процесс растянулся во времени. Даже после установления власти арабов над всем Ираном в его различных районах не переставали вспыхивать антиарабские восстания.

¹¹ См.: Duri A. Arab-Iranian Relations: Historical Background. Arab-Iranian Relations / ed. K. Hasseeb. London: I. B. Tauris, 2015.

¹² Заходер Б. Н. История Восточного Средневековья (Халифат и Ближний Восток). М.: МГУ, 1944. С. 8–9; 13–14.

¹³ См.: Shariati S. P. Decline and Fall of Sassanian Empire: The Sassanian-Parthian Confederacy and Arab Conquest of Persia. London: I. B. Tauris, 2008.

2. Специфика арабизации и исламизации Ирана в условиях арабских завоеваний

Одним из наиболее важных факторов в арабо-иранских отношениях стала исламизация Ирана в ходе арабских завоеваний¹⁴. Существует несколько разных мнений по поводу приобщения Ирана к исламу. В самом Иране сегодня официальная точка зрения и ее сторонники исходят из того, что Иран добровольно и охотно принял ислам, признав его верховенство над местными религиозными верованиями. Сторонники данной точки зрения говорят о концепции равенства и справедливости в исламе в противовес сложной и подавляющей иерархической структуры управления Сасанидов. Другие считают, что арабы вынудили Иран принять ислам с помощью силы и сложившихся обстоятельств. До арабских завоеваний в Иране хорошо были знакомы с различными монотеистическими системами верований. В Иране жило немалое число иудеев, и его часто посещали христианские проповедники. Эти факторы облегчили процесс исламизации Ирана. Концепции Бога и Сатаны, Рая и Ада, Судного дня в том или ином виде присутствовали в зороастрийском вероучении. На деле указанные концепции были заимствованы иудеями и христианами из более древних религий, в том числе зороастризма¹⁵.

В условиях Халифата значительно проще было жить мусульманином, чем приверженцем другой веры. Немусульмане занимали подчиненное положение. Они были вынуждены платить дополнительный подушевой налог

¹⁴ Подробно об арабских завоеваниях см.: Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее Средневековье. М., 1965; Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. Л., 1966.

¹⁵ См.: Cohen N. *Cosmos, Chaos and the World to Come: The Ancient Roots of Apocalyptic Thought*. New Haven, CT: Yale University Press, 1993.

(джизия). Таким образом, арабы как бы вынуждали завоеванное население, особенно его зажиточную часть, принимать ислам. Те, кто не принял ислам, находились на положении клиентуры (мавали) у своих мусульманских хозяев¹⁶. Они должны были искать их спонсорства и расположения, чтобы открыть свой бизнес и заниматься им. Характерно, что институт «мавали» сохранился до наших дней и успешно действует в ряде монархий Персидского залива. Например, в Саудовской Аравии все инациональные работники-немусульмане находятся на положении «мавали».

Исламизация Ирана коренным образом изменила культуру и самоидентификацию населения страны¹⁷. В древности и Средневековье религия служила важнейшим компонентом в основе самоидентификации индивида и общества. В силу социально ориентированного характера ислама, который своими правилами и установками регламентировал всю жизнь человека и общества, жизнь иранцев претерпела серьезные изменения. Это нашло отражение в искусстве, архитектуре, живописи, литературе. Поскольку ислам зародился в сердце Аравии и освятил древние арабские обычаи и традиции, а Коран был написан по-арабски, наряду с исламизацией завоеванных народов неизбежно следовала их частичная арабизация. Не избежали подобной участи и персы. Потребовалось три столетия, чтобы воссоздать новый персидский язык на базе древних лингвистических форм. Однако это был уже совершенно другой язык¹⁸. Последствия арабизации Ирана сказываются до сих пор, особенно после

¹⁶ См.: Бартольд В.В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С. 156–173.

¹⁷ См.: Khesroshahi H. Mutual Awareness between Arabs and Iranians. Arab-Iranian Relations / ed. Khair El-Din Hasseb. London: I.B. Tauris, 2015.

¹⁸ См.: Zarrinkoub A. Two Centuries of Silence (Do Qarn Sokut). Santa Ana, C.A: Mazda Publishers, 2017.

исламской революции 1979 г., которая породила в иранском социуме острые споры об арабизации и исламизации Ирана.

Произошедшие изменения в Иране в результате его исламизации привели к цивилизационному разрыву в развитии иранского общества, его культуре, самоидентификации и т. п. В сознании иранцев и их самоидентификации появился определенный элемент двойственности, полярности с двумя противоположными началами. Одно базировалось на доисламской культурной традиции, другое направление сформировалось на основе трансформаций, вызванных арабскими завоеваниями. Такая дихотомия проявилась особенно ярко после революции 1979 г. в негативном аспекте, когда вопросы самоидентификации стали тесно переплетаться с вопросом о власти. Эта двойственность также сказалась на внешней политике Ирана и его взаимоотношениях с арабскими странами. Глубокая вовлеченность Ирана в арабскую политику и его поддержка палестинской проблемы являлись отражением влияния ислама на самоидентификацию иранского общества после исламской революции.

В отличие от многих других стран, завоеванных арабами, Иран не был полностью арабизирован и смог сбросить, пусть в измененном состоянии, свой язык, культуру и чувство национальной самоидентичности. Сохранились многие доисламские иранские традиции и обычаи, например празднование иранского Нового Года (Ноуруз). Правда, в церемонию празднования были внесены ряд новых элементов, пришедших в ходе исламизации. Характерно, что после исламской революции в Иране этот праздник пытались безуспешно запретить, но натолкнулись на недовольство большинства населения. Концепция «иранизма» (иранийят) как обозначение территориальной,

культурной и политической принадлежности к иранской нации продолжает жить и сегодня в качестве мироощущения и самоидентификации иранцев¹⁹.

Отношение Омейядских халифов к покоренному населению отчасти способствовало сохранению концепции «иранизма». Считается, что халиф Омар запретил арабам брать в жены персиянок. На деле Омейядские халифы были «националистами» в своих подходах к взаимодействию с покоренным населением. Ряд арабских историков согласны с этой точкой зрения, хотя другие оспаривают ее²⁰. Несмотря на это, большинство арабских историков признают тот факт, что арабские правители использовали представителей покоренных народов на второстепенных должностях, закрыв им ход на верхушку властной пирамиды. Со временем это вызвало ответную реакцию у иранцев. Некоторые из них стали практиковать поведенческий стереотип, основанный на эндогенной культуре и традициях, особом чувстве национальной самоидентичности. Они пропагандировали так называемую «народность» (шу'убийя) как некую разновидность культурного партикуляризма, противостоящую исламскому универсализму. В дальнейшем это превратилось в анти-арабские движения²¹.

Правление Омейядов вызвало чувство сопротивления у иранского населения. Ряд арабских исследователей полагают, что управленческая практика Омейядов привела в конечном итоге к народным восстаниям в Халифате. Примером может служить восстание Абу Муслима Хоросани в 747 г. В то же время нет достаточных сведе-

¹⁹ См.: Hunter S. T. *Iran, Islam and the Struggle for Identity and Power in the Islamic Republic of Iran*. Georgetown University. July, 2014.

²⁰ См.: Enayat H. *Modern Islamic Political Thought*. Austin: University of Texas Press, 1982.

²¹ См.: Tehrani J. *Shu'ubiyya: Independence Movements in Iran* [N.p.: CreateSpace, 2014] (In Persian).

ний о том, насколько этот мятеж был иранским по своей сути, несмотря на то что сам Абу Муслим считался этническим персом, а в его отряде служило много иранцев²². Как бы то ни было, вскоре Омейядская династия пала, и на ее место пришли Аббасидские халифы²³.

Через три столетия после арабских завоеваний иранские династии выросли, возродили персидский язык и восстановили национальную самоидентичность. Согласно некоторым источникам, одним из первых, кто начал это движение, был Якуб Лейс Саффар, от которого пошла династия Саффаридов. Некоторые полагают, что он стремился возродить Сасанидскую империю. Другие считают, что в основе его действий лежал материальный интерес и сектантские настроения²⁴.

Возрождение персидского языка привело к появлению ряда литературных произведений. Начиная с Саффаридов, возникло стремление добиться самостоятельности в управлении Ираном. В административном аппарате места старались замещать преданными персам чиновниками, даже если они и не были этническими иранцами. Таким образом, иранцы оправдывали свое право на власть как наследие Сасанидских царей. Все это помогло иранцам сохранить свою идентичность и культуру после арабских завоеваний.

В результате арабского завоевания Ирана страна подверглась значительным материальным и людским потерям. Считается, что завоеватель Ирана арабский военачальник Саад ибн Аби Ваккас сжег все книги по приказу халифа Омара. Любопытно, что сегодня иранское

²² См.: Zarrinkub A. H. *The Arab Conquest of Iran and Its Aftermath*. Cambridge History of Iran. 1974. Vol. 4.

²³ См.: Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М. – Л., 1964.

²⁴ Заходер Б.Н. *История Восточного Средневековья (Халифат и Ближний Восток)*. М., 1944. С. 55–57.

духовенство и правящий режим категорически отрицают данный факт.

Тем не менее многие культурные и духовные ценности Ирана уцелели²⁵. Благодаря этому Иран смог оказать определенное влияние на арабов и внести свой вклад в сокровищницу исламской цивилизации. Многие арабские правители использовали иранскую фискальную и административную систему управления. Дворцовый этикет и правила поведения также были взяты на вооружение арабами²⁶. Арабы перевели многие персидские, индийские, греческие работы на арабский язык. Учебные заведения Сасанидов стали моделью для арабских образовательных учреждений. Трактаты Сасанидов по управлению и политике также использовались арабскими завоевателями. Некоторые иранцы добились высоких постов в политической и административной системе при Аббасидах. Они курировали искусства и науку и инициировали издание многочисленных книг. Значительное число научных и философских трактатов было создано иранскими учеными. Многие из них писали по-арабски²⁷. В целом Иран оказал большее, чем Византия, влияние на формирование философии административного и политического управления всех арабо-исламских династий. Отчасти это объяснялось тем, что арабы завоевали отдельные провинции Византии и не смогли покорить ее столицу — Константинополь, в то время как Иран подвергся тотальному захвату со стороны арабов. В результате, по мнению ряда иранских историков, основным наследником культурных ценностей Сасанидов стал ислам. Арабы несли

²⁵ См.: Каменева М. С. О трех подходах к понятию «культура» в ИРИ // Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013.

²⁶ См.: Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С. 174—188.

²⁷ О вкладе иранцев см.: Yarshater E. The Persian Presence in the Islamic World / ed. Richard Hovhannesian Richard and George Sabagh. Cambridge, 1998.

ислам в другие страны, а вместе с ним и наследие Сасанидской империи²⁸.

Последствия арабских завоеваний Ирана, вызванная ими трансформация в иранской культуре и идентичности, иранское влияние на арабов и в целом на исламскую цивилизацию оказали заметное влияние на отношения Ирана с арабскими странами. Иранцы до сих пор продолжают испытывать горечь своего поражения. Тем более что империя Сасанидов была куда более развитой во всех отношениях, нежели Аравия времен появления ислама²⁹.

В то же время не все иранцы однозначно оценивают эти события. Националистически настроенная и светски ориентированная часть иранского социума действительно сожалеет о случившемся, в то время как религиозный истеблишмент и в целом духовенство Ирана приветствуют арабские завоевания, которые принесли ислам в Иран. Ряд арабских экспертов квалифицируют эти настроения иранцев как проявление «расизма» и претензий на «расовое превосходство». Примером может служить название Персидского залива, к которому иранцы очень ревностно относятся. При этом часть арабского населения постоянно требует переименовать его в Арабский залив. Действительно, возникшие взаимное глубокое недоверие и подозрительность в отношении друг друга нередко проявляются сегодня в оскорбительном тоне в прессе и литературе у части арабского и иранского населения. Так, иранцы нередко возмущаются, что арабы называют их «аджами», что означает «молчаливый», «бессловесный», «неграмотный». На самом деле слово

²⁸ См.: Girshman R. L'Iran: Des origines a L'Islam. Paris, 1951.

²⁹ См.: Al Zahed S. Hatred of Arabs Deeply Rooted in Persians, Says Iranian Intellectual. Al Arabiya News. September 9, 2011. URL: <https://www.alarabiya.net/articles/2011/10/09/170927.html>. (accessed: 02.01.2020).

«аджами» в арабском языке действительно имеет такие значения, но применяется не только к персам, но и к другим неарабским народам, иностранцам, не знающим арабского языка или плохо им владеющим. Однако данный термин более характерен для диалектальных выражений. Так же иранцев обижает то, что нередко арабы называют их «маджус», т. е. потомки «магов», «колдунов» зороастрийцев, намекая тем самым на их маргинальное положение в исламском мире.

Таким образом, исламизация Ирана породила у части арабского и иранского населения взаимные обвинения в расизме и расовом превосходстве. Иранцев оскорбляет то, что арабы ко всему имеющему отношению к исламу применяют арабскую суть. Арабы обвиняют персов в негативном влиянии на исламскую цивилизацию. Они считают, что привнесенные персами практики администрирования из империи Сасанидов подорвали первоначальный демократический дух ислама и изменили структуру управления халифатом на имперский лад. Другие арабские клирики считают, что персы намеренно внедрили в исламское вероучение ряд «вредных» принципов зороастризма, тем самым исказив первоначальный смысл Корана и веры в стремлении подорвать ислам. Они также обвиняют иранцев в привнесении неортодоксальных практик в ислам, таких как суфизм³⁰.

С распространением шиизма в Иране этнические и культурные противоречия между арабами и иранцами усилились. Шиизм утвердился в качестве господствующей религии в Иране после прихода к власти династии Сефевидов в 1501 г.³¹ Однако еще до Сефевидов другие правя-

³⁰ Al Bashir M. W. Islamic Sufism: Origins, influences and rules // Kan Historical Periodicals. 33.2017. [In Arabic]. URL: <https://platform.almanhal.com/Files/2/109110>. (accessed: 09.11.2019).

³¹ Заходер Б. Н. История Восточного Средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944. С. 143–150.

щие династии использовали отдельные практики шиизма. Возможно, персы больше склонялись к шиизму, чтобы таким образом выделить себя среди арабов, большинство из которых были суннитами. Ряд доисламских обычаев персов был освящен шиизмом, и это заставило сегодня некоторых иранских клерикалов утверждать, что шиизм есть не что иное, как видоизмененная древняя доисламская вера персов³².

После утверждения власти Сефевидов Иран превратился в один из главных центров шиизма³³. Сефевиды много сделали для развития шиитских святынь в Ираке: в Кербеле, Неджефе, Самарре. В результате превращения Ирана в альтернативный центр ислама соперничество между иранцами и арабами только усилилось. Развитие шиизма в Иране привело к тому, что в спектре взаимодействия Ирана с арабами и турками появился новый оттенок в виде конфессионального соперничества. Стремление Ирана играть важную роль в исламском мире, оставаясь при этом независимыми и самостоятельными в религиозном отношении, не могло не раздражать арабов, которые гордились своей уникальной ролью в исламе. Ряд арабских мыслителей и политиков усматривали в этом стремлении Ирана претензию на расовую и религиозную исключительность и антиарабский тренд в политике ИРИ. Постепенно такие понятия, как «арабизм» и «иранизм», шиизм и суннизм, приобрели антагонистический характер.

Со времени правления Османов, а потом колониальной системы европейцев отношения арабских стран с Ираном носили весьма ограниченный характер. После

³² См.: Jafri H. M. *Origins and Early Development of Early Islam*. London, 1979.

³³ Новосельцев А. П. *Государство Сефевидов в XVI — начале XVII в.* Гл. 5. *История Востока. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени XVI—XVIII вв.* М., 2000. Т. III. С. 99—119.

обретения независимости в политических системах арабских стран и Ирана превалировали светские и националистические элементы, что сдерживало роль конфессионального фактора. Поэтому в этот период истории роль религиозных факторов в формировании основных параметров арабо-иранских отношений несколько ослабла. Только после исламской революции в Иране религия стала приобретать влияние на отношения Ирана с арабами, а последствия исламизации Ирана получили новое прочтение в политике ИРИ на Ближнем Востоке.

3. Роль арабского и иранского национализма в арабо-иранских отношениях

Процессы реформ и модернизации, которые начались в государствах Ближнего Востока в конце XVIII в., оказали заметное влияние на развитие арабо-иранских отношений³⁴. К 1920-м годам тема реформ и модернизации активно дискутировалась в среде так называемого образованного класса. Именно представители этой группы населения выступали в этот период своеобразным драйвером реформ³⁵. Рост национализма, как сопутствующего продукта развития процесса модернизации в арабских странах и Иране, способствовал углублению их национального и культурного соперничества и усилил напряженность в двусторонних отношениях³⁶.

В этот период заметно усилилось проникновение европейцев на Ближний Восток. Колониальные захваты

³⁴ См.: Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983.

³⁵ См.: Арабаджян З.А. Иран. Власть, реформы, революции (XIX–XX вв.). М., 1991.

³⁶ Кулагина Л.М. Иран во второй половине XIX — начале XX в. Гл. 4. История Востока. Восток в Средние века. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.). М., 2005. Кн. 2. С. 70–83.

и их последствия коренным образом изменили мировоззрение мусульман в Иране и арабских странах³⁷.

В ближневосточной общественной мысли возникли два базовых понятия. Первое искало причины отсталости в исламе, который определял поведенческий стереотип общества. Они считали, что мусульмане должны отойти от некоторых норм, практик ислама, заменив их иными поведенческими моделями³⁸.

Между арабскими и неарабскими мусульманскими мыслителями и философами существовала серьезная разница в подходах к выявлению роли ислама в этом процессе. Поскольку родиной ислама была Аравия и ислам был драйвером развития языка, культуры и власти, многие арабские интеллектуалы не считали ислам ответственным за отставание мусульманских стран Ближнего Востока. Они обвиняли неарабские народы в извращении и неверном толковании ислама. Так, арабский мыслитель Абд аль-Рахман аль-Кавакиби обвинял турок во внедрении в ислам практик, которые привели к его упадку. Иранцев обвиняли в том, что персидские культура и традиции извратили первоначальный ислам Аравии³⁹. В Египте одной из форм национализма стало движение «фараонизма». Известный египетский просветитель Таха Хуссейн полагал, что Египет способен существенно прогрессировать, вернувшись к своим древнеегипетским корням⁴⁰.

Схожие тенденции наблюдались и в Иране. В определенных кругах иранского общества уже давно зароди-

³⁷ См.: Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М., 1982.

³⁸ См.: Степанянц М. Т. Ислам в философской и общественной мысли Зарубежного Востока (XIX–XX вв.). М., 1974.

³⁹ См.: Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age. Cambridge, 1966.

⁴⁰ См.: Левин З. И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М., 1972.

лась своя концепция нации и государства. В Иране стал развиваться партикулярный национализм, который рассматривал ислам как источник всех его несчастий. Иранский мыслитель Мирза Ага Хан Кермани превозносил доисламский Иран, его культуру, традиции и религию (зороастризм). Другой подход усматривал причины отсталости исламского мира в недостаточном учете и использовании для прогресса исламских ценностей. Ряд иранских философов считали, что отход Ирана от истинных исламских ценностей привел к его ослаблению. В качестве аргумента они указывали на тот факт, что, имея истинную конституцию в лице Корана, иранские власти пытались взять за образец основного закона конституции Франции и Бельгии⁴¹.

Другие интеллектуалы практиковали гибридный подход, говоря о необходимости взять все положительное из ислама и европейской прогрессивной мысли. Они полагали, что сам по себе ислам не виноват в упадке. Видели проблему в том, что на каком-то этапе мусульмане утратили присущий раннему исламу дух победоносности, рационализма и стремления к знаниям. Это были ранние исламские модернисты (Аль Афгани и М. Абдо), которые использовали ислам как наиболее удобную форму распространения своих учений и доведения их до наибольшего числа людей⁴². Европейские идеи «романтического» национализма были успешно восприняты в большинстве ближневосточных государств и оказали сильное воздействие на мировоззрение ближневосточного общества. Преимущественная опора на этнос, язык, культуру и вторичность территории как путь развития национализма и создания

⁴¹ См.: Kia M. Mirza Fath Ali Akhundzadeh and the Call for Modernization of the Islamic World // Middle Eastern Studies 31. 1995. № 3.

⁴² См.: Keddie N.R. An Islamic Response to Imperialism: Political and Religious Writings of Sayyad Jamal al Din al-Afghan. Berkeley: University of California Press, 1983.

нации-государства импонировали многим мусульманским странам. После распада Османской империи турки на основе идей европейского национализма создали светский вариант пантюркизма. Европейские идеи романтического национализма оказали незначительное влияние на Иран⁴³.

Несмотря на различия в подходах и восприятии европейских идей национализма, арабы создавали свою новую государственность на принципе «другого», «враждебного». Это привело к росту напряженности в арабо-иранских отношениях. После двух мировых войн религия как основной идеологический инструмент в управлении массами в арабских странах Ближнего Востока стала уступать место национализму, к которому на рубеже 1950-х годов добавились светские идеи социализма и коммунизма. В Иране идеи социализма и коммунизма не пользовались популярностью в силу того, что большинство их адептов были представителями этнических меньшинств⁴⁴. Так, в 1945–1946 гг. Коммунистическая партия Ирана «ТУДЕ» (Народная партия Ирана) поддержала движение за отделение Южного Азербайджана и Курдистана и создание на их основе автономий с их последующим вхождением в состав СССР. В противоположность этому иранский национализм строился прежде всего на единстве территории и сохранении территориальной целостности национального государства⁴⁵.

Первые арабские националисты были во многом одержимы романтическими идеями. Они делали упор на язык и считали каждого, кто говорил на арабском

⁴³ См.: Белова Н.К., Никитина В.Б. Иран. Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX – начало XX в.). М., 1973.

⁴⁴ Раванди-Фадаи Л.М. Этноконфессиональные проблемы в современном Иране // сб. Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013.

⁴⁵ См.: Иванов М.С. Новейшая история Ирана. М., 1965.

языке и его диалектах, арабом. Такой подход существенно расширил экспансионистские возможности арабского национализма⁴⁶.

Современные модели арабского и иранского национализма имели много общих черт. Во-первых, национализм рассматривался прежде всего как защитный механизм. Достаточно быстро защитная функция национализма стала дополняться экспансионистской составляющей. Все «пан» националистические теории носили экспансионистский характер. Это касается и панарабизма, и пантюркизма, которые были ориентированы на возврат своих национальных меньшинств в других странах под единую государственную крышу в форме федеративного или конфедеративного государства⁴⁷.

Иран был обеспокоен ростом арабского национального движения, опасаясь арабских территориальных претензий и стремления переименовать Персидский залив в Арабский залив. В последнем арабы во многом преуспели. Арабы претендовали на провинцию Хузистан, ряд островов в Персидском заливе и часть прибрежных участков в Ормузском проливе.

Арабские националисты считали, что арабы обладают особыми чертами, и выделяли их среди других мусульман. В Иране отмечались сходные настроения. Один из ранних теоретиков арабского национального движения Бутрус аль-Бустани призывал арабов не забывать о том, что исламская цивилизация — это достижение прежде всего арабов.

Ряд арабских государств, обретших независимость после Второй мировой войны, сталкивались с нехваткой исторической ретроспективы своего существования

⁴⁶ Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М., 1965.

⁴⁷ См.: Antonius G. The Arab Awakening. The Story of the Arab National Movement. Safety Harbor, Fl, 2001.

в качестве единого национального государства. В результате им приходилось искать самоопределение на путях борьбы с «чужими», «другими», «враждебными». Для многих таким государством стал Иран⁴⁸.

Создание единого арабского национального государства было мечтой арабских националистов. Это объясняет, почему часто арабский национализм трактуют как панарабизм. Стремление к единому государству было отчасти вызвано предательским поведением Великобритании, которая обещала арабам единое арабское государство. Несмотря на то что арабское государство было скорее мечтой, за последние десятилетия в арабских странах было создано много общеарабских организаций и институтов. Иран был особо обеспокоен чувством арабской коллективной солидарности, что ярко проявилось в ходе ирако-иранской войны.

Таким образом, хотя единое арабское государство не было построено, чувство межарабской солидарности и коллективизма в противодействии «чужим» ощущалось достаточно ясно⁴⁹.

Иранский национализм, в свою очередь, отличался некоторым романтизмом, ностальгией по славному прошлому и этноцентричным характером. Ряд иранских националистов пропагандировали исключительность иранской нации. Центральной установкой иранского национализма как политической идеологии была концепция «иранских земель» («Иран замин»). Она носила не только земляческий характер, но и отличалась культурными коннотациями. С точки зрения иранских националистов, любое место, где доминирует иранская культура

⁴⁸ См.: Khadduri M. *Political trends in the Arab World: The Role of Ideas and Ideals*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977.

⁴⁹ См.: Dawn C. E. *From Ottomanism to Arabism*. Urbana: University of Illinois Press, 1973.

и говорят на фарси, даже если оно управляется неиранцами, может считаться «Иран замин». Акцент на персидском характере иранского национализма мог оттолкнуть от власти национальные меньшинства. Поэтому власть прежде всего делала упор на «иранизм» как основу единой иранской нации. Сасанидская концепция «Eranshahr» (Eran=Iran) означала единство земли и империи⁵⁰. Персия (Парс) была одной из провинций «Иран замин». Персы были одним из народов иранской нации. Греки идентифицировали Иран как Персию. В отличие от османов с их агрессивной политикой «отуречивания», Иран никогда не проводил «персианизацию». Однако в результате развития образования и распространения иранской культуры фарси занял ведущее место и является официальным языком ИРИ.

Оборонительный характер иранского национализма проявлялся, в частности, в отношении Ирана к соседним государствам. Так, во время правления Реза Шаха — первого шаха из династии Пехлеви (1926—1941) — Иран не выступал с территориальными притязаниями в отношении своих соседей, на землях которых проживало персоговорящее население, включая Герат, который до 1856 г. входил в состав Ирана. Исключением могут являться спорные острова в Персидском заливе, два из которых (Большой и Малый Томб) отошли к Ирану в рамках соглашения с Великобританией об отказе Ирана от претензий на Бахрейн. Остров Абу Муса в административном управлении был разделен между эмиратом Шарджа и Ираном⁵¹.

Иранский национализм носил «охранительный» характер. Он противостоял угрозе растущего арабского и

⁵⁰ См.: Amanat A. and Vajdani F. *Iran Facing Others: Identity Boundaries in Historical Perspective*. New York: Palgrave. McMillan, 2012.

⁵¹ См.: Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости 1925—1941. М., 1971.

турецкого экспансионизма, претендующего на часть территории Ирана под предлогом объединения арабских или турецких земель. В практическом плане иранский национализм в приоритетном порядке использовался как основа для развития политических, экономических и культурных реформ.

В 1920–1950 гг. ряд иранских мыслителей ставили вопрос о паниранизме⁵². Некоторые из них призывали сделать упор на просветительской работе среди персоговорящего населения за пределами Ирана, что в конечном итоге могло привести к осознанному объединению всей иранской нации. Паниранизм стал ответом на рост панарабских и пантюркистских настроений в регионе как оборонительная реакция и стремление сохранить свою территориальную целостность, которая постоянно находилась под угрозой в первой половине XX в. Паниранизм не получил развития, хотя после вторжения союзнических войск на территорию Ирана в 1941 г. в Иране была создана паниранская партия, которая просуществовала до 1960 г. В отличие от арабских стран, где панарабизм в форме баасизма или насеризма стал государственной идеологией, в Иране подобного не произошло. Демарши паниранской партии в парламенте по вопросу о Бахрейне не имели успеха. С другой стороны, ее инициативы по сохранению иранских позиций в Персидском заливе были поддержаны властью и обществом⁵³.

Различия в иранском и арабском национальных движениях были отчасти связаны с исламом. Для верующих иранских мусульман было достаточно сложно высказывать оскорбления религиозного характера в адрес арабов. Все шиитские имамы были этническими арабами. Более

⁵² Федорова И. Е. Элементы паниранизма во внешней политике Ирана // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 437–442.

⁵³ См.: История Ирана. М., 1977.

того, многие иранцы мыслят себя как последователи пророка Мухаммеда, что делает их отчасти арабами. В то же время арабы не озабочены подобными мыслями. Многие вообще не считают иранцев истинными мусульманами. Наряду с этим ислам часто шел вразрез с иранским национализмом. Эта дихотомия усилилась в 1960-х годах, совпав с процессами реформ и модернизации, и достигла своего пика после исламской революции 1979 г. В первые годы после исламской революции встал вопрос о смысле существования иранской нации, ее принадлежности к индо-европейской цивилизации⁵⁴.

Национальному движению в Иране противостояло иранское духовенство. Одной из причин атак духовенства стало то, что они считали, что националисты поставили в центр иранской нации ее идентичность, культуру и лояльность вместо шиитского толка ислама, который со времен Сефевидской династии служил основой формирования идентичности и культуры иранской нации. Они были не согласны с точкой зрения националистов о том, что арабские завоевания и исламизация Ирана пошли во вред стране. Они утверждали, что арабские завоевания освободили иранцев от гнета Сасанидской иерархической структуры управления. С их точки зрения, до арабских завоеваний Иран пребывал в состоянии джахилии (невежества). Они также утверждали, что сохранение и возрождение персидского языка не принесло ничего хорошего Ирану⁵⁵.

Духовному лидеру иранской революции аятолле Хомейни иногда приписывают слова о том, что через пол-

⁵⁴ См.: Hunter, S. T. *Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity, Culture and Governance in the 21st Century*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014.

⁵⁵ См.: Enayat H. *Iran and the Arabs. Arab nationalism and a Wider World* / ed. Sylvia Haim. New York: American Association for the Peace in the Middle East, 1971.

года весь Иран будет говорить по-арабски. На деле, как мог убедиться В.М. Ахмедов на личном примере, практически все представители иранского дипкорпуса, парламента, СНБ, КСИР, других госструктур, действующих на ближневосточном направлении, прекрасно владеют арабским языком, преимущественно иракским или сиро-ливанским диалектами⁵⁶.

Духовенство обвиняло националистов в увлечении европейскими идеями модернизации и опасалось, что националисты хотят изменить иранское общество и государство по европейским образцам. Они были против даже частичной секуляризации общества, культуры и политики. В противном случае это могло подорвать власть духовенства и его позиции. Политика модернизации, которую проводили шахи из династии Пехлеви (1925–1979), ограничила влияние духовенства в образовательной и юридической системе государства. По мере того как процесс модернизации набирал темп в 1960-х годах и затронул вопрос о положении женщин и их избирательных правах, клерикалы усилили атаку на националистов. Фактически антинационалистические идеи легли в основу идеологии исламской революции в Иране 1979 г. и даже после исламской революции клерикалы систематически атаковали националистов и доисламские традиции⁵⁷. Любопытно, что левые силы в Иране также выступили против националистов. Они способствовали развитию субнациональных традиций и пропагандировали этнический и лингвистический партикуляризм, порицая имперские традиции персов.

⁵⁶ См.: Трубецкой В.В. Национальная ситуация в Исламской Республике Иран // сб. Национальный вопрос в освободившихся странах Востока. М., 1986.

⁵⁷ См.: Hunter S.T. *Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity, Culture and Governance in the 21st Century*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014.

Такой подход в корне отличался от практик арабского национального движения, в котором левые и социалисты стали ярыми сторонниками панарабизма. В Иране правящий режим и духовенство рассматривали Иран как культурный и исторический конструкт шиитского толка ислама, соперничавшего с ортодоксальным исламом. В арабских странах и Турции ислам и этнический национализм усиливали друг друга. Иными словами, в Турции после К. Ататюрка и арабских странах ислам служил объединительным целям национализма, а национализм помогал решать задачи панисламизма. В Иране же существовала дихотомия между национализмом и исламом. Она придавала иранской внешней политике двойственный и противоречивый характер. Это стало особенно заметным после исламской революции в Иране и попыток практически реализовать тезис об экспорте исламской революции в рамках активизации иранской политики в арабских странах Ближнего Востока. Политика экспорта исламской революции вызвала противодействие арабов и привела к ухудшению арабо-иранских отношений⁵⁸.

Несмотря на атаки духовенства на Иран как национальный, культурный, исторический конструкт, иранский национализм сохранял прочные позиции. Иранская национальная символика выжила и сохраняется до сих пор. В последние три десятилетия, особенно после ирано-иракской войны, даже клерикалы были вынуждены признать национализм как полезный инструмент в борьбе с противниками Ирана. В то же время большинство арабских стран с недоверием относились к Ирану с точки зрения его претензий на «исламскую миссию», испытывали подозрения в отношении иранского национализма и опа-

⁵⁸ См.: Hunter S. T. *Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity, Culture and Governance in the 21st Century*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014.

сались его политических амбиций. Шиитский партикуляризм Ирана также усиливал подозрения арабов в отношении ИРИ, несмотря на то что иранский режим пытался придать революции общеисламский характер, чтобы не дать представить ее как шиитский феномен. В этой связи некоторые арабские клерикалы нередко именовали иранцев «рафидун» (отрицание первых трех праведных халифов. — А.В.) и считали, что Иран проводит националистическую и экспансионистскую политику под знаменем ислама⁵⁹.

Ирано-иракская война и арабские нападки на Иран усиливали позиции иранских националистов⁶⁰. Некоторая «ограниченность» исламской идеологии в плане развития новых институтов государства и реформирования старых вынуждала иранские власти терпимее относиться к национализму как более гибкому инструменту реформ. Необходимо отметить, что использованный здесь термин «ограниченность» носит чисто инструментальный характер. На деле ислам достаточно гибок и приспособляем к любым системам. Достаточно сказать об исламском «банкинге» и исламских банках, которые пытаются запретить в некоторых странах из-за опасений в поддержке экстремизма, а на деле из-за опасений сильного конкурента.

С приходом к власти президента М. Ахмединежада (2005–2013) возобновилось развитие иранского национализма. М. Ахмединежад и его сторонники придерживались точки зрения, что Иран не только территориальный и этнический конструктор, но и является культурным и духовным феноменом и продуктом древней цивилиза-

⁵⁹ См.: Алиев С.А. К национальному вопросу в современном Иране // Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1964.

⁶⁰ См.: Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. М., 1996.

ции. То есть Иран задолго до ислама представлял свою цивилизацию. Эти взгляды М. Ахмединежада оставили отпечаток в иранском социуме и сформировали общественный запрос на развитие иранизма, национализма как основы иранской идентичности и альтернативы исламизму. Недаром в канун недавних президентских выборов в ИРИ вновь всплыло имя М. Ахмединежада. Сегодняшний Иран остро нуждается в подобных идеях, чтобы обрести мудрость силы и уверенность спокойствия, которые позволят ему достойно договориться с Западом по ядерной проблеме и пересмотреть свою политику в ряде арабских стран Ближнего Востока. Таким образом, сохранялась возможность возрождения национализма как основы новой политической идеологии⁶¹.

Развитие арабских независимых государств, теорий панарабизма и арабского национального движения наряду с иранским национализмом осложнили арабо-иранские отношения. В процессе строительства новых национальных государств ряд арабских стран, прежде всего Ирак и монархии Персидского залива, использовали образ Ирана в качестве чуждого им объекта, от экспансии которого необходимо защищаться. Присутствие на территории этих стран анклавов с иранским населением и культурное влияние Ирана на их подданных усиливало враждебное отношение этих государств к Ирану.

Указанные выше процессы достаточно явно проявились также и в Ираке, который хотя и носил черты древних цивилизаций, но представлял собой молодое национальное государство с полиэтническим и многоконфессиональным населением. Иран в силу своих длительных исторических связей с Ираком играл заметную роль в про-

⁶¹ См.: Hunter S. T. *Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity, Culture and Governance in the 21st Century*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014.

цессе его национального становления и самоопределения на общеарабской национальной основе⁶².

Попытки Ирана сохранить свои позиции в регионе и в Персидском заливе в частности были восприняты арабскими странами как дополнительное доказательство враждебности и экспансионистского характера иранской внешней политики. В условиях монархического правления в Иране укрепление национализма совпадало с возрождением чувств исторического соперничества с арабами. Однако, как показал опыт ИРИ, ограничение ислама национализмом не способствовало развитию дружеских связей между арабами и иранцами. После исламской революции многие арабские страны обвинили Иран в попытках экспортировать шиизм.

Таким образом, традиционные различия в этническом и религиозном отношениях в условиях модернизации превратились в вопросы национальной безопасности и сохранения целостности государства.

⁶² См.: Halliday F. Arabs and Persians beyond the Geopolitics of the Gulf. Cahiers d'Etudes sur la Mediterranee Orientale et le Monde Turco-Iranian. 22.07.1996.

Глава II

ИРАН И БЛИЖНИЙ ВОСТОК НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

На рубеже столетий Ближний Восток переживал один из сложных периодов за всю свою новейшую историю. В ряде стран региона бушевали гражданские войны. В них оказывались вовлеченными не только региональные игроки, но и ведущие мировые державы, которые боролись за передел региона на выгодных им условиях.

Тщательно отстроенная в конце 1960-х — начале 1970-х годов XX столетия политическая архитектура Ближнего Востока, в соответствии с которой регион был вписан в систему мирохозяйственных связей и мировой политики эпохи «холодной» войны и последовавшей «разрядки», претерпела серьезные изменения.

Начавшиеся рушиться скрепы, которые надежно удерживали регион в прежнем состоянии «цивилизованного колониального господства», были подкреплены силовой политикой США, которые после распада СССР быстро нашли нового «многоликого» противника в виде «исламского» терроризма и «атомного» Ирана.

Подобное развитие событий во многом было предопределено общей отсталостью региона, нерешенностью арабо-израильского конфликта, последствиями войн в Ираке и Ливане, так называемой «Арабской весны», не способностью международного сообщества

вывести эти конфликты на путь политического урегулирования.

Подобные изменения не могли не повлиять на характер внутренних процессов в регионе. В большинстве стран Ближнего Востока наблюдался рост социального напряжения. Многим ближневосточным правителям все труднее становилось «покупать» лояльность своего населения. Попытки теоретически обосновать предпринимаемые местными властями действия на основе прежней идеологии не давали желаемого результата. Светские в своей основе идеи национализма стали замещаться новой идеологией исламизма в качестве принципа государственного строительства.

Важные политические события, охватившие государства региона в этот период, не могли не сказаться на ситуации вокруг арабских стран и Ирана и характере иранской политики на Ближнем Востоке.

1. Внутренние императивы внешней политики ИРИ. Роль ислама и духовенства

В результате исламской революции 1979 г. в Иране была создана исламская республика, которая воплощала в жизнь идею исламского правления в современном мире. Отстроенная в Иране в послереволюционные годы политическая система обеспечила представителям религиозных кругов руководящие позиции в стране и обществе.

Политизация шиитского духовенства Ирана начала явно проявляться с середины XIX в. Тогда религиозные деятели стали выступать против попыток закабаления страны колониальными державами, пытаясь поставить заслон процессу вестернизации страны. Так, духовенство активно противостояло проникновению запад-

ных государств и России в Иран и неоднократно объявляло им джихад.

Духовенство сыграло важную роль в конституционном движении 1905–1911 гг. в Иране. Именно в этот период было положено начало идеологии религиозно-политического модернизма, т. е. предприняты попытки адаптировать идейно-нормативную базу ислама к требованиям современного общественного развития⁶³.

В ходе Второй мировой войны и в 1950-е годы, в период борьбы за национализацию нефти, духовенство выступило в качестве организованной политической силы на базе идеологии религиозно-политического модернизма.

Послевоенные десятилетия стали периодом расцвета исламской политической мысли в Иране. Религиозные и светские идеологи, разделявшие идеи религиозного модернизма аятоллы Р. Хомейни, А. Табатабаи, С.М. Талегани, М. Мотаххари, М. Бехешти, М.К. Шариатмадари, а также А. Шариати, М. Базарган и др., вырабатывали религиозную идеологию, которая впоследствии легла в основу исламской революции. Тезис о неразделимости ислама и политики становится базисом этой концепции⁶⁴.

Развивая известные идеи А. Хомейни, иранские реформаторы разрабатывали планы установления исламского правления в стране. Они активно пропагандировали свои идеи исламского модернизма. Стремились интеллектуально пробудить религиозные массы. Сформировать в общественном мировоззрении образ исламского правления и в конечном итоге установить его.

⁶³ Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М., 1998. С. 198–207.

⁶⁴ См.: Доктрина исламской революции. Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. М., 2009.

Параллельно с выработкой идейной концепции исламского движения начинается деятельность по созданию организационной структуры духовенства.

В 1961 г. в Куме нелегально возникает Общество преподавателей Кумского теологического центра (ОП КТЦ). В Уставе организации подчеркивалось, что основные цели ее деятельности — это защита и распространение ислама, борьба за внедрение исламских норм в политику, экономику, судебную систему, социальную и культурную сферы⁶⁵.

Впервые Общество проявило себя, выступив против иницилируемой шахом модернизации страны в июне 1963 г. Его членам удалось поднять мелких торговцев, ремесленников, полупролетарские элементы на борьбу с реформами и спровоцировать в Куме, Тегеране и ряде других городов столкновения с правительственными войсками. Эти события в современной иранской историографии оцениваются как предпосылки исламской революции⁶⁶.

В 1973 г. по инициативе улемов Кума, близких к Хомейни, создается Общество борющегося духовенства Тегерана (ОБД). Среди его организаторов выделялись А. Хаменеи, А.А. Хашеми Рафсанджани, М. Мотаххари, М. Бехешти и др. ОБД было сформировано как закрытая политическая организация духовенства, в состав которой вошли 95 богословов. За несколько лет они сумели взять под свое руководство большинство мечетей и культовых мест и мобилизовать массы на антишахскую борьбу.

Постепенно А. Хомейни трансформирует традиционные представления о власти. Он вводит понятия «исламская республика» и «исламское народовластие». Базовым

⁶⁵ Подробнее о роли духовенства в Иране см.: Дунаева Е. В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности // Религия и общество на Востоке. 2017. № 1. URL: <https://bsv.ivran.ru/articles?artid=9630>.

⁶⁶ Abrahamian E. A History of Modern Iran. New York: Cambridge University Press, 2014.

принципом иранской модели исламского государства становится принцип «веляят-е факих», т. е. руководство обществом и государством со стороны наиболее знающего и почитаемого богослова-правоведа. Помимо «хомейнизма» идеи политического ислама звучали и у других представителей исламского модернизма⁶⁷. Активно их пропагандировали представители леворадикального толка в шиизме — светский идеолог А. Шариати и аятолла М. Талегани, — в работах которых ислам сочетался с социалистическими идеями⁶⁸.

Фактически, исламская республика как цель исламской революции представляла собой новую модель государственного устройства, сочетающую в себе республиканские принципы и исламскую сущность.

После февральского восстания (1979 г.) на повестку дня встал вопрос о создании новой системы власти в стране. В первые послереволюционные дни Общество борющегося духовенства объявило о создании религиозной политической партии — Партии исламской республики (ПИР). Создание политической организации было инициировано с целью установления исламского режима и обеспечения политического лидерства духовенства. Новое политическое объединение позиционировалось не как исламская партия, а именно как партия духовенства.

Создание ПИР можно рассматривать как развитие идей исламского модернизма. Эта организация представляла собой институт современной политической практики, руководителями и членами которой были представители религиозного сословия. В ПИР были представлены различные течения, и она превратилась в коалиционное

⁶⁷ Хаджесарви Г. Политика и власть в Исламской Республике Иран. Тегеран, б. г. (на перс. яз.) [авторский перевод].

⁶⁸ Лукьянов А. К. Исламская революция. Иран — опыт первый. М., 2015. С. 61–73.

объединение различных исламских сил. Благодаря деятельности ПИР удалось закрепить в проекте конституции принцип «веляят-е факих» и консолидировать власть в руках духовенства⁶⁹.

Конституция страны сформулировала основные принципы политического устройства исламской республики и закрепила исламские нормы организации общества и экономической деятельности как государственные. Система государственного устройства ИРИ представляет собой сложный симбиоз из элементов теократии и республики, где превалирует ислам. Различные религиозные, гражданские, общественные организации активно участвуют в системе выработки решений. Но их возможности серьезно ограничены на этапе принятия решений. Как правило, последнее слово остается за духовным лидером и военными. Одновременно были созданы специальные институты мобилизации масс и подавления инакомыслия — Корпус стражей исламской революции (КСИР) и басидж (народная милиция).

К середине 1980-х годов духовенство сумело установить практически полный контроль над политической жизнью страны. Ислам стал системообразующим элементом политической системы. В этой связи в отечественной и зарубежной иранистике появились различные оценки сложившейся в Иране системы власти⁷⁰.

Попытки обосновать феномен исламской революции, увязать связь религии и политики, разобраться в специфике вновь созданной политической системы служили предметом пристального внимания зарубежных политиков и ученых. Данный факт объяснялся актив-

⁶⁹ Дунаева Е. В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 4. С. 169–189.

⁷⁰ Складов Л. Е. Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция. М., 1993. С. 230–233.

ностью Ирана на международной арене, ростом исламских движений, их поисками новых моделей общественного устройства⁷¹.

Вышеприведенные оценки режима относятся к периоду его становления. Дальнейшее развитие системы власти в ИРИ дало аналитикам возможность увидеть новые грани в модели исламского правления, в котором отмечалось сочетание идей исламизма и демократии. Ряд исследователей отмечали попытки соединения идей теократии и демократии в системе государственного управления. О развитии демократического потенциала в условиях исламской республики писали и другие ученые⁷².

Начало 1990-х годов обозначило новый этап в развитии исламской республики. Новый президент ИРИ Х. Рафсанджани пытался осуществить программу либеральных экономических реформ и проводить более гибкую внешнюю политику с целью нормализации отношений с арабскими странами. Правительство призывало начать широкий международный диалог с целью привлечения западных технологий и инвестиций. По оценке ряда экспертов, реформы этого периода стали попыткой увязать принципы нелиберальной западной модели с исламским банкингом и исламской экономикой⁷³.

С середины 1990-х годов активизируется деятельность политических партий и организаций и начинается формирование партийной системы⁷⁴.

⁷¹ Дунаева Е. В. Политическая система Исламской Республики Ирана: вызовы либеральной модернизации // Восток (Oriens). 2016. № 1. С. 111–120.

⁷² Moussawi I. Shi'ism & The Democratization Process in Iran with a Focus on Wilayat al-faqih. London, UK: Saqi Books, 2015.

⁷³ Ульченко Н. Ю., Мамедова Н. М. Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана). М., 2016. С. 257.

⁷⁴ Подробнее о деятельности политических организаций духовенства см.: Раванди-Фадаи Л. М. «Исламское коалиционное общество» как основная консервативная партия в Иране // Ислам и общественное развитие в начале XXI века. М., 2005. С. 442–445.

К этому периоду в лагере «левых» произошло значительное изменение позиций. Они дистанцировались от идеологии исламского левого радикализма, приняв идеи свободного рынка, приватизации, развития гражданских свобод. В Иране заговорили об изменениях в политической системе, поддержали расширение связей с западным миром и посчитали возможным допуск культурных достижений западной цивилизации в исламское общество⁷⁵.

После избрания в 1997 г. президентом ИРИ М. Хатами 18 политических групп и партий объединились на платформе исламской демократии и сформировали «Фронт 23 мая» в поддержку нового президента. Это и положило начало движению, которое в Иране известно как реформаторское. Идейным штабом движения стала Ассоциация борющегося духовенства — политическая организация религиозных деятелей реформаторской направленности, отколовшихся еще в конце 1980-х годов от Общества борющегося духовенства. Реформаторам противостоял консервативный фланг. Он также объединял почти два десятка партий и возглавлялся Обществом борющегося духовенства.

Первые два десятилетия XXI в. оказались весьма бурными и неоднозначными для развития политической системы Ирана. Тем не менее сегодня власть в Иране сохраняет запас прочности. Исправно функционирует модель государственного устройства. Она базируется на исламской доктрине особого характера с учетом иранской специфики и исключительности доктрины шиитского духовенства, которое принимало активное участие в ее создании. Отстроенная система власти умело сочетает в себе видимость демократии, воплощенной в дея-

⁷⁵ Дунаева Е. В. Религиозные организации на политическом поле ИРИ // Азия и Африка сегодня. 2013. № 7. С. 29–35.

тельности, по сути, фасадных структур типа парламента и меджлиса, хотя основной механизм управления государством и принятия важнейших решений сосредоточен в руках клерикального духовенства и военных. Указанные особенности политической системы не могли не сказаться на внешней политике ИРИ и ее особом характере, который ярко проявился в арабских государствах Ближнего Востока.

2. Теоретические и идеологические аспекты политики ИРИ на Ближнем Востоке

В современных международных отношениях повышается роль неклассических инструментов внешней политики. На смену парадигме силового контроля над территорией приходят инструменты, основанные на культурном, цивилизационном влиянии, борьба за идеи и идеологию. Совокупность данных ресурсов раскрывается как «мягкая сила». Традиционно проблематика «мягкой силы» рассматривалась с позиции применения исключительно ненасильственных способов воздействия⁷⁶.

Однако в ближневосточной дипломатии, особенно с исламским окрасом, данный концепт претерпел некоторые трансформации по сравнению с его западными аналогами. На практике фактически невозможно было провести четкую грань между «жестким» и «мягким» во внешней политике государства. Тем более в политике ближневосточных государств насильственные меры традиционно успешно обеспечивали обретение ресурсов «мягкой силы»

⁷⁶ Подробнее об этом см.: Исаков А. С. «Мягкая» и «жесткая» сила во внешней политике Исламской Республики Иран: роль гуманитарной дипломатии // Сб. материалов Всероссийской молодежной научной конференции «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир» (Екатеринбург, 20–21 апреля 2018 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. С. 15–19.

и способствовали повышению эффективности гуманитарной дипломатии.

Так, одним из основных инструментов внешней политики Ирана на Арабском Востоке после исламской революции стала политика экспорта исламской революции, в которой удачно сочетались и дополняли друг друга силовые и гуманитарные аспекты.

В современной внешней политике Ирана, как и других стран Ближнего Востока, идеология часто берет верх над политической практикой. Поэтому внешнеполитические действия, выстраиваемые на основе артикуляции актуальных чаяний и озабоченностей большинства населения стран-объектов влияния, воспринимаются в контексте «мягкого» или гуманитарного воздействия.

До исламской революции Иран имел разветвленные и интенсивные связи с европейскими государствами. Свое развитие Тегеран ассоциировал именно с данной группой стран, что было выражено в попытке транзита модели «вестернизации». Возглавляемая шиитским духовенством революция совершила полный институциональный поворот в подходах и методах как внутренней, так и внешней политики Ирана.

После революции гуманитарный аспект внешней политики Ирана был направлен на постепенное продвижение идей аятоллы Хомейни об «экспорте исламской революции». Постепенно взгляды иранского истеблишмента претерпели некоторую эволюцию в результате определенной фракционности внутривнутриполитической системы ИРИ. Так, после революции в Иране было несколько основных политических фракций: реформисты, прагматики, традиционалисты. Каждая из фракций имела собственную внешнеполитическую повестку и собственное представление о характере гуманитарной дипломатии страны.

Институционально гуманитарная дипломатия как часть внешней политики прослеживается со времени президентства Х. Рафсанджани (1989—1997). Относившийся к числу прагматиков глава государства рассматривал гуманитарные каналы воздействия как инструмент продвижения прежде всего экономических интересов. Особенно это касалось вопросов торговли углеводородами и приобретения современных технологий.

Развитие и окончательное институциональное оформление гуманитарная дипломатия Ирана получила уже во время президентства М. Хатами (1997—2005). Его концепции «исламского гражданского общества» и «диалога цивилизаций» стала своеобразным ответом концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Впервые данные идеи были озвучены в декабре 1997 г. Именно по инициативе главы иранского государства 2001 г. был объявлен ООН Годом диалога цивилизаций.

Выдвинутые иранскими «модернистами» идеи восходили к тезису о том, что современные мусульманские страны отчасти находятся в состоянии добровольной автаркии. Их власти создают ограничения на проникновение современных достижений науки и техники, так как они, являясь выражением западных ценностей, оказывают негативное воздействие на исламские традиции. Данная ситуация возникла как ответ на наследие колониальной системы, в результате которой западные страны своим экономическим и политическим превосходством подавили активность жителей Ближневосточного региона.

М. Хатами критически оценивал сложившуюся ситуацию. Он считал, что технологические новации как таковые не могут оказывать негативного воздействия на общество. Отсюда следовал вывод о том, что взаимный обмен технологиями и идеями является залогом

прогресса и не должен ограничиваться никаким образом, в том числе не допускаются ограничения на информацию. Главная же функция государства — защита прав и свобод человека. При этом в качестве основных ограничителей выступали местные обычаи и архаичные настроения, тормозившие развитие страны. Обойти указанные ограничения была способна политика мультикультурализма, снимавшая проблему излишнего социального консерватизма, и сильное патерналистское государство, оберегающее и защищающее человека. Сила государства понималась как совокупность силы его институтов, именно поэтому во времена правления М. Хатами активно развилась партийная и политическая система страны. Однако бо́льшая часть подобных инициатив не нашла понимания среди традиционалистского населения, и многие начинания не получили своего продолжения.

В то же время гуманитарные аспекты иранской дипломатии только усилились и оказали заметное воздействие на приоритеты внешней политики ИРИ. Новый президент Ирана М. Ахмединежад (2005–2013), поддерживаемый консерваторами, добавил определенную «жесткость» во внешнеполитический инструментарий иранской дипломатии и международный образ Ирана⁷⁷. Это выразилось в разработке ядерной программы, интенсификации участия в вооруженных конфликтах за рубежом, агрессивной риторике по отношению к США и Израилю. Однако это не оказало однозначно нивелирующего воздействия на «мягкий» потенциал, так как даже такая жесткая риторика отвечала представлениям большинства населения мусульманских

⁷⁷ Мамедова Н. М. Основные направления социально-экономической политики правительства М. Ахмединежада // Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013.

стран и воспринималась ими в контексте гуманитарного воздействия⁷⁸.

Окончательная трансформация «гуманитарной» дипломатии как составной части внешней политики Ирана произошла в процессе президентства «консерватора» Х. Рухани. Им проводился взвешенный курс, в рамках которого Иран отказался от агрессивной риторики. Одновременно происходило наращивание силовой составляющей во внешней политике Ирана. Особенно ярко это проявилось в прямой вовлеченности Ирана в вооруженные конфликты в Сирии, Ираке и Йемене.

При этом участие в вооруженных конфликтах сочеталось с элементами гуманитарной дипломатии. Так, поддержка лояльных Б. Асаду шиитских милицейских формирований («Хизбалла», бригады «Фатимиюн») воспринималась частью местного населения в гуманитарном аспекте и являлась инструментом «мягкой силы». Действительно, со времени исламской революции в «гуманитарной» дипломатии ИРИ произошли качественные сдвиги. Они скорректировали неудачные попытки экспорта исламской революции в плоскость целостной и совершенной системы гуманитарного воздействия, балансирующей на грани «жесткой» и «мягкой» силы.

Стоит полагать, что при новом президенте Ирана методы гуманитарной дипломатии сохранят свою актуальность, а традиционные механизмы внешней политики, такие как культурная дипломатия, на уровне языкового и религиозного сотрудничества, получат свое дальнейшее развитие.

⁷⁸ Исаков А. С. «Мягкая» и «жесткая» сила во внешней политике Исламской Республики Иран: роль гуманитарной дипломатии // Сб. материалов Всероссийской молодежной научной конференции «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир» (Екатеринбург, 20–21 апреля 2018 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. С. 15–19.

3. Эволюция политики ИРИ на Ближнем Востоке

После исламской революции 1979 г. политика Ирана в регионе определялась прежде всего особенностями государственной власти в лице шиитского духовенства, которая утвердилась в стране. Общеисламские ценности служили основным идеологическим обоснованием политического курса Ирана в регионе. Внешний фактор и региональный баланс сил играли весомую, а иногда и решающую роль в политике ИРИ на Ближнем Востоке. В наиболее острые политические моменты они выдвигались на передний план, а исламское руководство пыталось выйти с их помощью из внутривосточного кризиса⁷⁹.

Основополагающие принципы внешней политики ИРИ, провозглашенные в начале исламской революции, такие как «ни Запад, ни Восток, а ислам», экспорт исламской революции, приоритетные отношения со странами мусульманского мира претерпели определенные изменения. Внешняя политика Ирана в 1990-х годах менялась и становилась более гибкой и умеренной, утратив характерный для 1980-х годов радикальный характер. Главный упор во внешней политике был сделан на обеспечение внутренней безопасности страны, сохранение ее территориальной целостности, поддержание добрососедских отношений с пограничными ИРИ государствами⁸⁰.

С приходом к власти в 1997 г. президента М. Хатами Иран предложил новую внешнеполитическую концепцию — диалог между культурами и цивилизациями западного и восточного мира на основе принципов взаимопонимания и доверия. Новый внешнеполитический курс

⁷⁹ См.: Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1988.

⁸⁰ Подробнее об этом см.: Arab-Iranian Relations / ed. by Haseeb Khair el-Din. Center for Arab Unity Studies. Beirut, 1988. P. 3–18; 73–103.

ИРИ строился согласно этим установкам, с учетом меняющегося регионального баланса сил. Иран активизировал свои отношения как с западными, так и с восточными странами.

Иран сумел выйти из международной политической изоляции, в которой оказался после исламской революции. Налаживались отношения со странами ЕС. Это имело особое значение для Ирана, чья экономика нуждалась в иностранных инвестициях и технологиях. Наиболее активно шло сотрудничество с ЕС в нефтяной и газовой промышленности. Деловые круги стран Европы выражали готовность инвестировать в иранскую инфраструктуру, строительство, туризм.

Определенные успехи были достигнуты Ираном в нормализации отношений с арабскими странами, прежде всего с аравийскими монархиями Персидского залива. Иран выдвинул идею обеспечения региональной безопасности исключительно силами прибрежных государств с обязательным участием Ирана. Важным шагом на пути реализации единой системы региональной безопасности явилось подписание в апреле 2001 г. Пакта о безопасности между Ираном и Саудовской Аравией.

Стремясь противодействовать плану США изолировать ИРИ на Ближнем Востоке, иранская ближневосточная дипломатия активно прорабатывала тему возможного участия ИРИ (в качестве ассоциированного члена) вместе с Турцией в работе Лиги арабских государств. В деле реализации своей политики по нормализации отношений с арабскими странами Иран делал ставку на Сирию, которая была одним из главных арабских союзников Ирана.

Война в Ираке и ее последствия непредсказуемо меняли конфигурацию политических сил в регионе и заставляли Иран опасаться за свою безопасность. В связи

с этим внешнеполитические приоритеты ИРИ стали меняться.

После возврата к власти в ИРИ в 2005 г. «консерваторов» Иран вместе со своими арабскими союзниками в регионе, прежде всего Сирией, проводил активную политику по укреплению своего влияния на Ближнем Востоке. Эта политическая линия ИРИ нашла свое отражение в Ираке, где было сформировано правительство, подконтрольное Тегерану. В результате войны в Ливане (2006) и событий в Бейруте (2008–2009) подконтрольная Ирану «Хизбалла» фактически взяла власть в свои руки в этой арабской стране. Война в Газе зимой 2009 г. создала условия для укрепления позиций ИРИ в Палестине. В целях укрепления своих региональных позиций Иран умело использовал просчеты арабских лидеров и межарабские разногласия. При этом Тегеран опирался на поддержку шиитских общин в ряде арабских стран. В итоге Иран добился определенных результатов в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене⁸¹.

Складывающаяся в регионе военно-политическая ситуация во многом определялась характером взаимоотношений США с Ираном. На протяжении первой декады 2000-х годов сдерживание ИРИ стало центром всей ближневосточной политики США. Америка обвиняла Иран в эскалации насилия в Ираке, Афганистане, дестабилизации ситуации в Ливане, приходе «ХАМАС» к власти в Газе. США опасались, что баланс сил в регионе может склониться в пользу ИРИ и ее союзников.

Суть американской политики на Ближнем Востоке сводилась к расширению своих военных возможностей в регионе. США стремились усилить давление на Иран и пытались создать широкую антииранскую коалицию.

⁸¹ Дунаева Е. В. Развитие политического процесса в Иране в 2005–2012 гг. // Иран при М. Ахмедиенежаде. М., 2013.

С этой целью Вашингтон увеличил свое военное присутствие в Персидском заливе. Одновременно США создали и профинансировали (75 млн долл.) фонд поддержки иранской оппозиции, выступавшей за смену власти в Иране⁸². Через свои подконтрольные финансовые организации США ограничили возможности выхода Ирана на международные рынки и обвинили КСИР в поддержке международного терроризма.

Главной целью США было снизить влияние ИРИ в арабском мире, чтобы отбросить назад все завоевания ИРИ в этом регионе. Вашингтон стремился получить поддержку арабских правительств в противодействии политике Ирана. Положение, сложившееся вокруг Ирана, вызвало неадекватную реакцию его арабских соседей. Позиции некоторых из этих государств не отличались ни ясностью, ни решительностью. С одной стороны, они вроде как опасались последствий возможного американского военного удара по Ирану, а с другой — не желали вызвать недовольство американской администрации. С этой точки зрения многие арабские страны с сочувствием относились к планам «замораживания» иранской ядерной программы, будь то в рамках международных усилий или односторонних действий США. В то же время многие арабские государства понимали, что возможные последствия американских силовых акций против ИРИ с точки зрения экономики и безопасности вряд ли будут отвечать их национальным интересам. Значительная часть населения ближневосточных государств не поддерживала идею нанесения ракетно-бомбовых ударов по иранским ядерным объектам. Но они обладали весьма ограниченными возможностями повлиять на ситуацию, особенно в условиях американской гегемонии в регионе.

⁸² Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С. Большой Ближний Восток. М., 2007. С. 149.

Политика Ирана пугала многих представителей правящей арабской элиты. Ядерная программа Тегерана, его явное стремление к политическому доминированию в регионе, неоспоримые достижения ИРИ в военно-технической сфере, вовлеченность Ирана в наиболее острые конфликты в арабском мире, а также нерешенность проблемы трех островов в Персидском заливе — всё это мешало арабским странам нормализовать отношения с иранским руководством⁸³. В условиях обострения религиозного противостояния на Ближнем Востоке арабские государства с большинством суннитского населения опасались имеющих у Тегерана возможностей напрямую вести диалог с шиитским меньшинством и связанными с ними организациями в их странах. Особую опасность это приобретало в условиях подъема шиитского движения в арабских странах после свержения режима С. Хусейна в Ираке. Довольствовавшиеся прежде подчиненным положением в общественно-политической жизни шиитские общины стремились в новой ситуации получить доступ к управлению государством в других арабских странах, где шииты занимали прочные позиции. Но добиться успеха шиитские общины в арабских странах могли только при поддержке Ирана. Различие между шиитским меньшинством и суннитским большинством в арабском мире являлось важным элементом, определявшим отношения арабов и иранцев. Конфессиональные противоречия в регионе всегда служили инструментом провоцирования политических конфликтов между арабскими странами и Ираном. В отношении шиитских общин Иран проводил политику их сплочения вокруг Тегерана с целью обеспечения своей внешней политики, а также решения энергетических

⁸³ Сажин В.И. Военная напряженность вокруг Ирана // Иран при М. Ахмеди-наде. М., 2013.

задач⁸⁴. Это прежде всего касалось шиитов Ирака, Ливана, арабских монархий Персидского залива, Афганистана, Йемена и Азербайджана. Характерно, что именно на территории этих стран, где достаточно велик процент шиитов, находятся одни из самых крупных мировых запасов углеводородов. Это — районы Хузистана, Каспия, Басры, Азербайджана, Эль-Хассы, Бахрейна. Приоритетной задачей ИРИ являлось сплочение шиитского населения под эгидой Ирана. Сегодня шииты в этом районе составляют около 11% всех мусульман. Но Ирану в одиночку вряд ли удалось бы осуществить лидерство в этих районах, и особенно в Персидском заливе, поэтому он стремился приобрести союзников из числа арабских стран, прежде всего в Сирии и Ираке.

Особую обеспокоенность активной политикой Ирана в регионе проявляли лидеры Саудовской Аравии, Египта, которые рассматривали себя и свои страны в качестве главных игроков в регионе и считали ближневосточную политику Ирана угрозой своему влиянию и стабильности на Арабском Востоке. Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) вместе с Египтом и Иорданией стремились создать общий военный щит против Ирана, особенно в условиях ослабления Ирака.

Предпринимавшиеся американской администрацией при содействии своих арабских союзников в течение последних десятилетий попытки изменить систему власти в ИРИ и сдержать рост иранского влияния на Ближнем Востоке не принесли желаемых результатов⁸⁵. Несмотря

⁸⁴ См.: Аятолла Занджани, Мохаммад Таваколи. Религиозные принципы как основа внешней политики Исламской Республики Иран // Ежеквартальный исследовательский журнал. 2012. Т. 42, № 2 (на перс. яз.) [авторский перевод].

⁸⁵ Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С. Большой Ближний Восток. М., 2007. С. 149.

на это, администрация США продолжает рассматривать политику сдерживания Ирана в качестве одной из своих приоритетных задач на Ближнем Востоке. Многие политические деятели США по-прежнему убеждены в том, что сдерживание Ирана позволит Америке стабилизировать ситуацию в Ираке, устранить «Хизбаллу» и активизировать арабо-израильский мирный процесс.

Деятельность Ирана на Ближнем Востоке определялась рядом важных факторов, оказывавших существенное влияние на его политику. Это поддержка Ираном ливанской «Хизбаллы», которую он использовал для укрепления своего влияния в Ливане, а также в качестве инструмента сдерживания устремлений Израиля. Иран был вовлечен в межпалестинские и палестино-израильский конфликты. Он оказывал международную поддержку и помощь палестинскому «ХАМАС»⁸⁶.

Развитие революционного процесса в арабском мире, начавшееся в 2011 г., значительно меняло сложившийся баланс сил на Ближнем Востоке.

Народные выступления в Сирии, Иордании, Йемене, на Бахрейне оказали прямое воздействие на ход событий на всем Ближнем Востоке. Они затронули острейшие проблемы, связанные с созданием палестинского государства, безопасностью Израиля, поставками нефти из стран Персидского залива. В то же время эти процессы были непосредственно связаны с ролью Ирана в регионе.

В Иране в целом позитивно были восприняты события в арабском мире. Складывающаяся в регионе обстановка, по мнению иранских руководителей, способствовала осуществлению далеко идущих внутренних и внешнеполитических планов Ирана. В частности, мировая общественность, отвлеченная арабскими событиями,

⁸⁶ Ehteshami A. and Hinnebush A.R. Syria and Iran. Middle powers in penetrated regional system. London, New York, 1997. P. 27–57.

не так строго следила за осуществлением иранской ядерной программы. Существенно снижался риск нанесения Израилем военного удара по иранским ядерным объектам. Используя сложившуюся обстановку Иран стремился укрепить свои позиции в регионе, что являлось одним из важных направлений внешней политики Ирана на протяжении последних лет.

К определенным успехам Ирана можно отнести возобновление отношений между Каиром и Тегераном. Нормализация ирано-египетских отношений означала не только отход Каира от лагеря «умеренных» арабских стран, созданных США против Ирана, Сирии, «Хизбаллы» и «ХАМАС», но и то, что внешняя политика ИРИ в арабском мире получила дополнительное признание и легитимацию. Это создавало серьезную брешь в политике антииранской мобилизации арабских стран, которую проводили монархии Персидского залива, нередко используя для этого конфессиональные противоречия между суннитами и шиитами, что на практике вело к расколу региона на два лагеря — суннитский и шиитский.

Процесс идущих изменений в арабских странах нельзя было рассматривать в отрыве от результатов сохранявшейся конфронтации между ИРИ и арабскими монархиями Персидского залива, с одной стороны, и между Ираном и международным сообществом — с другой. В результате событий на Бахрейне и вмешательства в них вооруженных сил ССАГПЗ отношения между Эр-Риядом и Тегераном серьезно осложнились. Иран явно недооценил тот факт, что арабы считают Бахрейн исключительно зоной своего влияния. Арабские монархии опасались, что Иран может воспользоваться их потенциальной слабостью в результате развития арабских революционных движений и использовать это обстоятельство для укрепления своих позиций в регионе.

Происходившие события в государствах Арабского Машрика были тесно связаны с ситуацией в Персидском заливе. Противоборствующие стороны в Леванте и Персидском заливе тщательно следили за любыми признаками изменения ситуации, чтобы вовремя пересмотреть свои позиции и отреагировать на нее⁸⁷.

События в Сирии поставили Иран, «Хизбаллу» и «ХАМАС» в сложное положение. Волнения в Сирии показывали всю степень остроты расколов прежних союзов в регионе. Хотя Запад и осуждал Дамаск за избыточное применение силы против демонстрантов, он наряду со странами ССАГПЗ в целом рассматривает сегодня режим Асада как часть грядущих изменений и реформ в Сирии.

Сирия была нужна Ирану по ряду причин. Благодаря усилиям режима Б. Асада Ирану удалось сорвать появление единого арабского фронта против ИРИ. Дамаск служил проводником политики Ирана в Ливане. Иран всегда рассматривал Дамаск как важное звено в «оси сопротивления» по линии Тегеран — Багдад — Дамаск — Бейрут — Газа, с тем чтобы таким образом оказывать сдерживающее влияние на Израиль, с одной стороны, и распространять свое влияние в регионе, в том числе через поддержку шиитских общин в ряде арабских стран региона — с другой.

В действительности многие действия ИРИ на Ближнем Востоке, в том числе и в Сирии, были продиктованы соображениями внутреннего порядка, приоритетом которого являлось стремление любым путем добиться статуса ядерной державы наподобие Израиля и Пакистана.

С этой точки зрения Иран мог рассматривать Сирию как «козырную карту» в более крупной геополитической

⁸⁷ Кулагина Л. М., Ахмедов В. М. Иран. Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? М., 2012. С. 500–508.

игре, но при этом не забывая о сохранении своих интересов в этой арабской стране, которую Тегеран считал важным плацдармом в распространении своего влияния в регионе⁸⁸.

Участие российских ВКС в вооруженном сирийском конфликте коренным образом изменило ситуацию в самой Сирии и вокруг нее. Москва превратилась в ключевого участника сирийского конфликта, к позиции которой стали вынуждены прислушиваться и в Тегеране.

Несмотря на традиционно союзнические отношения между Москвой и Тегераном, в Иране не без оснований опасались, что массированное военное российское присутствие в Сирии и растущее политическое влияние Москвы на формирование новых форматов международных отношений может заставить Иран серьезно скорректировать свои планы в регионе, и прежде всего в Сирии.

Внешне Иран стремился всячески продемонстрировать свою поддержку планам Москвы. Однако на деле Иран выступал категорически против привлечения к переговорам по Сирии Саудовской Аравии и США, а его верный союзник в лице ливанской «Хизбаллы» в принципе отвергал даже постановку вопроса о выводе шиитских милиций из Сирии. Иран стремился оказывать выгодное для себя влияние на исход мирных переговоров по Сирии⁸⁹.

При этом Тегеран был вынужден считаться с новыми реалиями, которые возникли в США после прихода к власти президента Дж. Байдена. В Иране с обеспокоенностью восприняли односторонний выход США из ядер-

⁸⁸ См.: Ахмедов В. М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. М., 2018. С. 134–152.

⁸⁹ Akhmedov V. Syrian crisis. Special Report. Berlin. 10.04.2019. URL: <https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf>. (дата обращения: 12.04.2021).

ной сделки 2015 г. и внимательно следили за реакцией ЕС и России.

Не стоит забывать, что иранская внешняя политика отличается завидным прагматизмом и холодной расчетливостью. Это было ясно видно на примере взаимодействия Тегерана с различными политическими силами постсадамовского Ирака⁹⁰.

Еще одним показателем гибкости иранской политики могла служить эволюция доктрины экспорта исламской революции. Так, одним из основных инструментов внешней политики Ирана на Арабском Востоке в 1980-х годах стал закрепленный в иранской конституции экспорт исламской революции. ИРИ отказалось от прямых и силовых методов реализации политики экспорта исламской революции, встретив сопротивление в многоконфессиональных и полиэтнических обществах Ливана и Сирии, монархиях Персидского залива, чью безопасность обеспечивали США.

Вместо этого Иран сделал акцент на работе с шиитскими общинами в арабских странах с целью расширения и укрепления их позиций в арабских странах. В этой связи Иран сделал упор на социальных, экономических и гуманитарных аспектах политики в арабских странах с тем, чтобы облегчить и ускорить процесс социализации шиитских общин, добиться роста их влияния в арабском социуме и создания позиций в политических системах этих государств⁹¹. и успешно осуществил поставленную задачу.

Примером этому могут служить Ливан и Ирак, где представители шиитских партий и политических органи-

⁹⁰ Аль-Джази М. Влияние Ирана в арабском регионе в свете изменений в политике США в отношении региона 2003–2011. Амман, 2012 (на араб. яз.) [авторский перевод].

⁹¹ Рашед Б. Конфессиональная проблема внешней политики Ирана. Эр-Рияд, 2017 (на араб. яз.) [авторский перевод].

заций входят в парламенты и правительства этих стран. В ряде монархий Персидского залива (Катар, Кувейт, ОАЭ) Иран создал из представителей шиитских общин целую сеть своих открытых и тайных сторонников, а ряд вопросов безопасности и положительное сальдо торгового баланса этих стран стало во многом зависеть от характера их взаимоотношений с ИРИ⁹².

Однако на волне событий в арабском мире в 2010—2011 гг., и особенно в условиях обострения кризиса в Сирии и военных действий в Йемене, силовая составляющая во внешней политике Ирана стала вновь превалировать. Это дало импульс возрождению идеи экспорта исламской революции, но уже в идеологически и политически трансформированном виде как средства укрепления иранских военно-политических позиций в арабских странах и попыток навязать им свою политическую модель государственного устройства и общественного бытия. и опять успехи Ирана в ряде арабских стран были неоспоримы. Это позволило ряду иранских руководителей высшего звена неоднократно заявлять о том, что Иран полностью «владеет» Ираком, Сирией, Ливаном и Йеменом.

Однако сегодня в результате сильного нажима со стороны США, других мировых держав и влиятельных региональных стран ИРИ была вынуждена начать пересмотр своей силовой политики. Иран стал проявлять больше политической гибкости и готовности к компромиссам, чтобы избежать нежелательных осложнений в отношениях со своими союзниками, прежде всего в лице России и Турции, роста прямой военной угрозы со стороны Израиля и Саудовской Аравии, в интересах защиты и сохранения достигнутых позиций. С другой стороны,

⁹² Arab-Iranian Relations. Edited by Khair el-Din Haseeb. Center for Arab Unity Studies. Beirut, 1988. P. 423—475; 477—507.

вышеуказанные арабские страны в результате длительной дестабилизации и военных кризисов оказались на грани экономической и гуманитарной катастрофы, столкнувшись с реальной угрозой их превращения в «failed state». Глубокая вовлеченность Ирана в их политику ставит под угрозу имиджевую и сущностную составляющие иранской модели и способности Ирана реализовать ее в других странах региона⁹³.

Действительно, многие расчеты Ирана в его политике в регионе строятся помимо силового фактора, в том числе ядерной программы, на его влиянии в шиитских общинах. Так, одним из будущих плацдармов продвижения Ирана в регионе служат Сирия и Ирак, а вернее, раздел сфер влияния в этих странах после окончательного вывода оттуда иностранных войск. За последние годы Иран сильно вложил в Ирак и Сирию и финансово, и политически. Продвинув шиитов Ирака и Сирии к власти, Иран смог укрепить свое политическое и военное присутствие в Леванте. После вывода части американских войск из Ирака в 2019 г. положение Ирана еще более укрепилось в этом регионе.

В настоящее время отношения Ирана со своими арабскими соседями остаются достаточно напряженными, и без существенных уступок с обеих сторон вряд ли можно надеяться на их улучшение. Иранское руководство понимает всю опасность изоляции от арабского мира. Не случайно официальные иранские представители стремятся установить отношения со своими арабскими коллегами. Иран готов помогать экономически и политически Ираку, чтобы не допустить раскола страны. Иран понимает, что главный вектор мира и стабильно-

⁹³ Mansharof Y. Despite denials by Iranian regime, statements by Majlis member and reports in Iran indicate involvement of Iranian troops in Syria fighting // The Middle East Media Research Institute. 04.12.2013. URL: <http://www.memri.org/report/en/print7623.htm>. (accessed: 07.02.2019).

сти на Ближнем Востоке протянулся сегодня из Леваната в Персидский залив. Обеспечение безопасности и согласия в Персидском заливе является залогом мира и безопасности в регионе.

В нынешней обстановке на Ближнем Востоке борьба США с Ираном представляет собой «игру с нулевой суммой». В конечном итоге США будут вынуждены признать, что наземная операция против ИРИ бесперспективна и остается лишь возможность воздушного удара. Однако последние события в Пакистане и успехи талибов в Афганистане могут заставить США отказаться от этих планов. Это, несомненно, окажет позитивное воздействие на отношения арабских стран с Ираном.

Глава III

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИРАНА В АРАБСКИХ СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (1990—2000)

Деятельность Ирана в странах Арабского Востока носила в целом универсальный характер. Она, как правило, определялась общими установками внешней политики ИРИ на Ближнем Востоке. В то же время подход Ирана к развитию отношений с каждой арабской страной имел свои особенности и специфику.

К числу общих закономерностей политики Ирана в арабских странах Ближнего Востока можно отнести следующую группу факторов. Это исторические особенности арабо-иранского взаимодействия, различия в этническом и религиозном отношении между арабами и персами. Немалую роль играли особенности формирования и развития политических систем, институтов государства, природа правящих элит, идеологические установки. Нельзя не учитывать роль региональных факторов и политику мировых держав на Ближнем Востоке.

Наряду с этим Иран выстраивал свою политику в отношении Египта с учетом его уникального места и особой роли в арабском мире. В течение нескольких последних десятилетий Египет оказывал заметное вли-

ание на политику других арабских стран и во многом определял вопросы региональной безопасности. При этом в отличие от других арабских стран национальные, религиозные и культурные различия не играли решающей роли в определении характера ирано-египетских отношений.

Политика Ирана в Сирии имела особый характер, который определялся идеологической и конфессиональной спецификой политических систем и правящих элит двух стран. Дамаск являлся одним из важных звеньев в «оси сопротивления», выстроенной Тегераном.

В отношениях Ирана и Ирака большую роль играли факторы общей истории, географии, ресурсной базы. Вопросы этнического, конфессионального характера определяли специфику ирано-иракских отношений. Проблема курдов и вопрос о шиитских и иранских общинах в Ираке придавали своеобразие политике Тегерана в отношении Багдада.

Особый характер политики Ирана в отношении Саудовской Аравии и других государств ССАГПЗ определялся прежде всего проблемой безопасности в Персидском заливе и территориальными спорами. Вопросы религии, идеологии и природных богатств играли особую роль в отношениях Эр-Рияда и Тегерана. Обе страны соперничали за лидерство в арабском и исламском мире, оппонировали друг другу на мировых рынках нефти.

Географическая близость Ирана и малых монархий Персидского залив, различия в размере территории, составе и численности населения, наличие в них иранских общин придавало специфический характер отношениям Ирана с Катаром, Кувейтом, Бахрейном, ОАЭ и определяло динамику их развития.

1. Политика Ирана в Египте — хроники нереализованных возможностей

История взаимоотношений Египта и Ирана насчитывает несколько столетий. Иран оказал определенное культурное и духовное влияние на Египет во время правления Фатимидов (909—1171). Иранские правоведы установили контакты с исмаилитами Египта. В XV в. в Египте проживало немалое число иранских торговцев. Некоторые из них были женаты на египтянках. Иранские мыслители проявляли интерес к реформам Хедива Исмаила, а египетские ученые интересовались идеями Аль-Афгани⁹⁴.

Египет и Иран прошли схожие процессы борьбы за национальную независимость, реформы и модернизацию, противостояния светской и религиозной идеологиям, конфликта левых и правых сил. Все это наложило отпечаток на характер политики Ирана. В 1939 г. между Египтом и Ираном были установлены дипломатические отношения. Связи между Каиром и Тегераном имели позитивный характер. Обе страны были монархиями. У них не было территориальных споров. Сын Реза Шаха Мухаммад Реза Пехлеви женился на сестре египетского монарха Фарука принцессе Фаузи.

В 1950-е годы Иран и Египет были озабочены тем, как окончательно избавиться от британского влияния. В 1951 г. иранский премьер М. Мосаддык посетил Египет. Он встретился со своим египетским коллегой Нахасом Пашой, и они обсуждали возможные пути координации усилий во внешней политике⁹⁵.

⁹⁴ Bayat A. and Bakhtiari B. *Revolutionary Iran and Egypt. Iran and the Surrounding World: Interactions in Culture and Cultural Politics* / ed. Nikkie R. Keddie and Rudi Matthee. Seattle: University of Washington Press, 2002. P. 306.

⁹⁵ См.: Сейранян Б.Г. *Британская система косвенного управления на Арабском Востоке. Арабские страны Западной Азии и Северной Африки*. М., 2002. Вып. 5.

Антимонархическая революция 1952 г. в Египте не оказала особого влияния на характер двусторонних отношений. Новым властям Египта импонировали свободлюбивые идеи иранского премьер-министра М. Мосаддыка. Его программа национализации и теории в духе движения неприсоединения были позитивно восприняты египетским революционным режимом⁹⁶.

Англо-американский переворот в Иране 1953 г., поражение и отставка М. Мосаддыка, укрепление в Египте режима личной власти Г.А. Насера, постепенный рост расхождений между Египтом и Ираном по вопросам региональной политики и международных отношений — всё это отрицательно сказалось на характере египетско-иранских отношений и позднее привело к их разрыву⁹⁷.

Подобный сценарий развития событий в этот период времени имел в какой-то мере predetermined характер. К середине 1950-х годов отношения Египта с ведущими странами Запада заметно обострились. Иран оставался монархией и находился в орбите политики Запада в регионе. Постепенно иранское руководство стало воспринимать Египет как противника и угрозу своей национальной безопасности.

Внешняя политика Египта при Г.А. Насере строилась, исходя из соображений особой роли Египта в регионе и с учетом внутривосточной динамики. На внешнюю политику Египта накладывало отпечаток экономическое положение страны. Одной из задач внешней политики Египта было изыскание средств для поднятия экономики. В этой связи Египет стремился к хорошим отношениям с арабскими монархиями Персидского залива

⁹⁶ См.: Васильев А.М. Египет и египтяне. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

⁹⁷ Chubin S. and Zabih S. The Foreign Relations of Iran: A Development State in a Zone of Great Power Conflict. Berkeley: University of California Press, 1976.

и позиционировал себя как защитника арабского национального движения⁹⁸.

Философия внешней политики Г.А. Насера строилась на основе концепции трех кругов — арабского, африканского и исламского, — в центре которых находился Египет. Арабский круг был самым важным. Египет был призван играть главную роль и обеспечивать безопасность арабских стран⁹⁹. В этой связи Иран, который находился на окраине арабского мира с преимущественно шиитским населением, не вписывался в эту концепцию. В то же время Иран соседствовал с Ираком и арабскими монархиями Персидского залива и таким образом мог влиять на баланс сил в регионе в пользу соперников Египта. К тому же насеровские концепции арабизма и национализма содержали антииранские элементы¹⁰⁰.

Господствующими идеологиями в арабском мире в этот период были арабский национализм, панарабизм и арабский социализм. Эти идеологии были чужды Ирану. По мнению иранского руководства, они представляли потенциальную угрозу его территориальной целостности. Так, арабские националисты считали иранскую провинцию Хузистан арабской территорией, оккупированной Ираном. Иран, в свою очередь, периодически заявлял свои права на Бахрейн, который управлялся арабскими шейхами. Приверженность Г.А. Насера и правящей египетской элиты арабскому национализму была продиктована не только идеологическими соображениями. Каир мог руководствоваться политическими соображениями и использовать данную идеологию как инструмент противодействия соперникам Египта в регионе. К 1958 г. Г.А. Насер

⁹⁸ См.: Nasser Gamal Abdel. *The Philosophy of the revolution*. Buffalo, NY: Economica Books, 1959.

⁹⁹ См.: Беляев И. П., Примаков Е. М. *Египет: время президента Насера*. М., 1974.

¹⁰⁰ Ланда Р. Г. *История арабских стран*. М., 2005.

полностью принял идеологию арабского национализма. Он стремился превратить арабов в единую нацию. Это неизбежно сказалось на отношениях с Ираном. Арабские националисты не только заявляли свои права на часть иранской территории, но и противодействовали распространению иранской культуры, особенно в арабских монархиях Персидского залива, где проживали шиитские общины. К тому же Египет возглавил ширившуюся в арабском мире кампанию за переименование Персидского залива в Арабский залив¹⁰¹.

Арабские националисты, социалисты и другие левые силы рассматривали монархические режимы в регионе, в том числе и Иран, как препятствие на пути арабского единства и прогресса. Характер политического строя в Иране и его региональная политика влияли на динамику баланса сил в арабском мире. Каир оказывал поддержку антирежимным силам в Иране, в том числе исламистам. Иран обвинил Египет в поддержке антишахских волнений 1962 г., известных как «Белая революция». По некоторым данным, египетские представители встречались в январе 1964 г. с лидерами иранского оппозиционного движения «Freedom Movement». На встрече Египет пообещал им материальную и информационную поддержку¹⁰².

«Холодная» война на Ближнем Востоке породила серию противоборствующих альянсов великих держав с их региональными партнерами. В 1955 г. при поддержке и участии США был создан «Багдадский пакт» (Иран, Ирак, Турция, Пакистан, Великобритания). Задачей пакта было сдерживать советскую экспансию в реги-

¹⁰¹ См.: Левин З. И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999.

¹⁰² См.: Al-Dib F. Abdel Nasser and the Revolution in Iran. Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. Cairo, 2000.

оне и сохранять позиции Запада и союзных ему режимов. Г.А. Насер считал, что пакт направлен против Египта и его региональной политики. Иран был прежде всего озабочен своей внутренней безопасностью. Ему было сложно понять обеспокоенность Египта политикой Израиля в Палестине и враждебное отношение этой арабской страны к Западу¹⁰³.

Развитие отношений между Ираном и Израилем стало одной из основных причин обострения ирано-египетских отношений. Снабжение Израиля иранской нефтью служило важным элементом в изменении баланса сил в регионе в пользу Израиля. Иран рассматривал Израиль как полезный инструмент сдерживания арабских радикальных режимов и поддержания выгодного ему баланса сил в регионе.

Предметом особого интереса арабских националистов и Египта был Персидский залив. Арабские националисты считали, что его ресурсная база является достоянием всего арабского мира, а не только арабских монархий. Египет рассматривал Иран как препятствие в реализации своих целей в Персидском заливе. Ряд арабских монархий в этот период стремились поддерживать нормальные отношения с Ираном. Они полагали, что Иран может служить определенным элементом сдерживания экспансии радикальных арабских сил. В этом контексте Иран рассматривался Каиром как враждебное государство, чей режим должен быть изменен¹⁰⁴.

Одной из важных задач политики Египта в отношении Ирана в этот период стало снижение влияния Тегерана в Персидском заливе. Каир пытался вынудить арабские монархии разорвать отношения с Ираном. Еги-

¹⁰³ Сейранян Б. Г. Египет в борьбе за независимость. 1945–1952. М., 1970.

¹⁰⁴ Shama Nael. *Egyptian Foreign Policy from Mubarak to Morsi: Against the National Interest*. London: Routledge, 2013.

пет критиковал деятельность иранских общин в южных районах Аравии. Каир считал их плодом заговора Ирана по изменению этнического и религиозного баланса сил в Аравии. Политика Египта создавала угрозу безопасности Ирана на юге. С учетом возможностей Египта мобилизовать арабские страны для реализации своей политики в отношении Ирана эта угроза имела вполне конкретный характер. Революция в Йемене в 1962 г. привела к смене власти в стране и вооруженному вторжению Египта. Иран рассматривал события в Йемене как результат заговора антииранских сил во главе с Египтом. Шах полагал, что интервенция Египта в Йемен это только прелюдия установления египетского контроля над арабскими монархиями и их ресурсной базой. Иран опасался, что если Египту удастся осуществить этот план, то он сможет влиять на динамику внутривосточных процессов в Иране. Поэтому вплоть до арабо-израильской войны 1967 г. Иран рассматривал Египет в качестве основной региональной угрозы. В июле 1960 г. Г.А. Насер распорядился разорвать дипломатические отношения с Ираном. Характерно, что Египет не предъявлял подобных упреков Турции, которая входила в прозападные блоки и поддерживала отношения с Израилем.

После поражения Египта в арабо-израильской войне 1967 г. характер египетско-иранских отношений стал постепенно меняться. Активная внешняя политика Египта серьезно истощила экономическую базу страны. АРЕ начала пересматривать приоритеты своей внешней политики. Египет стал восстанавливать свои отношения с консервативными арабскими режимами. Начало этому было положено на арабском саммите в Хартуме в 1967 г. Градус враждебности в ирано-египетских отношениях стал постепенно падать. Приход к власти в Ираке баасистского правительства вызывал обеспокоенность в Каире и Теге-

ране и позитивно сказался на отношениях двух стран. Осуждение Ираном захватнической политики Израиля в духе известных резолюций ООН также способствовало потеплению ирано-египетских отношений. Основным побудительным мотивом для Ирана в налаживании отношений с Египтом стало то, что после войны с Израилем Каир ослаб и его региональные претензии поубавились. Тель-Авив, наоборот, находился в фазе подъема, и его политические амбиции настораживали Иран.

Ухода англичан из Персидского залива и Адена создал определенный вакуум безопасности в этом районе. Египет претендовал на роль модератора системы региональной безопасности в этом субрегионе. В этой связи Каир стал вести более взвешенную политику в Аравии. В августе 1970 г. Египет и Иран договорились о восстановлении отношений¹⁰⁵.

Приход к власти в Египте президента А. Садата означал коренные изменения в жизни страны. Политика «инфитаха» означала на практике отход от псевдосоциалистических принципов в социально-экономической сфере и попытку установить рыночную модель экономического развития. Во внешней политике был взят курс на Запад и постепенный отход от идеологии панарабизма. В результате сложились условия для нормализации отношений с Ираном. Во время своего визита в Москву в октябре 1971 г. А. Садат сделал остановку в Тегеране. Когда Египет подписал мирный договор с Израилем в 1979 г., Иран поддержал этот шаг египетского руководства. В условиях всеобщего арабского осуждения Каира политика Ирана в регионе стала определенным инструментом поддержания баланса сил в отношениях Египта с арабским миром. В итоге ирано-египетские отношения получили разви-

¹⁰⁵ См.: Shahram C. and Sepehr Z. The Foreign Relations of Iran: A Development State in a Zone of Great Power Conflict. Berkeley: University of California Press, 1976.

тие в различных сферах. Был основан совместный ирано-египетский банк «Misr-Iran Bank». Иран был вовлечен в целый ряд совместных с Египтом промышленных и строительных проектов. Иран принял участие в работах по очистке Суэцкого канала. Однако исламская революция в Иране 1979 г. помешала развитию двусторонних отношений. В отношениях Египта и Ирана опять наступил длительный период охлаждения¹⁰⁶.

Исламская революция произошла именно в тот момент, когда Египет отошел от своей прежней «революционной» политики и наладил отношения с Западом. Иранские революционеры представляли собой смесь из различных сил либерального, леворадикального, исламистского характера. Они были настроены на глубокую реорганизацию иранского общества. Во внешней политике был взят курс на антиамериканизм, независимость и неприсоединение. ИРИ была настроена враждебно в отношении консервативных арабских режимов и позитивно воспринимала радикальные режимы в Сирии и Ливии. Новые иранские власти были настроены антиизраильски и поддерживали палестинцев. В дальнейшем эта поддержка приобрела ярко выраженный исламский характер.

На практике многие иранские революционеры разделяли некоторые взгляды арабских радикалов на глобальные и региональные вопросы. Часть иранских революционеров прошли подготовку в лагерях ООП в Ливане и Иордании. Однако после подписания договора с Израилем и предоставления убежища шаху Ирана в Египте отношение иранского руководства к режиму А. Садата изменилось. В апреле 1979 г. Иран разорвал дипломатические отношения с Египтом. Победа исламской революции

¹⁰⁶ См.: Фазильянова Э. М. Египет: человеческий фактор и развитие. М., 1990.

в Иране в то время, когда Каир вел борьбу с набирающими силу исламистами, представляла реальную угрозу национальной безопасности Египта¹⁰⁷. Опасения А. Садата были небеспочвенны. В октябре 1981 г. А. Садат был застрелен членом «Исламского джихада» Халедом аль-Исламбули. В Тегеране назвали улицу в честь Х. Исламбули. В 1980-х годах Иран был занят войной с Ираком и ситуацией в Ливане после израильской агрессии 1982 г. Египет поддерживал Ирак в войне с Ираном. Таким образом, налаживание двусторонних отношений между Ираном и Египтом в этот период представлялось малоперспективным¹⁰⁸.

В 1988 г. окончилась ирано-иракская война. Иран вышел из нее сильно ослабленным. В июне 1989 г. скончался А. Хомейни. Процесс передачи власти, несмотря на некоторые опасения, прошел довольно гладко благодаря действиям Х. Рафсанджани. Он искусно продвинул аятоллу Али Хаменеи на место рахбара, а сам стал президентом. Во время своего президентства (1989–1997) Х. Рафсанджани проводил умеренный курс во внешней политике. Ему удалось наладить отношения с арабскими монархиями Персидского залива и США. В ходе войн в Персидском заливе Иран занимал нейтральную позицию, несмотря на призывы некоторых радикалов поддержать С. Хусейна. Взятый Х. Рафсанджани курс во внешней политике мог бы дать позитивные результаты в налаживании отношений Ирана с арабскими странами, если бы не распад СССР и односторонняя политика США на Ближнем Востоке.

Иран предпринял попытку нормализовать отношения с Египтом через посредничество Сирии и Иордании. Теге-

¹⁰⁷ Пойда А.А., Юртаев В.И. Исламский фактор в египетско-иранских отношениях // Африка: поиск идентичности и диалог с миром. Ежегодник-2018. Сб. статей. Сер. «Африканские исследования». М., 2018. С. 156–166.

¹⁰⁸ См.: Assef B. and Bahman B. Revolutionary Iran and Egypt. Iran and the Surrounding World: Interactions in Culture and Cultural Politics / ed. Nikkie R. Keddie and Rudi Matthee. Seattle: University of Washington Press, 2002.

ран предложил Дамаску и Амману сотрудничество в сельскохозяйственных проектах и участие в деятельности «Misr-Iran Bank». Однако политика США двойного сдерживания Ирана и Ирака не позволила Ирану проявить определенную гибкость в вопросах, которые затрагивали безопасность Египта. Нормализация ирано-египетских отношений оказалась растянутой во времени. Х. Мубарак скептически относился к ИРИ и полагал, что в случае выхода ИРИ из политической изоляции Тегеран может претендовать на лидерство в регионе, которое Египет был намерен сохранить за собой.

После войны в Персидском заливе 1991 г. встал вопрос о новой структуре безопасности в регионе. Иран был выведен за рамки этого процесса. Египет стал частью плана создания системы безопасности в Персидском заливе. Каир позиционировал себя как защитника арабских монархий Залива от иранской угрозы. Египет стремился привлечь капиталы аравийских монархий для укрепления своей экономики. Каир заявил, что не восстановит отношений с Ираном до тех пор, пока Иран не решит вопрос о трех спорных островах в Заливе. Такая позиция Египта еще раз продемонстрировала значимость межаарабской солидарности в вопросах выстраивания двусторонних отношений Ирана с отдельными арабскими странами. В случае нормализации отношений Ирана с арабскими монархиями Залива Египет мог лишиться их финансовой поддержки. К тому же США не хотели, чтобы Египет способствовал выводу Ирана из изоляции. Каир же не желал портить отношения с Вашингтоном из-за Ирана.

Несмотря на сложившуюся в регионе обстановку, Иран стремился сохранять контакты с Египтом. Так, в 1994 г. в Каире на встрече министров иностранных дел стран-участниц движения неприсоединения министр

иностранных дел ИРИ А. Велаяти встретился с президентом Х. Мубараком. Однако никакого прогресса в отношениях достигнуто не было. Египет обвинил Иран в отказе переименовать улицу в Тегеране, названную в честь убийцы А. Садата. Тегеран не мог официально признать Кэмп-Дэвидские договоренности. В итоге уровень отношений был понижен до культурного обмена¹⁰⁹.

После победы на президентских выборах М. Хатами в 1997 г. в Иране возродились надежды на продолжение умеренного курса во внешней политике. М. Хатами придерживался либеральной и реформистской версии ислама. Изменение геополитической обстановки в регионе сделало сторонников жесткой линии в Иране более гибкими в вопросах принятия исламом некоторых принципов модернизма и либерализма.

М. Хатами удалось нормализовать отношения с рядом арабских стран, в том числе с Королевством Саудовской Аравии (КСА). Так, впервые в Тегеране прошла встреча ОИК, в которой принял участие наследный принц КСА Абдулла Бен Абдель Азиз. Несмотря на то что Х. Мубарак не приехал в Тегеран, Иран продолжил попытки наладить отношения с Каиром. В 2001 г. Х. Мубарак позвонил М. Хатами и поздравил его с переизбранием на второй президентский срок. В 2003 г. Х. Мубарак и М. Хатами встретились на полях саммита по информационным технологиям в Женеве. Х. Мубарак с недоверием относился к попыткам Ирана наладить связи с Каиром. Как бывший военный он считал, что Иран в действительности стремится установить контакты с египетскими исламистами и шиитской общиной Египта¹¹⁰.

¹⁰⁹ См.: Mathew M.W. Egypt and Iran: Regional Rivals at Diplomatic Odds // Commentary. 22.05.1992.

¹¹⁰ Hunter S.T. Reformist Discourse in Iran: Proponents and Prospects. In reformist Voices of Islam: Mediating Islam and Modernity / ed. Shireen T. Hunter. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2008. P. 33–57.

После избрания президентом ИРИ в 2005 г. М. Ахмединежада региональная и международная ситуация вокруг Ирана осложнилась. В 2009 г. на фоне протестных событий в Иране М. Ахмединежад был переизбран на второй срок. Американско-иранские отношения оставались напряженными. В этой связи Иран стремился упрочить свои связи на региональном уровне, в том числе и с Египтом. До 2004 г. сохранялась надежда на возможность прогресса в двусторонних отношениях. Иран принял решение переименовать улицу в Тегеране, названную в честь убийцы А. Садата. В ответ Египет переименовал улицу Пехлеви в улицу Мосаддека.

Американское вторжение в Ирак в 2003 г. кардинально изменило ситуацию в регионе. Изменение структуры власти в Ираке и приход к управлению правительства шиитского большинства создали у арабских стран устойчивое убеждение в том, что Иран оказался в выигрыше от американской агрессии. Одновременно произошедшие перемены обострили конфессиональное соперничество в регионе и спровоцировали рост шиито-суннитских разногласий. Эти процессы вызвали обеспокоенность в Каире. Х. Мубарак рассматривал эти перемены как укрепление позиций Ирана в регионе. Он считал, что шиитские общины в арабских странах более лояльны Ирану, чем собственным властям. Х. Мубарак полагал, что Иран активно вмешивается во внутренние дела Египта¹¹¹. Несмотря на это, контакты между Каиром и Тегераном продолжались, и несколько официальных лиц Ирана посетили Каир. Среди них был секретарь СНБ Али Лариджани, который побывал в Египте в декабре 2007 г. и январе 2008 г. М. Ахмединежад заявил, что Иран готов открыть свое посольство в Каире. Однако эскалация напряженности

¹¹¹ См.: Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. Египет в последней трети XX века. М., 2002.

в Газе и последовавшие события не дали осуществиться этим намерениям¹¹².

В декабре 2008 г. Израиль атаковал Газу. Распространились слухи о возможном скрытом участии Египта в этой операции на стороне Израиля. Иран организовал в Тегеране международную конференцию в поддержку палестинцев. Иранская активность раздражала Египет и не способствовала нормализации двусторонних отношений. С другой стороны, сторонники жесткой линии в Иране утверждали, что Х. Мубарак использует отношения с Ираном в своих интересах и играх с США. Они полагали, что службы безопасности Египта работают против Ирана. Действительно, Х. Мубарак больше доверял военным, чем дипломатам. Возможно, поэтому проблема урегулирования ирано-египетских отношений решалась с таким трудом¹¹³.

События «Арабской весны» привели к отставке Х. Мубарака и приходу на пост президента Египта М. Морси. Избрание представителя «Братьев-мусульман» на высший пост в Египте воодушевило иранцев. Поскольку Турция также поддержала М. Морси, заговорили о возможности создания тройственного союза с участием Турции, Египта и Ирана. В ирано-египетских отношениях наметились некоторые позитивные сдвиги. В августе 2012 г. М. Морси участвовал в саммите Движения неприсоединения в Тегеране, а в 2013 г. М. Ахмединежад посетил Каир, где принял участие в саммите ОИК. Впервые после 1979 г. Каир разрешил двум иранским военным судам пройти через Суэцкий канал. Однако

¹¹² Macdonald B. A Nightmare Alliance. Trumpet, March, 2008; Mubarak's Shias Remarks Stir Anger. Al-Jazeera. 10.04.2006. URL: <http://www.aljazeera.com/archives/2006/04/2008491132414562804.html>. (дата обращения: 12.04.2021).

¹¹³ См.: Мамед-заде П.Н. Эволюция египетско-иранских отношений в конце XX – начале XXI в. Иран: культурно- историческая традиция и динамика развития. М., 2006.

очень скоро прежние проблемы в двусторонних отношениях заявили о себе. Речь шла о конфессиональных различиях, которые обе стороны педалировали вместо того, чтобы сглаживать. Одним из таких вопросов стала поддержка Ираном режима аль-Асада в условиях кризиса в Сирии¹¹⁴.

С учетом позиции сирийского режима в отношении «Братьев-мусульман» правительство М. Морси выступало за смену режима в САР и установление власти суннитского большинства. К тому же М. Морси не хотел обострять отношения с США и КСА, которые были не в выгоде от нормализации отношений Каира и Тегерана. Поэтому свой первый зарубежный визит в качестве президента М. Морси совершил в КСА. М. Морси не разорвал мирного договора с Израилем, как ожидали некоторые. Более того, в позиции Египта по палестинскому вопросу также не произошло каких-либо значимых подвижек. На деле внешняя политика Египта при М. Морси была во многом продолжением политики Х. Мубарака. Новая власть в Египте сохранила подавляющую часть египетского аппарата безопасности и особые позиции военных в стране. Как известно, египетские военные и сотрудники служб безопасности настроенно относились к Ирану. На межарабском уровне многие страны скептически относились к М. Морси. Особую обеспокоенность проявила Саудовская Аравия. Короткое президентство М. Морси окончилось в июле 2013 г. Военный переворот в Египте не вызвал в Иране бурной реакции. Однако процесс налаживания ирано-египетских отношений был опять отложен¹¹⁵.

¹¹⁴ Esfandiary D. Iran and Egypt: A Complicated Tango. European Union Institute for Security Studies. October 2012. URL: <http://www.iss.europa.eu/content/iran-and-egypt-complicated-tango> (дата обращения: 01.08.2021).

¹¹⁵ Мохаммед С. Анализ внешней политики // Библиотека египетского ренессанса. Каир, 2013 (на араб. яз.) [авторский перевод].

Пришедший на смену М. Морси генерал Абдул Фаттах аль-Сиси восстановил отчасти прежние порядки. Он установил с КСА и ОАЭ весьма тесные и дружеские связи. Экономические проблемы Египта послужили хорошим стимулом такой политики аль-Сиси. Он отдал два острова в Красном море КСА. Египет поддержал КСА в войне с Йеменом в 2015 г. АРЕ направила около 8 тыс. военных в Йемен¹¹⁶.

Несмотря на то что Каир не стремился к нормализации отношений с Тегераном, позиции двух стран совпадали по ряду вопросов региональной политики. Египет был недоволен тем, что КСА играет в сирийском вопросе более значимую роль. В этой связи некоторые египетские политики полагали, что необходимо сблизиться с Ираном, чтобы несколько скорректировать региональную систему сдержек и противовесов. Нельзя исключать, что в дальнейшем в случае изменения баланса сил в регионе Египет может вернуться к мысли о сближении с Ираном в качестве противовеса в отношениях с другими арабскими странами¹¹⁷.

Таким образом, начиная с 1930 г., когда были установлены первые ирано-египетские контакты, внутренние изменения в двух странах, идеология их правящих элит во многом определяла характер двусторонних отношений. Антимонархическая революция в Египте 1952 г. и исламская революция в Иране 1979 г. кардинально изменили их политические системы и оказали влияние на политику двух стран. Острые идеологические расхождения, возникшие в результате этих революционных событий,

¹¹⁶ Kumar P.P. Post-Morsi Egypt: Saudi Maneuvering and Iranian Dilemma. Institute for Defense Studies and Analyses. New Delhi. 27.09.2013. URL: https://idsa.in/issue-brief/Post-MorsiEgypt_pkpradhan_270913 (дата обращения: 06.05.2020).

¹¹⁷ См.: Мохаммад Н. 40 лет Иранской революции. Внешняя политика между идеологией и прагматизмом / Центр политических и стратегических исследований // Аль-Ахрам. 2019. № 292 (на араб. яз.) [авторский перевод].

осложняли двусторонние отношения. В период правления А. Садата возникли благоприятные возможности для политики Ирана в Египте. В результате противостояния США и СССР на Ближнем Востоке Иран и Египет оказались в разных лагерях. Это серьезно осложнило политику Ирана в Египте. В условиях гегемонистской политики США на Ближнем Востоке Египет опасался искать сближения с Ираном, который находился под санкциями и угрозой американского удара.

Региональная политика оказывала большое влияние на политику двух стран. Египет и Иран видели друг в друге конкурента за влияние в Персидском заливе и стремились не допустить превосходства соперника в этом регионе.

Национальные, религиозные и культурные различия не играли решающей роли в определении характера двусторонних отношений, хотя время от времени конфессиональные различия обострялись и становились предметом раздора в двусторонних отношениях.

В действительности политика Ирана в Египте постоянно наталкивалась на скрытые механизмы, определявшие характер региональных процессов и динамику их развития. Установление отношений дружбы и сотрудничества между Ираном и Египтом с учетом их потенциальных возможностей могло кардинально изменить ситуацию на Ближнем Востоке за счет других региональных игроков и мировых держав. В этом плане основным просчетом иранской политики в Египте была уверенность Тегерана в том, что он сможет договориться с Каиром напрямую, игнорируя США и влиятельных региональных акторов.

2. Геополитические и религиозно-идеологические аспекты политики Ирана в Сирии и Ливане

Отношения Ирана с Сирией и Ливаном уходят своими корнями в доисламскую эпоху. До арабских завоеваний Левант являлся объектом постоянного соперничества между Ираном и Византией. В XVI в. Иран создал на территории нынешнего Ливана несколько шиитских анклавов. Особые отношения Ирана с ливанскими шиитами не прерывались на протяжении последующих столетий. В условиях Османской империи и французского мандата отношения Ирана с Левантом носили ограниченный характер.

До исламской революции в Иране и арабо-израильской войны 1982 г. Ливан не представлял особого интереса для политики Ирана на Арабском Востоке. Отчасти это было связано с тем, что Ливан всегда был ареной межарабского соперничества. А в силу своего геополитического статуса не играл самостоятельной роли в региональной политике. Однако после указанных выше событий Ливан превратился в один из важных плацдармов иранской внешней политики на Ближнем Востоке¹¹⁸.

После обретения Дамаском политической независимости в 1945 г. Иран открыл свое консульство в сирийской столице и установил дипломатические отношения с Сирией. В 1950-х годах Сирия переживала период внутренней нестабильности, череду военных переворотов, частую смену правительств. Сирия не играла самостоятельной роли в региональной политике. Дамаск был объектом борьбы за влияние между Каиром и Багдадом. Однако уже в 1960-х годах, еще до прихода к власти партии «Баас» (Партия арабского социалистического

¹¹⁸ См.: Hourani A. From Jabal 'Amil to Persia. In Distant relations: Iran and Lebanon in the Last 500 Years / ed. H. E. Chehabi. London: I. B. Tauris, 2006.

возрождения), идеологические и политические взгляды многих сирийских политиков представляли для Ирана определенный вызов в силу их сильного панарабского и националистического характера. Теории арабского национализма, панарабизма и партикулярного национализма имели в Сирии более сильные и устойчивые позиции, чем даже в Египте. Возможно, это было связано с тем, что в результате колониального передела Леванта Сирия лишилась части своих территорий в лице Ливана и Трансиордании. В этой связи многие сирийские политики считали, что Дамаск может полноценно существовать только в прежних территориальных границах «Биляд аш-Шам» («Великой Сирии»).

В действительности Сирия была центром арабского мира и родиной арабского национализма. Бывшему президенту Египта Г.А. Насеру приписывают слова о том, что каждый ребенок, рожденный в Сирии, является арабским националистом. Сирия разделяла и поддерживала арабские националистические настроения в отношении Ирана. Идеи арабского национального движения служили мощным стимулом для укрепления региональной роли Сирии. Дамаск поддерживал арабские требования в отношении Хузистана, Бахрейна, переименования Персидского залива. Сирия рассматривала политику Ирана на Ближнем Востоке как преграду на пути к арабскому единству.

Образование ОАР в 1958 г. в составе Египта и Сирии вызвало беспокойство Тегерана. Иран квалифицировал этот акт как изменение баланса сил в регионе и попытку арабских радикальных режимов перехватить власть на Арабском Востоке. Сближение Дамаска с СССР и поставки советского оружия в САР вызвали неоднозначную реакцию в Иране, который находился в орбите влияния Запада. Приход к власти в САР в марте 1963 г. пар-

тии «Баас», ее идеологические и политические установки были негативно восприняты в шахском Иране.

Таким образом, развитие российско-сирийских связей, различия в подходах в отношении Израиля и палестинской проблемы, межарабские союзы с Египтом и Ираком оказывали определенное влияние на политику Ирана в Сирии¹¹⁹.

Изменение ситуации на Ближнем Востоке в 1970-х годах создавало определенные предпосылки для некоторого сближения Дамаска с Тегераном. Арабо-израильская война 1973 г. окончилась для Сирии поражением и утратой части национальной территории. В результате острых идеологических и политических разногласий в партии «Баас», которая стояла у власти в Сирии и Ираке, осложнились отношения между Дамаском и Багдадом. В ноябре 1970 г. к власти в Сирии пришел Хафез аль-Асад, который был представителем алавитской общины САР. С учетом указанных событий Тегеран активизировал свою политику в отношении Дамаска.

Важным фактором налаживания отношений с Дамаском стал пересмотр шахом внешней политики Ирана на Ближнем Востоке. Иран был обеспокоен растущим влиянием СССР в регионе. Несмотря на то что угроза прямого советского вторжения в Иран отошла на задний план, Тегеран опасался быть окруженным по периметру своих границ союзными СССР странами. Иран решил более активно участвовать в разрешении ближневосточного конфликта, особенно палестинской проблемы. Тегеран стремился установить отношения с радикальными арабскими режимами. Сложившаяся в 1973 г. благоприятная ценовая конъюнктура на мировых рынках нефти обеспечивала Ирану хорошие возможности и опреде-

¹¹⁹ См.: Picard E. Lebanon: A Shattered Country, Myths and Realities of the Wars in Lebanon. New York: Holmes & Meir, 1996.

ленные материальные преимущества для реализации своих внешнеполитических устремлений. В этих условиях политика Ирана в Сирии ставила целью попытаться сдержать политические амбиции арабских радикалов и Израиля¹²⁰.

В результате смены власти в Египте и прихода на властное поприще А. Садата Дамаск чувствовал себя в некоторой изоляции на Арабском Востоке. Сирия сталкивалась с определенными проблемами в Ливане. Иран, наоборот, укреплял свои позиции в Ливане. Лидер ливанских шиитов имам Муса аль-Садр поддерживал исламитов, одновременно он сохранял контакты с шахом Ирана. С начала 1970-х годов Иран стал проводить более активную политику в САР. Ирано-сирийские отношения развивались в различных областях экономики и в политической сфере. Иран оказывал логистическую помощь арабским странам в ходе войны с Израилем в 1973 г. В 1972 г. Иран принял участие в Международной торговой выставке в Дамаске. В Тегеране проходили лечение несколько десятков сирийских военных, пострадавших во время войны с Израилем. Иран предоставил 150 млн долл. США в виде кредита Дамаску. Летом 1974 г. министр иностранных дел Ирана посетил Дамаск. В ноябре этого же года министр иностранных дел САР А.Х. Хаддам совершил визит в Тегеран. В мае 1974 г. министр экономики и финансов САР посетил Иран. Стороны договорились создать ряд совместных предприятий. Иран пообещал оказать Сирии технико-экономическую помощь. В декабре 1975 г. сирийский президент Х. аль-Асад посетил Иран. Шах поддержал сделанное Х. аль-Асадом заявление о необходимости возвращения Израилем оккупированных арабских земель. Однако дальнейшее развитие сирийско-иранских отношений испытывало определенные трудности.

¹²⁰ The Scope for Wider relations with Syria // Keyhan International. 28.12.1975.

Египет стал отходить от СССР и дрейфовать в сторону Запада. В 1979 г. А. Садат подписал мирный договор с Израилем. Иран поддержал Египет и сохранил контакты с Израилем. Эти события разочаровали Х. аль-Асада. В 1975 г. Иран и Ирак подписали Алжирские соглашения и таким образом окончательно решили проблему тальвега в Шатт эль-Араб. Дамаск раскритиковал действия Багдада, назвав их уступкой за счет арабских земель. Тегеран был разочарован позицией Дамаска. Дамаск поддерживал ряд иранских оппозиционеров. Садек Готбзаде, который стал после исламской революции министром иностранных дел ИРИ, проживал до этого в Сирии и мог путешествовать по сирийскому паспорту. После ввода сирийских войск в Ливан в 1976 г. иранские оппозиционеры проходили обучение в лагерях шиитского движения «АМАЛЬ», подконтрольного Дамаску. К моменту исламской революции в Иране отношения между Дамаском и Тегераном носили весьма прохладный характер¹²¹.

Большинство арабских стран приветствовали свержение шаха и победу исламской революции в Иране. Многие арабские государства усматривали в этом определенную поддержку в их борьбе с Израилем. Они также полагали, что новый исламский режим в Иране с большим пониманием отнесется к требованиям арабов в отношении Хузистана и проблемы трех островов в Персидском заливе. Они также считали, что свержение шаха в Иране изменит баланс сил в регионе в пользу арабов. Антиизраильский тренд в политике ИРИ был позитивно встречен в Дамаске и других арабских столицах. Сирия рассчитывала, что перемены в Иране помогут укрепить созданный Дамаском фронт стойкости и противодействия политике США и Израиля на Ближнем Востоке. Сирий-

¹²¹ См.: Scheller B. The Wisdom of Assad's Waiting Game. London: Hurst & Company, 2013.

ский режим надеялся, что Иран сможет сыграть стабилизирующую роль в отношениях САР с АРЕ и сдержать растущую мощь Ирака¹²².

Переломным моментом в сирийско-иранских отношениях стала занятая Дамаском позиция в ирано-иракской войне 1980–1988 гг. Примечательно, что накануне войны государственное устройство Сирии и Ирана характеризовалось заметными отличиями в политическом и идеологическом плане. На деле эти различия носили во многом внешний, поверхностный характер. Сирия и Иран были идеологическими государствами. В САР государственная идеология носила в основном светский характер. В Иране было создано религиозное государство, в основе которого лежал ислам. Казалось, что подобные различия практически исключали возможность каких-либо отношений. В САР алавитское меньшинство (10% населения) управляло суннитским большинством. Созданный в САР механизм управления носил конфессиональный характер. Он регулировался выстроенной Х. аль-Асадом системой сдержек и противовесов, призванной замаскировать религиозные противоречия в обществе. В Иране действовала разветвленная политическая система управления, которая включала в себя различные государственные институты, парламент, правительство, общественные организации. Другое дело, что в обеих странах эти инструменты управления носили во многом фасадный характер. Реальная власть в обеих странах была сосредоточена в руках алавитского меньшинства, шиитского духовенства, армии и служб безопасности. Сирия и Иран имели схожие взгляды на ряд региональных вопросов. Оба государства выступали против американской гегемонии в регионе и против Израиля. В Иране «левые» исламисты выступали за развитие отношений с Сирией.

¹²² См.: Кулагина Л. М. Общая оценка внешней политики ИРИ. Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки / отв. ред. А. З. Арабаджян. М., 1989.

Решение Дамаска поддержать Иран в войне с Ираком на долгие годы вперед определило характер двусторонних ирано-сирийских отношений. Позиция САР показывала, что С. Хусейн не пользуется поддержкой всех арабских стран. Тем самым ставились под сомнение попытки некоторых арабских политиков позиционировать ирано-иракский конфликт как арабо-персидскую войну.

Многочисленные эксперты по-разному объясняют феномен сирийской позиции. В конечном счете оказываются правы все. Каждый по-своему. Одни делают упор на то, что у власти в Сирии стояли алавиты, близкие по вере к шиитам Ирана. На деле верования алавитов сильно отличаются от ортодоксального ислама и классического шиизма. В этой связи сирийские алавиты в течение нескольких лет не были признаны ни суннитами, ни шиитами. Придя к управлению в САР, они испытывали определенные сложности с легитимацией своей власти на исламской основе. Этим воспользовались Иран и шиитское духовенство, которые обеспечили алавитам религиозную легитимацию. Одним из первых в деле шиитизации алавитов был имам М. аль-Садр. В 1980 г. он издал фетву, где причислил алавитов к шиитам. Осознавая всю шаткость своей конфессиональной конструкции управления, Х. аль-Асад пытался внешне придать алавитам более ортодоксальный характер мусульман-суннитов. Другие считают, что за решением Дамаска стояли прагматичные соображения и четкие политические расчеты. В это время сирийский режим столкнулся с мятежом «Братьев-мусульман», который поддерживал Ирак. Ирано-иракская война давала возможность сирийскому режиму справиться с суннитским сопротивлением в лице «Братьев», лишив их поддержки извне. Ряд экспертов обращают внимание на расчеты Дамаска, связанные с динамикой межарабского баланса сил, и фактор Израиля, который оккупи-

ровал часть сирийской территории. Дамаск полагал, что атака на исламский режим Ирана не в интересах арабских стран. Х. аль-Асад считал, что война с Ираном отвлекает силы арабских государств от борьбы с Израилем за освобождение оккупированных арабских земель. Президент САР опасался, что в случае победы Ирака С. Хусейн может стать самым влиятельным арабским лидером и захочет свести старые счеты с Х. аль-Асадом. С. Хусейн действительно обещал наказать Дамаск после победы над Ираном, а до этого оказывал поддержку антисирийским силам в Ливане. Поддержка Дамаском Ирана принесла Сирии финансовую выгоду. Дамаск стал получать нефть из Ирана на безвозмездной основе. Одновременно Сирия пользовалась финансовой поддержкой из арабских монархий Персидского залива. Ряд арабских монархий рассчитывали на посредничество Сирии в налаживании контактов с Ираном. и все государства ССАГПЗ не хотели углубления сирийско-иранских отношений, в которых Дамаск играл бы зависимую роль.

В период президентства в САР Х. аль-Асада политика Ирана в САР умело регулировалась и контролировалась сирийским руководством. Дамаск не хотел победы Ирана, тем более превращения его в ведущую силу региональной политики. Это могло повредить сирийским позициям в регионе. После исламской революции Иран уже превратился в фактор арабской политики и предмет внимания арабской улицы. Когда в 1982–1983 гг. на фоне поражений Ирака в войне с Ираном заговорили о смене власти в Багдаде и возможных преемниках на властном поприще, отношения между Дамаском и Тегераном стали несколько напряженными. Дамаск поддерживал кандидатуру военного-баасиста, а Иран выступал за аятоллу Бакира Хакима, лидера иракских исламистов. В ноябре 1980 г. на арабском саммите в Аммане Дамаск поддержал проиракскую

резолюцию. В 1987 г. Дамаск участвовал в арабском саммите в Аммане, где фактически был формализован антииранский фронт арабских стран. Дамаск пытался ограничить влияние Ирана в Ливане до такого уровня, который бы не представлял угрозы интересам Сирии в этой арабской стране¹²³.

Агрессия Израиля в Ливане 1982 г. дала Ирану предлог для усиления там своих позиций за счет размещения на ливанской территории сил КСИР, которые помогли в создании ливанской «Хизбаллы». Появление «Хизбаллы» в Ливане вызвало вооруженные столкновения с движением «АМАЛЬ», которое поддерживала Сирия. В 1988 г. «АМАЛЬ» и «Хизбалла» под давлением Дамаска достигли примирения на основе ряда компромиссных соглашений, которые были одобрены в октябре 1989 г. на арабском саммите в Таифе (КСА). Иран организовал свою конференцию в Тегеране в 1989 г. В ней приняли участие несогласные с таифскими решениями ливанские группировки. Дамаск взял под контроль ситуацию в Ливане. В период правления в САР Х. аль-Асада политика ИРИ в Ливане носила ограниченный характер. Дамаск контролировал деятельность Ирана и подконтрольных ему шиитских организаций в Ливане¹²⁴.

События начала 1990-х годов кардинально изменили обстановку на Ближнем Востоке. Результаты окончившейся ирано-иракской войны не означали полной и безусловной победы Ирака. Однако сам факт иракского превосходства усилил региональные амбиции С. Хусейна. В августе 1990 г. Ирак напал на Кувейт. Основным побудительным мотивом служило стремление Ирака занять

¹²³ См.: Goodarzi J. *Syria and Iran*. London: I. B. Tauris, 2009.

¹²⁴ См.: Абдельхей С. Умная сила во внешней политике. Исследование инструментов внешней политики Ирана в отношении Ливана (2005–2013). Бейрут, 2014 (на араб. яз.) [авторский перевод].

доминирующее положение в регионе. Когда началась операция США по освобождению Кувейта («Буря в пустыне»), Дамаск увидел в этом возможность упрочить свои отношения с Западом и обеспечить САР достойное место в будущей системе миропорядка на Ближнем Востоке, тем более что еще до начала конфликта Запад стремился привлечь Дамаск на свою сторону. Показательно, что в этих целях Запад временно прекратил вмешиваться в политику Сирии в Ливане. Запад стремился заручиться поддержкой арабских стран в войне против Ирака, и позиция Сирии была для него очень важной. Данный факт способствовал развитию отношений Дамаска с Западом. Сирия вошла в состав антисаддамовской коалиции. В ответ Запад молчаливо согласился с особой ролью Сирии в Ливане¹²⁵.

Кувейтский кризис стал определенным испытанием для политики Ирана на Ближнем Востоке. По итогам окончания ирано-иракской войны Багдад установил дипотношения с Ираном и освободил захваченные иранские территории. Однако Иран не был уверен в том, что после захвата Кувейта Ирак снова не нападет на него. С другой стороны, в случае поражения Ирака в кувейтском кризисе позиции США в Персидском заливе могли усилиться и представлять реальную угрозу безопасности Ирана. В результате позиции сторонников жесткой линии в Иране Тегеран придерживался нейтралитета в кувейтском кризисе. Свою роль в этом вопросе сыграл Дамаск, убедив Иран не оказывать помощь Ираку. В сентябре 1990 г. Х. аль-Асад посетил Иран, пытаясь убедить его руководство присоединиться к коалиции. В итоге Сирия добились того, что Иран не стал помогать Ираку, а Иран заручился сирийским посредничеством в налаживании

¹²⁵ Тоцкая Е.П. Роль Исламской Республики Иран в региональных политических процессах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1(2). С. 365–369.

отношений с КСА. Сирия также добилась того, что Иран стал рассматриваться как вероятный участник будущей системы безопасности в Персидском заливе.

После распада СССР и его фактического ухода как активного игрока с политической арены Ближнего Востока США получили возможность проводить политику глобального доминирования на Ближнем Востоке и перекройки политической карты региона в своих интересах. В 1991 г. США инициировали проведение в Мадриде мирной конференции по Ближнему Востоку с целью установления на своих условиях нового миропорядка в регионе. Х. аль-Асад обратился с посланием к американской администрации и выразил стремление поддержать американские мирные инициативы, обозначил готовность САР вступить в мирные переговоры с Израилем. Этот шаг Сирии осложнил иранскую политику в отношении Дамаска. Иран опасался, что отход Дамаска от фронта стойкости и противодействия может оставить его один на один с Западом и Израилем в борьбе за Палестину. Эта ситуация выявила ряд спорных моментов в политических отношениях Ирана и САР. По своим политическим взглядам Х. аль-Асад был типичным сирийским националистом. Он заботился исключительно об интересах своей страны. Несмотря на известный прагматизм, внешняя политика Ирана содержала достаточно сильный религиозный компонент исламской солидарности. Палестинская проблема и отношения с Израилем служили одним из важных аспектов легитимации власти внутри страны и ее внешней политики на Ближнем Востоке. Поэтому любые уступки по указанным вопросам рассматривались Тегераном как эвентуальная угроза подрыва основ правящего в Иране режима.

Отсутствие прогресса на мирных сирийско-израильских переговорах вывело на передний план палестино-

израильский переговорный трек. Одновременно Турция и Израиль установили отношения стратегического партнерства. Дамаск опасался маргинализации своей политической роли в регионе. В сложившейся ситуации Сирия решила активизировать связи с Ираном. В 1997 г. Х. аль-Асад посетил Тегеран. В 1999 г. иранский президент М. Хатами прибыл с визитом в Дамаск. Как было показано выше, до начала 2000-х годов Дамаск играл главную роль в Ливане. Бурные события внутривосточной жизни Ливана вслед за убийством в 2005 г. ливанского премьера Р. Харири привели к выводу сирийских войск из Ливана и дестабилизации внутренней ситуации в этой арабской стране. Война «Хизбаллы» с Израилем летом 2006 г. и острое внутривосточное противостояние 2008–2009 гг. заметно усилили роль этой шиитской организации в ливанской политической жизни. Это позволило Тегерану начать постепенно доминировать в Ливане. «Хизбалла» стала основным инструментом Ирана в реализации своей политики в Леванте и сдерживании Израиля¹²⁶.

После прихода к власти в Дамаске в июне 2000 г. Башара аль-Асада политика Ирана в Сирии прошла несколько этапов. До начала «Арабской весны» и событий в САР в марте 2011 г. Б. аль-Асад пытался развивать отношения с Западом и арабскими странами, не меняя характера связей с Тегераном. Ведущие государства Западной Европы и арабские монархии Персидского залива охотно шли на развитие отношений с САР. В то же время западные страны и арабские монархии Персидского залива не спешили солидаризироваться с позицией сирийского руководства в вопросах возвращения оккупированных Израилем сирийских территорий. Более того,

¹²⁶ См.: Akhbarzadeh S. Why Iran Needs Hizbullah // Muslim World. 26.02.2016.

Запад и арабские монархии, прежде всего КСА, обуславливали финансовую и экономическую помощь Дамаску, поддержку его планов по возвращению Голанских высот пересмотром характера отношений с Ираном. Изменился характер отношений Сирии с Россией. Объем российской поддержки Сирии резко сократился. Иран фактически заместил собой Россию в Сирии. В складывающейся обстановке на Ближнем Востоке Дамаск не мог лишиться поддержки Ирана.

После свержения режима С. Хусейна в Ираке США рассматривали варианты изменения режимов в Сирии и Иране. Продвигая идею суннито-израильского альянса против Ирана, США спровоцировали обострение религиозных конфликтов на Ближнем Востоке. После начала событий в САР в марте 2011 г. Запад и консервативные арабские режимы потребовали смены власти в Дамаске.

Кризис в САР превратил страну в арену ожесточенной религиозной и этнической борьбы различных региональных сил и объект вмешательства мировых держав. Тегеран считал, что сохранение режима в САР отвечает жизненным интересам Ирана и его национальной безопасности. Иран исходил из того, что Сирия является его стратегической глубиной. Иранские военные полагали, что если Иран не будет воевать в Сирии, то скоро ему придется сражаться на своей территории. Эвентуальный уход правящего в САР режима поставил бы «Хизбаллу» в сложное положение. Иран рассматривал «Хизбаллу» в качестве сдерживающего фактора в борьбе с Израилем¹²⁷.

Иран первым пришел на помощь Сирии, оказав ей военную, логистическую, техническую, финансовую и политическую поддержку. Несмотря на объем и масштабы

¹²⁷ См.: Талаа М. Роль Ирана в сирийском кризисе: позиция, альянсы и будущее. Доха, 2019 (на араб. яз.) [авторский перевод].

оказанной Дамаску помощи, Иран в одиночку не мог долго противостоять сирийской вооруженной оппозиции, поддержанной Турцией, Катаром, КСА и США. Участие российских военных сделало эвентуальную военную операцию Запада в Сирии проблематичной с политической точки зрения и значительно дороже в финансовом плане. Россия фактически сняла вопрос о смене режима в САР силовым путем. Ряд экспертов полагают, что Иран приложил немало усилий, чтобы убедить Россию принять вооруженное участие в сирийских событиях.

Иранская политика в условиях кризиса в САР укрепила ирано-сирийский альянс. Однако его будущее остается сегодня под вопросом. Несмотря на то что Б. аль-Асад укрепился у власти, его перспективы на властном поприще остаются до конца неясными. Они во многом зависят от внешних факторов. Иран же в последние десятилетия имел отношения не столько с Сирией, сколько с правящей алавитской элитой. Поэтому в случае ее ухода от власти позиции ИРИ в Сирии могут кардинально измениться и не в пользу Ирана¹²⁸.

К тому же под вопросом остается сохранение единства сирийской территории. Сегодня Сирия уже расколота политически на зоны влияния. В отличие от Турции Иран после участия ВКС РФ не имеет уже своего территориального анклава в САР. США, Израиль и КСА выступают против сохранения Ирана в Сирии. Начиная с 2018 г. Россия стала постепенно убеждать Иран оставить Сирию. Нельзя исключать сделки между Россией, США, рядом арабских монархий о будущем Сирии, в которой не будет места Ирану.

Однако избавиться от иранского присутствия в Сирии и Ливане будет не так просто. В течение нескольких

¹²⁸ Кулагина Л., Ахмедов В. Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях // Иран: история и современность. М., 2014. С. 252–257.

последних десятилетий Иран проводил активную политику в Сирии и Ливане. Тегеран смог не только укрепиться в социальной ткани сирийского общества, но и создать на ее территории свои прочные позиции. В этой связи не следует недооценивать возможности Ирана в Сирии.

Рост религиозного экстремизма на фоне укрепления влияния суннитского движения в регионе служит мощным стимулом сохранения стратегических отношений между Дамаском и Тегераном, так как напрямую затрагивает вопросы их национальной безопасности. Сирийский режим, который в своей основе построен на конфессиональных предпочтениях, опасается сопротивления суннитского большинства даже в условиях мира. Правящие элиты Сирии и Ирана с недоверием воспринимают планы урегулирования кризиса в САР, исходящие из Турции и арабского окружения с преимущественно суннитским населением. В этих условиях Дамаск вряд ли откажется от поддержки Тегерана.

В перспективе политика Ирана в Сирии будет во многом определяться характером эволюции политических систем обеих стран, динамикой развития политических процессов в них, трансформацией их правящих элит. Заметное влияние на политику ИРИ в САР будет оказывать природа трансформации региональных отношений и политика мировых держав на Ближнем Востоке.

3. Арабески иранской политики в Ираке

Иранская политика в Ираке прочно вписана в исторический контекст ирано-иракских отношений, которые уходят своими корнями в глубь веков. Богатое историческое наследие и географическая близость сформировали определенную общность исторических, культурных, этнических, языковых, религиозных традиций двух

стран. Однако наиболее яркие и самобытные черты, присущие каждой нации, их многочисленным этносам, народностям и конфессиям, сохранились до наших дней, наложив неповторимый отпечаток на характер развития взаимоотношений двух народов¹²⁹.

После распада Османской империи и установления английского протектората над Ираком в ирано-иракских отношениях возникли определенные проблемы¹³⁰. В основном они были связаны с положением иранских подданных в Ираке, ограничениями их прав и свобод. Периодически различные власти Ирака закрывали иранские школы и высылали часть иранских граждан из страны, рассматривая их как угрозу своей национальной безопасности. Поэтому сегодня особое отношение многих иракцев к иранскому присутствию в Ираке имеет глубокие исторические корни¹³¹.

В этой связи Иран признал Ирак только в 1929 г. и установил дипотношения с Багдадом в 1932 г. В 1938 г. Ирак и Иран подписали договор о дружбе. За год до этого Тегеран подписал с Ираком соглашение об урегулировании проблемы судоходства по Шатт эль-Араб, которое в основном отвечало интересам Багдада. Однако в 1969 г. Иран в одностороннем порядке денонсировал это соглашение. В 1950-е годы ирано-иракские отношения носили в целом дружественный характер. Обе страны были монархиями и членами Багдадского пакта. Находились в орбите западного влияния. Вместе боролись с арабскими революционными режимами. В то же время в отношениях двух стран прослеживались элементы регионального соперничества.

¹²⁹ См.: Marr P. The Modern History of Iraq. Boulder, CO: Westview Press, 1985.

¹³⁰ См.: Котлов Л. Н. Национально-освободительная борьба народов Ирака накануне восстания 1920 г. Очерки по истории арабских стран. М., 1959.

¹³¹ См.: Borzon D. Iraq Conflict Is a Battle for Identity // Los Angeles Times. 16.04.2007.

ства. Любые изменения внутреннего характера в Ираке и Иране становились предметом внимания и озабоченности двух стран.

Июльская революция 1958 г. в Ираке коренным образом изменила внутривосточную ситуацию в стране и ее внешнюю политику. В новом иракском руководстве существовали различные точки зрения в отношении места Ирака в регионе, его роли в межарабских отношениях, политики Ирана на Ближнем Востоке¹³².

Новые иракские власти вновь подняли вопрос о территориальных претензиях к Ирану и объявили свой суверенитет над Шатт эль-Араб. Несмотря на заявления багдадских властей и жесткий ответ Тегерана, дальнейшего обострения в двусторонних отношениях не произошло. Обе страны опасались растущей роли Египта в регионе.

С начала 1960-х годов вновь обострилась проблема Шатт эль-Араб. На этот раз в связи с потерями Ирана по операциям импорта нефти и нефтепродуктов. В результате непродуманных действий Багдада обе страны оказались на грани вооруженного конфликта. Неготовность армий конфликтующих сторон к ведению боевых действий вынудила их проявить определенную гибкость и сдержанность¹³³.

Неустойчивость внутреннего положения в Ираке в период между двумя баасистскими переворотами (1963 г. и 1968 г.) создала благоприятные возможности для иранской политики в этой арабской стране. Был подписан ряд двусторонних соглашений и договоров, в том числе о совместной разработке нефтяных полей в пограничных районах. Однако неустойчивый баланс сил в Ираке

¹³² См.: Данциг Б. М. Ирак в прошлом и настоящем. М., 1960.

¹³³ См.: Tripp C. A History of Iraq. Cambridge, 2000.

и непростые отношения с курдским и шиитским населением сказывались на отношениях с Ираном. После прихода к власти в Ираке в 1963 г. пронасеровских сил шиитское и курдское население Ирака было озабочено перспективой союза Ирака с Египтом. Опасаясь за безопасность своих территорий, Иран активизировал связи с этими группами населения в Ираке. Этот шаг Тегерана вызвал недовольство багдадских властей. Но после того, как стало ясно, что Ирак не будет объединяться с Египтом, курдское и шиитское население Ирака успокоилось. Это снизило степень напряженности в отношениях Ирана и Ирака. На практике курдский вопрос являлся постоянным раздражителем в ирано-иракских отношениях. Иран нечасто использовал курдский фактор как инструмент своей политики в отношении Ирака. Однако к 1965 г. в Тегеране пришли к выводу о том, что Багдад не пойдет на компромисс без определенного давления. Некоторая дестабилизация внутреннего положения в Ираке могла отвлечь внимание багдадских властей и сделать их позицию более гибкой на переговорах с Ираном¹³⁴. К тому же в результате переворота 1968 г. к власти в Ираке пришли баасисты во главе с Саддамом Хусейном, который в 1975 г. стал президентом страны. Новая иракская власть отличалась крайне националистическими взглядами. Иракский лидер был настроен решительно. Он заявлял о своих стремлениях возглавить весь арабский мир, взять под контроль всю территорию Персидского залива. Одновременно С. Хусейн искал сближения с СССР, чтобы обеспечить свою армию современным вооружением. Подобное сочетание идеологических установок и политических устремлений новых властей Ирака вызвало серьезные опасения в Тегеране. Подписание в 1972 г. советско-иракского

¹³⁴ См.: Вертяев К. В., Иванов С. М. Курдский национализм. История и современность. М., 2015.

договора о дружбе и начало поставок советского вооружения в Ирак усилили обеспокоенность Ирана за свою безопасность. В Ираке опять активизировалась антииранская деятельность. Был образован «Демократический Фронт Освобождения Ахваза». Вновь обострилась проблема трех островов. В 1971 г. Иран в рамках договоренностей с Великобританией и арабскими монархиями занял два острова (Большой и Малый Томб). Остров Абу Муса находился в совместном управлении Ирана и эмирата аш-Шарджа. В ответ Ирак разорвал дипломатические отношения с Ираном¹³⁵.

В этих условиях Иран решил разыграть курдскую карту против Багдада. Это совпало с действиями США и Израиля по поддержке курдских повстанцев Ирака. В марте 1970 г. С. Хусейн подписал договор с одним из курдских лидеров М. Барзани известный как «Мартовский манифест». Курдам была обещана частичная автономия и вхождение курдских представителей в органы управления. Со своей стороны, курды обещали сделать свои вооруженные отряды частью иракских вооруженных сил и прекратить контакты с Ираном. Однако иракские власти не выполнили своих обещаний. Вместо этого Багдад стал проводить политику насильственной арабизации и переселения курдов в другие районы, замещая их арабским населением. Это привело к возобновлению вооруженных столкновений с курдскими повстанцами¹³⁶.

Арабо-израильская война 1973 г. привела к временному поиску компромиссов между Ираном и Ираком. Ирак опасался, что, воспользовавшись войной с Израилем, Иран может открыть второй фронт на юге. Растущее влияние

¹³⁵ См.: Степанова Н. В. История Ирака. XX век. М., 2016.

¹³⁶ Наумкин В. В. Курдская головоломка Ближнего Востока (на примере Ирака) // Мировая экономика и международные отношения РАН. 2019. Т. 63, № 5. С. 76–87.

шиитского духовенства в Иране и Ираке и создание вооруженных шиитских формирований вызывало обеспокоенность Багдада. Находящийся в ссылке в Неджефе аятолла Хомейни оказывал большое влияние на шиитских духовных лидеров Ирака типа М. ас-Садра, М. аль-Бакира, М. ас-Садека. Образование исламской партии «ад-Даава» также насторожило иракские власти. В 1973 г. Ирак возобновил дипотношения с Ираном. Однако требования Ирака о возврате к договору по Шатт эль-Араб 1937 г. не были приняты Ираном. В конечном итоге в 1975 г. при посредничестве Алжира Ирак и Иран подписали договор по Шатт эль-Араб в соответствии с требованиями Ирана. Иран прекратил поддержку иракских курдов. Подобная политика Ирана, возможно, решала некоторые задачи тактического характера, но в стратегических вопросах не имела особой эффективности.

Сегодня курдский вопрос продолжает оказывать сильное влияние на характер ирано-иракских отношений. В Багдаде и Тегеране сильны опасения, что в случае полного вывода американских войск из Ирака курды могут использовать сложившуюся ситуацию для создания собственного государства. В результате может включиться механизм дезинтеграции Ирака и соседних ближневосточных стран. В отличие от ряда арабских государств и США, которые спокойно относились к подобной перспективе, Иран последовательно выступал за сохранение территориальной целостности Ирака. Это было одной из причин того, что Ирак не стремился к обострению отношений с Ираном. Правительство в Эрбиле и в целом иракские курды были враждебно настроены в отношении Ирана. Настойчивые попытки иракских курдов добиться создания собственного государства способствовали сближению позиций Ирака и Ирана. Когда в сентябре 2017 г. М. Барзани призвал к референдуму о независимости Курдистана,

Тегеран выступил на стороне Багдада и закрыл границы с Иракским Курдистаном¹³⁷.

Исламская революция в Иране коренным образом изменила его внешнюю политику. После революции Иран проводил активную внешнюю политику и пытался распространить свой опыт в арабские страны Ближнего Востока. Действия ИРИ представляли угрозу светской идеологии баасизма и практике арабского национализма, которые лежали в основе государственного устройства многих арабских стран и их региональной политики. Ирак, где большинство населения было представлено шиитами, проявлял особое беспокойство активностью Ирана, тем более что права шиитов в Ираке были некоторым образом ущемлены. С. Хусейн пытался придать характер светскости шиитским святыням Ирака, превратив их в музеи. В результате подобных действий и под влиянием исламского духовенства иракские шииты радикализировались. После кризиса с американскими заложниками Тегеран оказался в международной изоляции¹³⁸.

В такой ситуации началась ирано-иракская война 1980–1988 гг. Ирак был поддержан большинством арабских стран, прежде всего Саудовской Аравией, Кувейтом и ОАЭ. США и СССР открыто не вмешивались в ход военных действий и соблюдали нейтралитет¹³⁹.

В условиях внутренней борьбы за власть в Иране его вооруженные силы оказались ослаблены и морально дезориентированы. Иранская армия испытывала острую нехватку продовольствия, обмундирования и боеприпасов.

¹³⁷ См.: Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М., 2013.

¹³⁸ Кириченко В.П. Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979–2003) // Россия и мусульманский мир. 2015. № 11.

¹³⁹ См.: Васильев А.М. Война в Ираке: региональные и глобальные последствия // Вестник РАН. 2004. Т. 74.

Поэтому в начале военных действий Иран терпел поражение и не мог остановить продвижение иракских войск вглубь своей территории. Это позволило Ираку одержать ряд важных побед на начальном этапе военных действий. Ирак осуществил свою давнюю мечту в районе Шатт эль-Араб и Хузистане. С. Хусейн денонсировал Алжирские соглашения, заявил о намерении освободить от иранского господства три острова в Персидском заливе. С 1982 г. иранские войска стали постепенно усиливать свои позиции на фронте и вскоре освободили Хузистан и другие занятые иракскими войсками территории¹⁴⁰.

После указанных событий иракские шииты активизировали попытки добиться мира с Ираном. В Иране умеренные и светские силы также поддерживали идею мира. Многие военные эксперты предостерегали Иран от вторжения на территорию Ирака. Они полагали, что в этом случае Иран может поставить себя в невыгодное положение в исламском мире. Однако с учетом идеологием иранского духовенства, которое рассматривало войну как борьбу «справедливости и неправды», эти усилия не имели успеха. Иран рассчитывал на свое население, численно превосходящее иракцев и его революционный запал. На самом деле Иран нуждался в современном оружии. Однако большинство стран стали оказывать помощь Ираку, опасаясь распространения радикального ислама в случае победы Ирана. Практически все ведущие страны Запада, включая США, оказывали всестороннюю поддержку Ираку¹⁴¹.

В 1984–1986 гг. война стала принимать иной характер. Танкерная война в Персидском заливе, угрозы заблокировать экспорт нефти, неудачные попытки закрепиться на ирак-

¹⁴⁰ См.: Hiro D. The Longest War: Iran-Iraq Military Conflict. New York, 1991.

¹⁴¹ Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М., 2012.

ском острове Фао не смогли обеспечить Ирану перевес сил в войне с Ираком. После очередного провала Ирана взять Басру стало ясно, что силы соперников примерно равны и никто из них не может одержать убедительную победу. Сложилась подходящая ситуация для начала мирного процесса, который порядком затянулся. Только после того, как США, спровоцированные арабскими монархиями, открыто встали на сторону Ирака, Иран был вынужден пойти на компромисс и договориться о прекращении огня. В 1988 г. СБ ООН принял резолюцию № 598 о прекращении огня.

До нападения на Кувейт в 1990 г. отношения Ирака с Ираном носили напряженный характер. Ирак не уходил с части оккупированных территорий, не решал проблему пленных, вопрос о Шатт эль-Араб оставался открытым. После начала войны с Кувейтом Ирак изменил свою политику в отношении Ирана. Багдад подтвердил Алжирские соглашения, вывел свои войска с территории Ирана и отправил свои самолеты на иранские аэродромы для сохранения.

После американского вторжения в Ирак в 2003 г. Тегеран фактически «заморозил» свою политику в отношении Багдада. Иран опасался, что может стать следующим объектом нападения США. В Иране не исключали, что возникший в результате американского военного вторжения хаос в Ираке может затронуть и Иран. Тегеран не хотел распада Ирака по этническим и конфессиональным признакам. Иран опасался, что это может негативно отразиться на иранском обществе. Иран также не был уверен в том, что новое иракское руководство, несмотря на большой процент шиитов в нем, будет лояльно Тегерану и станет его союзником. Действительно, новое руководство Ирака занимало схожую позицию по Шатт эль-Араб и Алжирским соглашениям 1975 г. Мирный договор между

двумя странами так и не был подписан. Более того, власть шиитского большинства в Ираке радикализовала иракских суннитов и сделала их более враждебными в отношении Ирана¹⁴².

К середине 2000-х годов изменилась позиция США и ряда арабских стран в отношении правительства в Багдаде. В результате сложились благоприятные условия для активизации политики Ирана в Ираке. Иракские сунниты бойкотировали парламентские выборы 2005 г. В итоге они получили ограниченное число мест в правительстве. На свое поражение иракские сунниты ответили силовым путем. Их действия были поддержаны ОАЭ, Катаром, Турцией. К началу 2006 г. США стали проявлять озабоченность растущим сотрудничеством между шиитским правительством Ирака и Ираном. США попытались убедить иракских суннитов проявить большую гибкость в отношении властей с тем, чтобы принять более весомое участие в управлении страной и сбалансировать конфессиональный характер режима. Несколько баасистов было выпущено из тюрем. Однако позиция арабских стран была не столь гибкой. Большинство из них открыто поддерживали иракское сопротивление в различных его проявлениях. Например, многие иракские баасисты нашли убежище в КСА. Подобная ситуация способствовала дальнейшему развитию отношений между Ираком и Ираном. Однако даже во время правления Нури аль-Малики (2006–2014), который имел репутацию проиранского лидера, ни одна из застарелых проблем в отношениях двух стран так и не нашла своего решения. Даже в экономическом плане Ирак был ближе к Турции и тесно сотрудничал с ней, и только появление Исламского Государства Ирак

¹⁴² См.: Andrew T.P. Iran and Iraq: Changing relations and Future Prospects. In Amirahmadi Houshang and Nader Entessar / eds. Iran and the Arab World. New York: St. Martin's Press, 1993.

(ИГИ) и взятие Мосула в 2014 г. заставили Багдад и Тегеран начать сближаться. Угроза ИГИ мотивировала Иран оказать Ираку помощь в борьбе с терроризмом.

Начиная с 2016 г. КСА стало предпринимать попытки вернуть Ирак под арабский контроль и побудить Багдад отойти от Тегерана. КСА обещало Ираку финансовую помощь. Стало более терпимо относиться к иракским шиитам. Однако Ирак не торопился выполнять требования Саудовской Аравии и других арабских стран и разрывать связи с Ираном. Одновременно иракский режим предпринял ряд шагов в сторону сближения с некоторыми арабскими странами, исходя из соображений политической необходимости и финансово-экономической выгоды¹⁴³. На парламентских выборах 2018 г. в Ираке победил коалиционный блок из «садристов» и прокоммунистических элементов. Ряд экспертов рассматривали результаты выборов в качестве своеобразного сигнала о начале постепенного отхода Багдада от Тегерана. После утверждения на пост премьер-министра (А. Мехди) и президента (С. Бархама) Ирака все стало на свои места. Оба фигуранта высшего эшелона иракской политической элиты были согласованными кандидатурами США и Ирана и пользовались их доверием¹⁴⁴. В то же время хорошие отношения между Ираком и Ираном отличаются достаточно хрупким характером. Политика Тегерана в отношении Багдада учитывает возможность изменения позиции Ирака в случае сильного американского нажима на Багдад и обусловленной финансовой поддержки иракского правительства со стороны США. Сохраняющийся раскол внутри шиит-

¹⁴³ См.: Исаев Л. М., Мардасов А. Г., Коротаев А. В. Протесты 2019 г. в Ираке в контексте новой волны ближневосточной дестабилизации // Сборник по итогам конференции Института Африки РАН «Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африки», 2019.

¹⁴⁴ El-Ghobashi T. The US and Iran are Competing to Shape Iraq's Next Government: Both Are Failing // Washington Post. 25.09.2018.

ской общины Ирака и ее духовных лидеров оказывает влияние на политику Ирана в Ираке.

Шиитская община Ирака не является единой. Она разделена по линиям принадлежности ее членов к тем или иным теологическим школам, видам профессиональной деятельности и характеру экономических предпочтений, религиозных и политических взглядов, лояльности различным духовным лидерам¹⁴⁵. Многие иракские шииты светской ориентации более привержены принципам иракского национализма, чем религиозной идее. В прошлом многие из них симпатизировали идеям социализма. Исторически связь большинства иракских шиитов с Ираном обуславливалась несправедливым отношением к ним иракских властей. Эта практика достигла своего пика во времена правления С. Хусейна. В условиях правительства шиитского большинства нужда в поддержке Ирана стала ослабевать. Некоторые духовные лидеры иракских шиитов (М. аль-Садр, например) использовали антииранские настроения для достижения определенных политических целей, разыгрывая карту арабского национализма. В проведении своей политики в Ираке Иран был вынужден учитывать соперничество между шиитскими лидерами Ирака и расхождения между ними доктринального характера. Среди шиитских группировок Ирака Тегеран имел близкие связи с Высшим Советом Исламской Революции Ирака (ВСИРИ) во главе с аятоллой М.Б. аль-Хакимом (а после его кончины — с его братом Абдельазизом Хакимом и племянником Аммаром)¹⁴⁶.

Таким образом, указанные расхождения в шиитской общине Ирака затрудняли задачу иранской политики

¹⁴⁵ Филин Н.А., Пилюян М.Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2015. № 2. С. 133–137.

¹⁴⁶ Мамедов Р.Ш. Формирование политической элиты современного Ирака: американо-иранский факторы // Международная жизнь. 2019. № 11. С. 58–65.

выстраивать отношения с ней как единой структурой, тем более пытаться управлять ею. В этом случае Иран подвергался риску испортить отношения с ее различными представителями. Любопытно, что Иран практически не имел никаких серьезных связей с иракскими суннитами. Поэтому Тегеран не мог в полной мере управлять политическим процессом в Ираке. Подобная ситуация чревата возможностью внезапных конфликтов в отношениях Ирана с шиитскими общинами Ирака в случае ослабления их власти, ухода в сторону большей светскости, подкупа и угроз со стороны арабских стран и США. В этом случае под вопрос может быть поставлена вся политика Ирана в Ираке. Однако пока у власти в Багдаде остается правительство шиитского большинства, вряд ли стоит ожидать новой ирано-иракской войны¹⁴⁷.

Примечательно, что природа ирано-иракских отношений имела свои особенные черты. Они проистекали из специфики этнического и религиозного разнообразия двух народов, истории их взаимодействия. Присутствие в Ираке значительного числа иранцев и большая шиитская община оказывали влияние на политику иракских властей в отношении Ирана. В силу сильного иранского влияния в Ираке властям в Багдаде постоянно приходилось подтверждать свой арабизм. В отношениях Тегерана и Багдада вопросы определения национальной идентичности всегда играли более значимую роль, чем в политике Ирана в отношении других арабских государств¹⁴⁸.

Таким образом, этнические и религиозные факторы во многом определяли иранскую политику в Ираке.

¹⁴⁷ Falih H., Rod N. Surprise: Alliance in Iraq Unites a U.S. Friend and Foe // New York Times. 24.06.2018.

¹⁴⁸ См.: Аль-Ганжа Х. Доктринальный фактор и его роль в руководстве внешней политикой Ирана в отношении Ирака 2003–2013. Амман, 2016 (на араб. яз.) [авторский перевод].

4. Иран и Саудовская Аравия — очерки политического противостояния

В течение нескольких последних десятилетий Королевство Саудовская Аравия (КСА) являлось особым объектом политики Ирана на Ближнем Востоке. Со временем связи между КСА и Ираном развивались. Менялся их характер, однако суть отношений оставалась неизменной. Политика Ирана и Саудовской Аравии в отношении друг друга отличалась взаимным недоверием и враждебностью¹⁴⁹.

Нельзя исключать, что подобный характер политических отношений двух стран детерминировался соображениями этнического и религиозного порядка. Тегеран рассматривался саудовцами как аутсайдер в исламском мире. Иран не являлся арабской страной. Большинство его населения исповедовало шиизм. Довольно частые обращения саудовских политиков и публицистов к терминам «аль-маджус» ставили вопрос об истинности исламской веры в Иране. Отношение некоторых саудовских политиков к Ирану отличалось враждебностью, которая имела глубокий исторический контекст. Он уходил своими корнями во времена овладения Аравией семейством Аль-Сауд¹⁵⁰.

Несмотря на это, Тегеран был заинтересован в налаживании отношений с Эр-Риядом. Это объяснялось определенным влиянием Королевства на такие арабские страны, как Египет, Иордания, Марокко, не говоря уже о ССАГПЗ. Так, Бахрейн зависел от КСА не только в поли-

¹⁴⁹ Nehme D. Top Saudi Cleric says Iran Leaders Not Muslims as Haj Row Mounts. Reuters. 07.09.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-iran-mufti/top-saudi-cleric-says-iran-leaders-not-muslims-as-haj-row-mounts-idUSKCN11D0HV> (дата обращения: 05.06.2021.)

¹⁵⁰ См.: Badeeb S.M. Saudi-Iranian relations 1932–1983. London: Center for Arab and Iranian Studies, 1994.

тическом, но и в финансовом плане. Эта зависимость служила основным препятствием в ирано-бахрейнских отношениях. Другой такой страной был Кувейт, который должен был учитывать мнение Эр-Рияда в выстраивании связей с Тегераном. За последние несколько десятилетий саудовцам удалось распространить в Кувейте салафитское учение и увеличить число салафитских группировок. Влияние салафитов в парламенте Кувейта заметно выросло. Эти группировки были лояльны Эр-Рияду и враждебно настроены в отношении Ирана. КСА могло «заветовать» практически любое решение остальных членов ССАГПЗ в отношении Ирана, как это произошло в 2017 г.

Характер саудовско-иранских контактов определялся не только историческими особенностями их связей. Отношения Ирана и КСА зависели от динамики региональной ситуации, политических процессов в межарабских отношениях. Влияние таких факторов, как арабский национализм, на отношения Ирана и КСА носило весьма специфический характер. По уровню своего воздействия оно отличалось от связей КСА с Египтом, Сирией, Ираком. В период 1950–1970 гг. КСА было заинтересовано в отношениях с Ираном в целях противодействия панарабизму и арабскому национализму. Однако в вопросах Персидского залива и регионального лидерства КСА использовало приемы из политического арсенала арабских националистов. В 1950–1960 гг. на развитии двусторонних отношений сказывалась разница в идеологических подходах и политическом мировоззрении правящих элит двух стран. Официальная идеологическая доктрина Ирана базировалась в тот период на светских идеях модернизации. В основе государственной идеологии КСА лежал ваххабизм, который представлял один из самых жестких мазхабов суннитского вероучения. Возможно, под влиянием ваххабитского вероучения саудовские руководители испытывали осо-

бые чувства к Ирану по сравнению с другими арабскими странами. Реакция Ирана на выпады саудовских политиков заметно отличалась по сравнению с поведением Тегерана в отношении других арабских стран. Саудовско-иранские отношения определялись борьбой за влияние в Персидском заливе, соперничеством за лидерство в исламском мире.

Иран был одним из первых государств, которые признали Королевство в 1929 г. В 1930 г. Саудовская Аравия и Иран установили дипотношения. Иран открыл консульство и посольство в Джидде и подписал с Эр-Риядом договор о дружбе. В течение 1930–1940 гг. саудовско-иранские отношения носили ограниченный характер. В период правления Реза Шаха Иран был озабочен решением вопросов внутренней политики, стабилизацией политической ситуации и модернизацией экономики страны. КСА пыталось утвердиться в арабском мире и на международной арене. В 1950–1960 гг. под воздействием арабских революционных движений, распространения арабского национализма, роста влияния СССР в регионе концепции безопасности в Иране и КСА претерпели определенные изменения. Это способствовало установлению хороших отношений между Ираном и КСА и позволило им решить пограничные вопросы по демаркации границ континентального шельфа. В 1966 г. шах Ирана и король Саудовской Аравии обменялись визитами и объединили усилия в противодействии арабскому радикализму. До конца 1960-х годов ни КСА, ни Иран не обладали достаточной военной и политической силой, чтобы вести самостоятельную политику в своем ближайшем окружении и на Ближнем Востоке в целом. Только после нефтяного бума и роста цен на нефть Эр-Рияд и Тегеран обрели необходимые финансовые ресурсы для проведения относительно независимой политики. Это

сразу же привело к появлению элементов конкуренции в их отношениях. В 1970-х годах соперничество КСА и Ирана за региональное лидерство, господство в Персидском заливе, на Ближнем Востоке в целом заметно усилилось. Поскольку обе страны придерживались прозападной ориентации, их соперничество не приобретало характер открытой враждебности¹⁵¹.

КСА видело себя естественным лидером арабского и исламского мира. Когда в государственной идеологии Ирана превалировала светская составляющая, Тегеран не представлял никакой угрозы для КСА в этом отношении. Основными задачами Ирана при шахе была модернизация страны и возрождение доисламских ценностей Персидской империи. Исламская революция в Иране полностью изменила внешнюю политику страны. Иранская политика стала базироваться на новых идеологических и политических установках. После исламской революции ИРИ заявила о своих претензиях на первенство в исламском мире. Это был прямой вызов КСА, тем более что лозунги и призывы исламской революции имели успех в арабском социуме. После этого ирано-саудовские связи приобрели характер открытой конкуренции с элементами враждебности¹⁵².

Анализ внешней политики Королевства начиная с 1950-х годов показывает, что она в равной мере определялась соображениями национальной безопасности и стремлением расширить свое влияние. Политика Ирана в Персидском заливе в основном преследовала цель обеспечить безопасность своих границ и сохранить территориальную целостность государства. С учетом активных

¹⁵¹ Мелкумян Е. С. Иран и арабские государства Персидского залива: новые тенденции в развитии отношений // Азия и Африка сегодня. 2001. № 11. С. 18–22.

¹⁵² См.: Dawisha A. Saudi Arabia's Search for Security. Adelphi Paper № 158. London: International Institute for Strategic Studies, 2008.

действий Саудовской Аравии иранская «экспансия» в этом субрегионе имела мало шансов на успех¹⁵³.

Примером может служить Бахрейн. Как только Иран намекнул о своих правах на этот остров, КСА тут же превратило Бахрейн фактически в свою колонию. После завершения строительства моста, соединившего Бахрейн с саудовским побережьем, Бахрейн превратился в часть Королевства. Финансовая зависимость Бахрейна подчинила его экономику нуждам КСА. КСА организовало войсковую операцию с участием других арабских монархий, чтобы подавить восстание на Бахрейне в ходе «Арабской весны». При этом Иран был лишен возможности оказать гуманитарную помощь Бахрейну.

После обретения независимости в декабре 1971 г. Бахрейн подвергся процессу интенсивной арабизации. Все следы иранского культурного наследия были фактически уничтожены. Суннитские власти эмирата снесли старые шиитские поселения и переселили людей в новые районы. Одновременно они пообещали бахрейнское подданство переселенцам из числа арабов-суннитов. КСА также пыталось не допустить установления хороших отношений между Ираном и малыми монархиями Персидского залива. Одной из причин недовольства саудовцев Катаром было стремление Дохи поддерживать нормальные отношения с Тегераном.

Уход Великобритании в конце 1960-х годов из зоны Персидского залива усилил соперничество между Эр-Риядом и Тегераном за лидерство в этом районе. В начале США сделали ставку на Иран в вопросах обеспечения безопасности в Персидском заливе. Иран снял свои претензии на Бахрейн и тем самым облегчил процесс соз-

¹⁵³ Мелкумян Е. С. Ирано-арабская конкуренция в регионе Ближнего Востока и Персидского залива // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 11. С. 60–70.

дания ОАЭ. Шах Ирана полагал, что страны Персидского залива в одиночку не смогут противостоять напору радикальных арабских режимов. Он постоянно искал пути для налаживания отношений с Пакистаном, Кувейтом. Однако не получил поддержки КСА, которое хотело единолично контролировать регион. Независимая политика Ирана в регионе подрывала доверие Запада к Ирану как союзнику в Персидском заливе. Стремление шаха установить отношения с Сирией и ООП вызывало дополнительные подозрения Запада в истинных намерениях Тегерана. К 1975 г. КСА благодаря своей гибкой политике, хорошим отношениям с США и отсутствию возражений в отношении присутствия Запада в Персидском заливе превратилось в верного союзника Запада в этом регионе. Вместо того чтобы попытаться создать саудовско-иранский альянс для обеспечения безопасности в Персидском заливе, Великобритания и США играли на лидерских амбициях Ирана и КСА. В конечном итоге отношения между Ираном и КСА окончательно зашли в тупик. Одновременно обострились территориальные споры между Ираном и арабскими монархиями Персидского залива. Другим немаловажным вопросом стала судьба малых эмиратов Абу Даби, Дубай, Шарджа, Рас эль-Хэйма, Фуджейра, Аджам и Умм аль-Кувайн. По поводу дальнейшей судьбы этих эмиратов Иран и КСА придерживались разных взглядов.

Саудовская Аравия рассматривала Персидский залив как зону своего исключительного влияния. КСА положительно относилось к присутствию в Персидском заливе западных держав, которые обеспечивали безопасность Королевства. Любые попытки Тегерана обозначить свои интересы в Персидском заливе квалифицировались Эр-Риядом как гегемонистские устремления Тегерана и проявление его имперских амбиций. Возможно, часть

проблем в отношениях Ирана и КСА возникала в результате того, что саудовцы серьезно не воспринимали значимость Персидского залива для Ирана с точки зрения его безопасности, развития экономики и сохранения культурных традиций. В 1960–1970 гг. главными озабоченностями Ирана в Персидском заливе была активность арабских радикальных и революционных правительств в этом районе. Вмешательство Ирана в конфликт в Омане в 1970-х годах на стороне султана аль-Кабуса во время восстания в Дофаре было продиктовано опасениями, что за этими событиями могут стоять радикальные арабские режимы. Расчеты на то, что смена власти в Иране сделает Тегеран более терпимым в отношении региональных вопросов, не оправдались. Отношение Ирана к проблеме Персидского залива осталось прежним, несмотря на то что аятолла Хомейни сказал, что Залив принадлежит всем мусульманам, что дало основания считать, что Иран может пойти на переименование Залива в Исламский залив. В конечном счете Иран вернулся к своей прежней позиции в вопросе названия Залива¹⁵⁴. КСА рассматривало Красное море как зону своих интересов и считало, что этот район должен находиться под контролем Королевства. С 1970-х годов КСА распространило свое влияние на Африканском побережье, используя экономическую и финансовую помощь. Основное внимание КСА обращало на укрепление своих позиций в Джибути и Эритреи. В 2017 г. появились данные о намерении КСА создать свою военную базу в Джибути. КСА также проявляло определенную активность в Сомали. Свои действия в этом районе КСА объясняло стремлением остановить иранское проникновение в район Африканского

¹⁵⁴ Кузьмин В.А. Противостояние Саудовской Аравии и Ирана в зоне Персидского залива в конце XX – начале XXI в. // Научный диалог. Кузьмин В.А., Соколов Н.В. 2017. № 8. С. 241–260.

Рога. Сегодня КСА использует экономические средства, чтобы вынудить Сомали прекратить отношения с Ираном. В 2016 г. под нажимом Эр-Рияда Судан, Сомали и Джибути разорвали дипломатические отношения с Ираном. При этом достаточно сложно сказать, что могла дать военная база в Джибути с точки зрения укрепления безопасности КСА, если учесть, что присутствие Ирана в этом районе было минимальным¹⁵⁵.

Сфера соперничества за влияние между Ираном и КСА не ограничивалась только Персидским заливом и Красным морем. В середине 1960-х годов Эр-Рияд обратил свое внимание на Пакистан и Афганистан. КСА стало распространять ваххабизм в Пакистане как инструмент проникновения в страну. Финансовая поддержка Саудовской Аравией ваххабитского духовенства усилила его позиции и постепенно превратила умеренный ислам ханифитского толка в более жесткую и непримиримую ваххабитскую веру. Основным мотивом политики КСА в отношении Пакистана было стремление воспрепятствовать укреплению там позиций Ирана.

Иран и Пакистан находились в союзных отношениях с 1950-х годов. Оба государства были членами «Багдадского пакта». Иран оказал Пакистану поддержку во время его вооруженных конфликтов с Индией, в том числе и в 1972 г., в результате чего был образован Бангладеш. Возникновение Бангладеш создало для Пакистана проблемы в сфере поддержания внутренней безопасности и определения национальной идентичности. Премьер-министр Пакистана З. Али Бхутто хотел решить эти проблемы, сделав ислам основой национальной идентичности¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Lefebvre J. Iran in the Horn of Africa: Outflanking U.S. Allies. Middle East Policy, 19, 2, Summer 2012. URL: <https://www.mepec.org/iran-horn-africa-outflanking-us-allies> (дата обращения: 30.04.2020).

¹⁵⁶ Замаараева Н.А. О некоторых аспектах пакистано-иранского сотрудничества // Иран при М. Ахмедиенежаде. М., 2013.

В это время в политической жизни Пакистана и его внешней политике возросла роль государства. Пакистан изменил внешнеполитический курс и стал ориентироваться на богатые нефтедобывающие арабские монархии. Одновременно с развитием связей Пакистана с КСА и другими арабскими монархиями Персидского залива происходило охлаждение его отношений с Ираном. Первые признаки изменений во внешней политике Пакистана становятся заметны на саммите ОИК в Лахоре в 1976 г., куда шах Ирана отказался прибыть в случае участия в нем лидера Ливийской революции М. Каддафи. Расцвет отношений Пакистана и КСА приходится на время правления «исламиста» З. уль-Хака. Саудовцы не доверяли полностью З.А. Бхутто, подозревая его в левых и светских взглядах. К тому же он был шиитом. Дальнейшему сближению Пакистана и КСА помог ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. Афганская война укрепила саудовско-пакистанские отношения и вывела Иран за рамки саудовско-пакистанских связей.

В ходе афганской войны происходит «мягкая саудизация» Пакистана, его культуры за счет широкого распространения ваххабизма. После афганской войны Пакистан остается в орбите влияния КСА. Некоторые пакистанские эксперты даже полагали, что Пакистан может со временем превратиться в саудовскую «колонию». Население Пакистана было озабочено распространением радикальных настроений ислама под влиянием жесткой ваххабитской веры и ростом конфессиональной напряженности между суннитами и шиитами.

КСА прикладывало большие усилия, чтобы сорвать планы экономического сотрудничества между Исламабадом и Тегераном. В частности, саудовцы всячески тормозили развитие проекта строительства пакистанского участка газопровода, по которому должен был пойти

газ из Ирана в Пакистан, а в перспективе — и в Индию. Несмотря на то что этот газопровод не представлял прямой угрозы безопасности Королевства, считалось, что саудовцы предложили Исламабаду 1 млрд долл. США, в случае если он изменит схему прокладки газопровода. Эр-Рияд стремился таким образом оказать экономическое давление на Иран.

Саудовская Аравия использовала Пакистан для проникновения на территорию Ирана в районы Белуджистана и оказания помощи сепаратистским элементам. В 2018 г. группа повстанцев из организации «Джейш аль-Адль» захватила 14 иранских пограничников и ушла вместе с ними в Пакистан. Иран пригрозил Пакистану, что может начать вооруженную операцию на территории Пакистана, если заложников не освободят, а подобные инциденты будут продолжаться. Деятельность оппозиционеров из Белуджистана серьезно осложнила отношения между Ираном и Пакистаном, выведя их на грань вооруженного конфликта¹⁵⁷.

Таким образом, Саудовская Аравия продемонстрировала свою наступательную политику в Пакистане за счет интересов Ирана. Однако саудовская военная операция в Йемене осложнила отношения Эр-Рияда и Исламабада. Несмотря на настойчивые призывы Саудовской Аравии присоединиться к возглавляемой саудовцами «коалиции», Пакистан уклонился от прямого участия в вооруженной борьбе с «хуситами». Возможно, такое решение Исламабада было продиктовано нежеланием обострять отношения с Тегераном, арабскими странами и своими региональными соседями, которые не были согласны с политикой КСА в йеменском конфликте, тем более что воо-

¹⁵⁷ Hoodbhoy P. The Saudiazation of Pakistan: How Pakistan Is Changing and What it Means for South Asia and the Rest of the World. New Line, January 2009 (later updated in 2017). URL: <http://eacpe.org/content/uploads/2017/05/Saudization-of-Pakistan-updated.pdf>.

руженный конфликт в Йемене по многим параметрам являлся отражением ирано-саудовского соперничества на юге Аравии.

Действительно, КСА всегда рассматривало попытки Ирана укрепиться в этом районе как угрожающие его интересам. Соображения эвентуальной опасности со стороны Ирана временами оказывались сильнее страха КСА перед арабским национальным и революционным движением. Шах Ирана всегда с недоверием относился к сотрудничеству с КСА в сдерживании Г.А. Насера в Йемене. Во время гражданской войны в Йемене в 1960-х годах, когда КСА вместе с Ираном противодействовали общей угрозе, саудовцы стремились ограничить влияние Ирана в этом районе. Когда Иран оказал имаму Йемена военную помощь в борьбе с Египтом, КСА, несмотря на свои идеологические разногласия с режимом Г.А. Насера, быстро изменило свою позицию в отношении Египта, чтобы не дать Ирану предложения остаться в Йемене¹⁵⁸.

Саудовская военная операция в Йемене в 2015 г. стала свидетельством политических устремлений КСА в этом районе. В 2015 г. КСА начало военную операцию в Йемене «Decisive Storm» под прикрытием арабского и африканского альянса. Саудовцы объясняли свои действия соображениями безопасности в результате действий Ирана в Йемене, их помощью повстанцам из группировок «хуситов», опасениями в связи с возможностью создания с помощью Ирана на базе организации «Ансарулла» новой йеменской «Хизбаллы» у своих границ. Саудовцы стремились взять Йемен под свой полный контроль и не допустить участия «хуситов» как части зейдитских шиитов в управлении страной. Тот факт, что лидер «хуси-

¹⁵⁸ Федорченко А. В. Состояние и перспективы национального диалога в Йемене в контексте обострения политического и военного противоборства в стране // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2014. № 3–4 (9). С. 237–250.

тов» Хусейн Бадреддин аль-Хуси был связан с Ираном, высказывал антиваххабитские суждения, волновал саудовцев. После того как ракеты «хуситов» были выпущены в сторону КСА, США обвинили Иран в вооруженной поддержке «хуситов». Вооруженный конфликт в Йемене обострил религиозный фактор в арабо-иранских отношениях. На деле саудовская операция в Йемене во многом преследовала цели внутренней политики КСА. Она была связана с внутриклановым соперничеством в правящей элите КСА и борьбой за лидерство¹⁵⁹.

С середины 1960-х годов КСА стало распространять свое влияние в Афганистане. В это время в афганских учебных заведениях стали проявляться исламистские настроения. Саудовские устремления в Афганистане в этот период объяснялись развитием отношений Кабула и Москвы, которая оказывала афганским властям технико-экономическую помощь. Другим мотивом саудовской активности в Афганистане было стремление ограничить там влияние Ирана, который пытался воздействовать на власти Кабула с тем, чтобы отвлечь их от СССР и вернуть в лоно Запада. Идеологической основой политики Ирана в Афганистане было модернизация, развитие, возрождение индо-иранских цивилизационных традиций. КСА считало данные идеи опасными и предлагало взамен ваххабитское вероучение.

Как и в случае с Пакистаном, афганская война сыграла роль катализатора в развитии афгано-саудовских связей. Развернувшаяся междоусобная война после ухода советских войск из Афганистана также способствовала развитию связей Кабула и Эр-Рияда. После исламской революции в Иране КСА активизировало политику в Афганистане. КСА использовало ваххабизм для

¹⁵⁹ См.: Ахмейдан Х. Иранская позиция в отношении йеменских событий. Иранская перспектива. Доха, 2015 (на араб. яз.) [авторский перевод].

воздействия на культуру страны и приобретение политических дивидендов. Отчасти религиозный политический тренд КСА в Афганистане способствовал появлению там движения «Талибан» и аль-Каиды. Наряду с КСА ОАЭ также оказывали финансовую поддержку исламистским группировкам Афганистана. Характерно, что в отличие от Ливана и других арабских стран Иран не осуществлял политику экспорта революции ни в Пакистане, ни в Афганистане.

В конце 1960-х годов, после создания ОПЕК, страны-экспортеры нефти смогли обеспечить себе более выгодные условия производства и добычи нефти. После нефтяного бума 1973 г. их доходы от нефти выросли, и они смогли направить средства на развитие своей экономики. Это привело к активизации внешней политики КСА и Ирана и усилению их соперничества в регионе. В отношениях КСА и Ирана появился новый аспект — борьба за нефтяные квоты добычи нефти.

Различия в нефтяной политике Ирана и КСА детерминировались не только политическими соображениями, но и чисто экономическими факторами. Ирано-саудовское соперничество в этой сфере объяснялось разным уровнем запасов природных ресурсов в Иране и КСА, их потребностями в средствах на развитие тех или иных проектов. Иран обладал меньшими по сравнению с КСА запасами нефти. Тегеран добивался роста доходов от продажи нефти с тем, чтобы инвестировать как можно больше средств в развитие своей экономики. Поэтому Тегеран выступал за удержание высокой цены на нефть. КСА владело большими запасами нефти. Повышая уровень добычи, КСА нередко обваливало цены на нефть и тем самым наносило ущерб экономическим интересам Ирана. Значительные запасы нефти в КСА и его гибкая ценовая политика на нефтяных рынках дала Королевству возмож-

ность использовать нефть как оружие против Ирана и завоевать доверие Запада.

Исламская революция обострила конфессиональные противоречия в политических отношениях Ирана и КСА. Аятолла Хомейни крайне негативно относился к ваххабитской вере и антишиитскому настрою саудовских руководителей. К тому же новое руководство Ирана практиковало политику экспорта исламской революции. Особую обеспокоенность Эр-Рияда в этой связи вызвала шиитская община Саудовской Аравии, которую вдохновляли революционные идеи нового исламского государства. Озабоченность КСА своей безопасностью носила обоснованный характер. В 1979 г. произошел захват заложников в Мекке сторонниками Сайфа аль-Отайби, который требовал положить конец власти дома Аль-Сауд, ликвидировать ваххабизм. Все это происходило на фоне волнений саудовских шиитов в ноябре 1979 г. В последующем в Королевстве появились радикальные шиитские группировки типа «Хизбалла аль-Хиджаз», которым приписывались акты террора на территории Королевства. Неясно, какую именно роль сыграл Иран в создании этих группировок. Известно, что Тегеран поддерживал контакты с некоторыми шиитскими активистами, которые проходили обучение в Куме (Иран). В ответ КСА активизировало распространение идей ваххабизма в провинциях Систан, Белуджистан и районах компактного проживания курдов в Иране¹⁶⁰. Исламский режим ИРИ использовал церемонию хаджа в КСА не только в религиозных, но и политических целях: для распространения своего видения по вопросам глобальной, региональной политики, критики Запада, Израиля, радикаль-

¹⁶⁰ См.: Jones T.C. Rebellion on the Saudi Periphery: Modernization, Marginalization and the Shia Uprising of 1979 // International Journal of Middle East Studies. 2006. Vol. 38, № 2.

ных арабских режимов, призывов к освобождению Палестины. ИРИ критиковала позицию КСА по арабо-израильскому конфликту. Иногда во время хаджа происходили столкновения между саудовскими силами правопорядка и иранскими паломниками, как это было в 1981, 1982 гг. Во время столкновений с полицией в 1987 г. погибло около 400 иранских паломников. История повторилась в 2015 г. После этого Иран был вынужден запретить иранским паломникам совершать «умру» (малый хадж, необязательное паломничество) во избежание новых инцидентов.

Ирано-иракская война 1980–1988 гг. серьезно ослабила две страны. Это давало КСА возможность вырваться вперед в политическом пространстве Ближнего Востока и укрепить свои позиции за счет Ирана. КСА и Кувейт истратили немалые средства на поддержку режима С. Хусейна. В своих попытках ослабить экономику Ирана они фактически обвалили цены на нефть. В период 1985–1986 гг. цена за баррель составляла около 7 долл. США. Это сильно ударило по иранской экономике. Иран обвинил КСА в попытках подорвать ОПЕК¹⁶¹.

Распад СССР оказал заметное влияние на изменение геополитической структуры в регионе и повлиял на саудовско-иранские отношения. После заметного спада политической активности СССР на Ближнем Востоке снизилась значимость ИРИ для США в качестве буферного государства на пути возможной советской экспансии в Персидском заливе. Кончина аятоллы Хомейни в 1989 г. и ирако-кувейтская война в 1990 г. открывали возможность для налаживания американо-иранских отношений. Однако США продолжали рассматривать Иран как конкурента и угрозу своему влиянию в Персидском заливе и

¹⁶¹ Hunter S. T. OPEC and the Third World: The Politics of Aid. Bloomington: Indiana University Press, 1984.

в регионе в целом. Поэтому США взяли курс на сдерживание Тегерана на Ближнем Востоке, в Южной и Центральной Азии и на Кавказе. США пытались помешать развитию оборонного комплекса Ирана и наложили на него экономические санкции в 1996 г.¹⁶²

Указанные трансформации в международных отношениях и региональной политике несколько снизили озабоченности КСА в отношении политики Ирана в регионе. Однако Эр-Рияд не хотел форсировать нормализацию отношений с Тегераном, рассчитывая на то, что под влиянием сложившейся обстановки Иран станет более уступчивым в важных для саудовцев вопросах. С другой стороны, усилия иранского президента Х. Рафсанджани и умеренных сил в Иране по нормализации отношений с КСА сдерживались позицией сторонников жесткой линии в Иране. В июне 1996 г. в Хобаре были взорваны казармы морских пехотинцев США. Некоторые эксперты считали, что за этим терактом стояла организация «Хизбалла Хиджаза», которая имела некоторые связи с Ираном. Вопрос о возможной причастности Ирана к теракту в Хобаре был реанимирован саудовцами в 2015 г. во время попыток американской администрации договориться по ядерной программе Ирана¹⁶³.

После прихода к власти в ИРИ президента М. Хатами саудовско-иранские отношения несколько улучшились. Наследный принц КСА Абдалла Бен Абдель Азиз посетил Иран в декабре 1997 г. во время саммита ОИК. В мае 1989 г. бывший президент ИРИ Х. Рафсанджани отправился с визитом в Эр-Рияд. Х. Рафсанджани посетил район компактного проживания шиитской общины. Этот

¹⁶² См.: Шарипов У.З. Персидский залив: обострение политической и военной ситуации и международных отношений в конце XX — начале XXI в. М., 2010.

¹⁶³ Youseef I.M. Saudi Rebels Are Main Suspects in June Bombing of a U.S. Base // New York Times. 15.08.1996.

необычный жест «доброй воли» со стороны КСА свидетельствовал о желании Королевства наладить отношения с Ираном.

Положительные тенденции в развитии двусторонних отношений продолжились в мае 1999 г. во время визита М. Хатами в КСА. Одновременно духовный лидер ИРИ Али Хаменеи высказался за улучшение саудовско-иранских отношений. В мае 1999 г. министр обороны КСА принц Султан Бен Абдель Азиз посетил Иран. Контакты между двумя странами развивались, в том числе и по военной линии. В апреле 2000 г. министр обороны ИРИ А. Шамхани посетил Эр-Рияд. Готовилось подписание договора о безопасности. Однако дальнейшего развития отношения не получили из-за внутренней оппозиции в правящих элитах обеих стран¹⁶⁴. Против улучшения отношений с Ираном в КСА выступили министры обороны и внутренних дел принцы Султан и Наиф. Военная операция США в Афганистане в 2001 г. и агрессия в Ираке в 2003 г. изменили баланс сил в регионе и фактически уничтожили региональную систему безопасности. Это повлияло на характер отношений КСА и ИРИ. Саудовцы полагали, что в результате американского вторжения в Ирак позиции Ирана в регионе окрепли. Приход в Ираке правительства шиитского большинства вызвал обеспокоенность КСА. Усиление позиций шиитов в Ираке и перспектива ирако-иранского альянса могли спровоцировать волнения в шиитских районах КСА. Саудовцы решили укрепить позиции иракских суннитов и оказать поддержку суннитскому сопротивлению Ирака. Иранская помощь шиитам Ирака, их вооруженным формированиям усилила соперничество за Ирак между КСА и ИРИ.

¹⁶⁴ Iranian President Starts Landmark Visit to Saudi Arabia // Deutsche Presse-Agenture. 15.05.1999.

Политика США на Ближнем Востоке подтолкнула Эр-Рияд активизировать действия против Ирана и иракских шиитов. Несмотря на это, в Иране и КСА не стремились к дальнейшему обострению отношений. Саудовский монарх Абдалла бен Адбель Азиз пытался использовать любые возможности, чтобы избежать прямого конфликта с Ираном. В 2007 г. он пригласил президента ИРИ М. Ахмединежада на хадж в Мекку. Со своей стороны, Иран выступил с рядом инициатив по созданию системы региональной безопасности. В итоге сложились благоприятные условия возможного участия Ирана в заседании ЛАГ в Дохе в 2009 г. Однако ряд арабских стран, в частности Египет, отказались прибыть на саммит в случае участия в нем ИРИ.

В результате войны в Ливане в 2006 г. позиции «Хизбаллы» и Ирана в этой арабской стране заметно упрочились. Арабские правительства обвинили Иран во вмешательстве во внутренние дела арабских стран и Ливана, в частности КСА призывало к прямым военным акциям в отношении Ирана. Саудовцы надеялись использовать США для того, чтобы ослабить позиции Ирана в регионе. Начало непрямых контактов между Израилем и КСА при посредничестве США свело на нет какие-либо шансы на возможность продолжения саудовско-иранского сотрудничества. Возможно, КСА и другие арабские монархии Персидского залива решили, что Израиль и США смогут за них решить проблему Ирана.

Дальнейшее развитие событий на Ближнем Востоке еще больше осложнило отношения КСА и Ирана. События «Арабской весны», которые привели к смене власти в Тунисе и Египте, приходу к управлению в АРЕ «Братьев-мусульман» и гражданской войне в Сирии, вызывали серьезную обеспокоенность саудовского руководства. Сближение нового руководства Египта с Ираном

ставило под вопрос существование египетско-саудовского альянса, который служил определенной преградой на пути продвижения ИРИ на Ближнем Востоке. Волнения на Бахрейне и в восточных провинциях Королевства также вызвали обеспокоенность саудовцев и усилили их опасения в отношении Ирана и его роли в этих событиях. В конечном итоге КСА, с тем чтобы ослабить активность Ирана, приняло решительные меры на Бахрейне и способствовало организации военного переворота в Египте. В результате последствий «Арабской весны» КСА и Иран оказались вовлечены в гибридные войны в Сирии, Ираке, Ливане, Йемене. Это привело к серьезному ухудшению двусторонних отношений.

Начиная с 2000-х годов Иран и «Европейская тройка» (Франция, Германия, Англия) вели переговоры с Тегераном по ядерной программе ИРИ. В 2004 г. они достигли промежуточного соглашения по этому вопросу, которое в результате усилий американской администрации было сорвано. После 2013 г. начались более-менее серьезные американо-иранские контакты. Приход к власти в ИРИ умеренного президента Х. Роухани также способствовал этому. Переговоры с Ираном были возобновлены в новом формате. В них участвовали США, РФ, КНР, Франция, Германия, Англия и Верховный комиссар по внешней политике и безопасности. Для Ирана было важно добиться снятия санкций, которые негативно сказывались на его экономике. Х. Роухани связывал с успехом переговоров продвижение своей программы реформ. В 2015 г. соглашения с ИРИ по ядерной программе были подписаны в виде документа Joint Comprehensive Program of Action (JCPOA). Достигнутые с Ираном договоренности вызвали особую обеспокоенность КСА. Саудовская Аравия надеялась, что американская администрация займет более жесткую позицию в отношении Ирана. В результате политика КСА

в отношении Ирана приобрела более жесткий характер¹⁶⁵. В январе 2016 г. толпа атаковала посольство КСА в Тегеране и подожгла здание. Саудовское консульство в Мешхеде также подверглось нападению. КСА разорвало дипотношения с Ираном. В 2018 г. американская администрация в одностороннем порядке вышла из договора с Ираном. Одновременно администрация США стала вести подготовку к урегулированию палестино-израильского конфликта как начала процесса создания суннитско-израильского альянса против Ирана. Важная роль в этих планах отводилась КСА. Смена власти в КСА облегчила США решение этой задачи¹⁶⁶.

В январе 2015 г. скончался саудовский монарх Абдалла бен Абдель Азиз. Его смерть вызвала серию важных изменений во внутренней и внешней политике КСА. Сальман бен Абдель Азиз наследовал трон. Его младший сын Мухаммед бен Сальман стал министром обороны, а в 2017 г. — наследным принцем. Он выступил за более агрессивный курс КСА на внешнеполитической арене. Свои намерения М. бен Сальман продемонстрировал в ходе военной операции в Йемене. Саудовская операция в Йемене и политика в Ливане имели целью укрепить позиции лояльных саудовцам внутренних сил и снизить влияние Ирана в этих странах и на Ближнем Востоке в целом¹⁶⁷. Эта политика соответствовала политическим взглядам М. бен Сальмана, который стремился ограничить влияние Ирана на Ближнем Востоке. В рамках своей стратегии борьбы с Ираном М. бен Сальман приступил при посредничестве США к налаживанию отношений с Израилем. В начале 2018 г. М. бен

¹⁶⁵ Pasha A. K. Saudi Arabia and the Iran Nuclear Deal // Contemporary Review of the Middle East. 2016. Vol. 3, № 4.

¹⁶⁶ См.: Heller J. and Kalin S. Israel Has Held Secret Talks with Saudi Arabia // Independent. 20.11.2017.

¹⁶⁷ См.: Bazzi M. Saudi War in Yemen Is Disastrous: America Is Only Making Things Worse // Guardian. 11.06.2018.

Сальман заявил, что Израиль имеет право на свою территорию. Фактически это означало признание Государства Израиль. Антииранская политика М. бен Сальмана имела свои внутренние измерения. Он пытался таким образом расширить и укрепить базу своей поддержки внутри Королевства. М. бен Сальман считал себя реформатором и сторонником модернизации. Он хотел укрепить саудовский национализм и осуществить постепенную самоидентификацию населения на основе партикулярного, а не арабского национализма и исламизма. Он рассчитывал использовать партикулярный национализм как новую основу легитимации власти. В этих целях он использовал фактор иранской угрозы в регионе¹⁶⁸. Новая администрация США продолжила прежний жесткий курс в отношении ИРИ. США оказали прямую вооруженную поддержку КСА в Йемене и пообещали сокрушить иранских сторонников на Ближнем Востоке.

Несмотря на общий негативный фон в отношениях между Эр-Риядом и ИРИ, в обеих странах есть силы, которые были не согласны с враждебным курсом КСА в отношении ИРИ. Многие эксперты считают, что до тех пор, пока М. бен Сальман остается у власти, вряд ли возможно ожидать улучшения ирано-саудовских отношений. Когда из Лондона вернулся самый младший из братьев короля Сальмана Ахмед бен Абдул Азиз, появились слухи о возможной замене М. бен Сальмана на посту наследного принца¹⁶⁹.

Изменения внутреннего характера в обеих странах могут повлиять на нормализацию ирано-саудовских свя-

¹⁶⁸ Madhavi A.R. Xenophobia, Tribalism and Imagined Enemies; Mohammed bin Salman's Brand of Saudi Nationalism // Middle East Eye. 05.09.2018. URL: <https://www.middleeasteye.net/columns/saudi-arabia-first-mohammed-bin-salman-new-nationalism-125935461> (дата обращения: 04.12.2021).

¹⁶⁹ Yousef A. Saudi-Iranian Relations and Their Effect on Neighboring Countries. Gaza: Al Azhar University, 2014.

зей. Религиозный фактор оказывал значительно большее влияние на характер отношений КСА с ИРИ, чем с другими арабскими странами. Ваххабизм как государственная идеология КСА определял заведомо отрицательное отношение саудовских властей к Ирану. Возможно, в будущем, если М. бен Сальману удастся реализовать свои планы, прежний характер связи дома Аль-Сауд и ваххабизма может измениться. После исламской революции политизированная версия шиизма стала основой государственной идеологии и инструментом внешней политики ИРИ. На деле она сужала горизонты внешней политики Ирана и ограничивала возможности для маневра на Ближнем Востоке. Любые новации в этом плане могут оказать влияние на изменение характера ирано-саудовских отношений¹⁷⁰.

Изменение характера системы международных отношений и региональной политики, баланса сил на Ближнем Востоке также могут повлиять на характер ирано-саудовских связей. Если США поддержат создание новой системы безопасности в Персидском заливе с участием ИРИ, это может привести к сближению Ирана и Саудовской Аравии.

¹⁷⁰ См.: Long D.E. US-Saudi Relations: Evolution, Current Conditions and Future Prospects // *Mediterranean Quarterly*. 2004. Vol. 15, № 3.

Глава IV

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕВОСТОЧНУЮ ПОЛИТИКУ ИРАНА

В настоящее время Ближневосточный регион представляет собой сосредоточие многообразных процессов мирового цивилизационного значения. Перспективы их развития серьёзно влияют на геополитическую обстановку в современном мире. В складывающихся международных отношениях всё более актуальное значение приобретает региональный фактор, отражающий динамику изменений мира через различные процессы трансформаций региональных конструкций. Регион сегодня фактически признан элементом международных отношений, складывающихся в больших политико-экономических зонах. Его политические границы и регламентированные соглашения трансграничного сотрудничества в международной сфере перестают восприниматься как чисто географическая категория. Регионализация и регион всё больше начинают совпадать с такими явлениями, как интеграция и глобализация.

Наряду с этим в мире постоянно растет интерес к государствам Ближнего Востока и происходящим в них социально-политическим процессам, их истории, культуре, особенностям жизни ближневосточного общества. Так, если до Второй мировой войны международное значение

государств региона определялось прежде всего их выгодным геостратегическим положением, то со второй половины XX в. роль ближневосточных стран в мировой политике существенно возросла. и произошло это не только в результате обнаружения на их территории гигантских запасов углеводородов, но и в связи со стремлением ряда крупных мировых держав играть более значимую роль в региональной политике, их желанием влиять на важнейшие процессы развития Ближнего Востока.

Благодаря своему геополитическому положению, политико-культурным особенностям и источникам энергии, Иран является одним из ключевых государств в формировании международной политики на Ближнем Востоке. Арабо-иранские отношения представляют собой важный компонент региональных отношений и проблем безопасности на Ближнем Востоке. Они имеют стратегический характер. Политика Ирана в арабских странах Ближнего Востока оказывает влияние на проблемы региональных кризисов, вопросы войны и мира в регионе, борьбу с международным терроризмом, которые в настоящее время являются наиболее важными пунктами повестки дня мировой политики и вопросов международной безопасности.

Таким образом, динамика системы международных отношений и региональной ситуации на Ближнем Востоке оказали заметное влияние на развитие арабо-иранских отношений.

1. Особенность ирано-израильских отношений. Роль Израиля в арабской политике Ирана

Одним из факторов, определявших политическую ситуацию на Ближнем Востоке после Второй мировой войны, стало образование в мае 1948 г. Государства Изра-

иль. Связи Ирана с Израилем, отношение к арабо-израильскому конфликту, палестинской проблеме и сегодня определяют характер арабо-иранских отношений¹⁷¹.

В силу географической удаленности от Леванта, этнических, конфессиональных, культурных различий населения Израиля и Ирана Тегеран не рассматривал этот район с точки зрения потенциальной угрозы своей безопасности. Однако, будучи исламским государством, Иран чувствовал себя ответственным за святые места в Палестине. Иранское духовенство стремилось защитить исламские святыни, националистически настроенные силы усматривали общие черты в борьбе палестинцев и антиколониальном движении в Иране 1950-х годов¹⁷².

Иранское руководство было вынуждено учитывать позицию могущественного иранского духовенства и светской политической оппозиции. В этой связи иранские власти стали проводить политику, которая у ряда экспертов получила название «просчитанная амбивалентность». Иран проголосовал в ООН против плана раздела Палестины. После начала первой арабо-израильской войны 1948 г. ряд представителей духовенства пытались организовать в Иране отряды добровольцев для сражения в Палестине. Когда в 1950 г. иранские власти фактически признали Израиль, иранское духовенство выступило с резкой критикой действий иранского правительства. На деле иранская оппозиция в течение нескольких последующих десятилетий вместо того, чтобы блокировать попытки юридического признания Израиля, наладила с ним выгодные торговые и экономические связи. Иран

¹⁷¹ Mathew M.W. The Balfour Declaration and the Palestine Mandate: British Imperial Imperatives // *British Journal of Middle Eastern Studies*. Vol. 40, № 3 (2013).

¹⁷² Bialer U. The Iranian Connection in Israel's Foreign Policy, 1948–1951 // *Middle East Journal*. Spring 1985. № 39.

и Израиль открыли неофициальные представительства в своих столицах¹⁷³.

Динамика международных отношений и развитие региональных процессов наряду с переменами во внутренней политике Ирана и эволюцией стратегии национальной безопасности в Израиле привели к некоторому сближению двух стран.

В результате государственного переворота 1953 г. в Иране произошло укрепление прозападной монархической власти¹⁷⁴. В это время в арабских странах прокатилась волна революционных движений, в результате которых к власти пришли левые национальные правительства, которые поддерживали отношения с СССР. В итоге Иран и арабские страны оказались по разные стороны «холодной войны» на Ближнем Востоке. В этот период в арабских странах наблюдался рост национальных и общеарабских движений, которые в целом отрицательно относились к Израилю и монархическому Ирану. Иран и Израиль оказались мишенью арабских национальных и социалистических движений и правительств. Одновременно в Израиле стали осознавать тот факт, что потребуется немало времени для нормализации отношений с арабскими странами. Израильские лидеры, прежде всего Д. Бен Гурион, взяли на вооружение так называемую «периферийную» стратегию во внешней политике.

В результате проведенной в Тель-Авиве и Тегеране переоценки объектов национальных угроз и их источников между двумя государствами сложились нормальные отношения и наладилось взаимовыгодное сотрудничество. Иран стал важным поставщиком нефти в Израиль. Глав-

¹⁷³ Ramazani R. K. Iran and the Arab-Israeli Conflict // Middle East Journal. Autumn 1978. Vol. 32.

¹⁷⁴ Sohmani S. The Pragmatic Entente: Israeli-Iranian Relations: 1948–1988. Westport. CT: Praeger, 1989.

ным политическим приобретением Ирана от отношений с Израилем стало некоторое улучшение его отношений с Западом, прежде всего с США. Это было важно для Ирана перед лицом угрозы со стороны арабских революционных и радикальных режимов. Для Израиля была крайне нежелательна любая нормализация отношений Ирана с арабскими странами. Конфликты и враждебность в отношениях арабов и Ирана отвлекали внимание арабских стран от Израиля и его политических акций в регионе¹⁷⁵.

Установление и развитие отношений между Ираном и Израилем в 1958—1973 гг. усиливало настороженность в отношении израильского государства в среде иранского духовенства и светски настроенных иранских националистов. В итоге правительство Ирана вело весьма невнятный курс в отношении Израиля. Когда Тегеран закрыл иранское консульство в Тель-Авиве, ряд обозревателей сочли этот шаг как начало разрыва отношений с Израилем. Другие усматривали причину действий иранских властей в нефтяном кризисе и национализации иранских нефтепромыслов. Националистически настроенные сторонники премьер-министра Ирана М. Мосаддека были тесно связаны с исламистскими силами Ирана. В 1960-х годах эти группы установили тесные контакты с арабскими националистами и исламистами и пользовались их поддержкой. Позднее исламистское крыло националистических сил объединилось с левыми и исламистскими силами и выступило на стороне исламской революции 1979 г. в Иране. Они строили свою политику в отношении Израиля, исходя из внутренних соображений ненависти к шахскому режиму и его прозападной ориентации. Их радикальность в отношении власти шаха усилилась после свержения М. Мосаддека в 1953 г. Несмотря на это, Иран

¹⁷⁵ Soh bani S. The Pragmatic Entente: Israeli-Iranian Relations: 1948—1988. Westport. CT: Praeger, 1989.

продолжал сохранять свое фактическое признание государства Израиль¹⁷⁶.

Ирано-израильские контакты привели в действие конфликтный потенциал арабо-иранских отношений. Связи Тель-Авива и Тегерана оправдывали антииранскую политику арабских стран. Так, в 1961 г. президент Египта Г.А. Насер обратился к шаху Ирана через ректора университета аль-Азхар шейха Шалтута, поставив под вопросом исламскую идентичность Ирана. Когда в 1965 г. шах вместе с королем КСА Фейсалом присоединился к проекту создания ОИК, президент Египта Г.А. Насер выразил сомнения в искренности этого шага Ирана. Сирийское правительство, которое являлось конкурентом Египта в арабском мире в 1960–1970 гг., выступило с аналогичными нападка на Иран. После революции 1958 г. Ирак также выступил с обвинениями против Ирана. Новые иракские власти артикулировали известные арабские претензии к Ирану в отношении истинных намерений Тегерана в арабских монархиях Персидского залива. Они сводились к тому, что под видом развития экономических связей Иран хочет постепенно изменить демографический баланс в этих странах и превратить их в свои колонии. Собственно, они были не так далеки от истины, если посмотреть на то, что сегодня делает Иран в Сирии.

После арабо-израильской войны 1967 г., и особенно с начала 1970-х годов, Иран стал проводить более сбалансированный внешнеполитический курс в отношениях с государствами Ближнего Востока. Прежде всего Иран предпринял попытки к установлению нормальных отношений с ООП и Сирией. Такое решение, по-видимому, было продиктовано растущей озабоченностью шаха Ирана

¹⁷⁶ Ramazani R.K. Iran and the Arab-Israeli Conflict // Middle East Journal. Autumn 1978. Vol. 32.

в связи с ростом военно-политической активности СССР в регионе. Особую обеспокоенность Ирана вызвало развитие отношений СССР с Ираком и Южным Йеменом. После войны 1967 г. Иран стал опасаться возможных «гегемонистских» планов Израиля в регионе, рассматривая их как потенциальную угрозу своей национальной безопасности. В этой связи иранские власти решили сбалансировать свои отношения с Израилем за счет развития связей с враждебными Израилю арабскими режимами и таким образом снизить градус их антииранских настроений.

Первую попытку в этом направлении Иран предпринял в отношении ООП в 1969 г. во время саммита ОИК в Рабате. Однако она оказалась неудачной. Наладить контакты с ООП не получилось. Более успешным оказался иранский дипломатический демарш в Сирии. Отношения нормализовались. Х. Асад посетил Тегеран в 1975 г. Ирану удалось также сблизиться с Ираком. В 1975 г. страны подписали «Алжирские соглашения». Были достигнуты договоренности по проблеме Шатт эль-Араб. Иран прекратил оказывать поддержку иракским курдам. С точки зрения Израиля, нормализация отношений Ирана с Ираком была весьма тревожным сигналом и вызовом национальной безопасности еврейского государства. Тель-Авив опасался, что, решив проблему курдов, Саддам Хусейн может активизироваться на израильском направлении.

Изменение политики Ирана в отношении Израиля привело к охлаждению отношений с США. Американская администрация начала постепенно утрачивать интерес к шаху как своему союзнику. США весьма равнодушно отнеслись к начавшимся в Иране в 1977 г. событиям. Свидетельством изменения позиции США стал отказ

американской администрации продать Ирану новейшие системы вооружений¹⁷⁷.

Сразу после исламской революции 1979 г. ИРИ разорвала все отношения с Израилем и заявила о необходимости уничтожения израильского государства. ИРИ стала считать Израиль главной угрозой своей безопасности и всего исламского мира. Во многом этому способствовало принятие на вооружение Ираном известной концепции «дьявольской троицы» в лице империализма, международного сионизма и арабских реакционных режимов во главе с КСА. Развитию антиизраильских настроений в Иране способствовали, по некоторым данным, антисемитские взгляды иранского духовенства и лично аятоллы Хомейни, которые базировались на историческом придании о том, что исповедовавшая иудаизм часть населения Медины предала Пророка Мухаммеда. Многие лидеры исламской революции выстраивали внешнеполитическую концепцию государства, исходя не из национальных интересов, а формировали ее на основе общеисламских глобальных задач. Революционные лидеры ИРИ ставили исламские цели выше национальных интересов, не задумываясь, как это может отразиться на самом Иране. Антиизраильская позиция Тегерана дорого обошлась стране и стала основной причиной ухудшения его отношений с США и Западом в целом с последующим принятием режима санкций в отношении ИРИ.

Со своей стороны, Израиль рассчитывал, что после исламской революции в Иране отношение арабских стран к еврейскому государству может начать меняться. Одновременно Израиль надеялся на изменение в позиции Ирана в отношении Тель-Авива на фоне ирано-ирак-

¹⁷⁷ McGlinchey S. and Murray W.R. Jimmy Carter and the Sale of AWACS to Iran in 1977 // *Diplomacy and Statecraft*. 2017. Vol. 28, № 2. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09592296.2017.1309883> (дата обращения: 08.11.2019).

ской войны. Любопытно, что первые 6 лет ирако-иранской войны Израиль активно помогал Ирану, снабжая его оружием. Однако с конца 1980-х годов Израиль пересмотрел свое отношение к Ирану и стал больше склоняться к решению проблемы нормализации отношений с арабскими странами. Во многом этому способствовала активная политика Ирана в арабских странах и создание ливанской «Хизбаллы», которая выступила с оружием против Израиля.

Таким образом, ожидания Израиля в отношении нового исламского режима в Иране оказались ошибочны. Как было отмечено выше, внешняя политика Ирана в это время определялась не столько соображениями национальной безопасности, сколько была движима революционным и идеологическим порывом. Враждебное отношение к Израилю стало одним из важных компонентов ближневосточной политики Ирана.

Возможно, под влиянием ошибочных расчетов в отношении Ирана Израиль с конца 1980-х годов стал менять свою ближневосточную политическую стратегию на развитие отношений с государствами периферии и постепенно переходить к политике нормализации отношений с отдельно взятыми арабскими государствами.

В то время, когда в Иране бушевала исламская революция, ряд арабских стран стали задумываться о возможности нормализации отношений с Израилем— визит президента Египта А. Садата в Иерусалим, Кэмп-дэвидские соглашения 1978 г., соглашения в Осло 1993 г., подписание мирного договора между Иорданией и Израилем в 1994 г.

Исламская революционная риторика ИРИ вызывала опасения не только у консервативных арабских лидеров, но и настораживала баасистов в Ираке и Сирии, которые опасались, что она может дестабилизировать население

в их странах. После начала в 1980 г. ирако-иранской войны практически все арабские страны и ООП стали на сторону Ирака. Таким образом, вопрос об отношении к Израилю являлся лишь одним из факторов, определявших характер арабо-иранских отношений. Изменение геополитической ситуации на Ближнем Востоке после распада СССР, американской агрессии в Ираке в 2003 г. серьезно повлияли на мировоззрение многих арабских стран в отношении Израиля. Приход правительства шиитского большинства к власти в Ираке создал лишь временные преимущества для Ирана. В арабском политическом дискурсе появился термин об угрозе «шиитского полумесяца», который простирался из Тегерана через Багдад, Дамаск, Бейрут и шел в Газу.

Изменение парадигмы взаимоотношений с арабскими странами не означало, что Израиль полностью отказался от своей прежней «периферийной» стратегии. В 1990 г. Тель-Авив установил близкие отношения с Турцией, а вскоре и с Азербайджаном, окружив Иран поясом дружественных Израилю государств. Турция была первым мусульманским государством, которое признало Израиль и установило с ним дипломатические отношения. Характерно, что арабская реакция на нормализацию турецко-израильских отношений не носила столь ярко выраженного негативного характера, как это было в случае с Ираном.

Арабские монархии Персидского залива стали пересматривать характер своих отношений с Израилем. В этих условиях Иран рассматривался арабами как препятствие на пути нормализации отношений с Израилем и основной источник нестабильности в регионе. В начале 2000 г. в ряде арабских столиц и Тель-Авиве заговорили о возможности установления арабо-суннитского и израильского альянса против шиитского Ирана. Через два десяти-

тилетия эти планы стали реализовываться в виде «Авраамских соглашений».

На самом деле Иран обладал достаточно ограниченным маневром действий в отношении арабских стран и Израиля. Нормализация отношений с арабскими странами вызывала настороженность в Тель-Авиве и Вашингтоне, и наоборот. Попытки Ирана улучшить отношения с Израилем враждебно воспринимались арабскими странами. Иными словами, враждебность к Израилю не гарантировала Тегерану дружбу с арабским миром.

Когда во времена правления шаха в Иране Тегеран имел неплохие контакты с Израилем, арабские страны выставляли Иран врагом и оправдывали этим свои нападки на него. После исламской революции, несмотря на смену парадигмы ирано-израильских отношений и принятый ИРИ антиизраильский курс, Иран не стал другом арабских стран. Последовательный курс Ирана на уничтожение израильского государства и защиту прав палестинцев рассматривался такими арабскими странами, как Египет и Иордания, а также ССАГПЗ как препятствие на пути нормализации арабо-израильских отношений.

Это показывало определенную геополитическую «изолированность» Ирана и его «зажатость» между арабскими амбициями и израильскими стремлениями. Более того, и Израиль, и арабские страны использовали Иран в качестве контрбаланса в отношениях друг с другом для реализации собственных задач. Подобная ситуация в отношении Ирана вряд ли изменится в случае полной нормализации арабо-израильских отношений и урегулирования палестинской проблемы. Ирану, возможно, следовало бы принять нейтральный курс в отношении этой проблемы и снизить свои геополитические амбиции на Ближнем Востоке, чтобы таким образом избежать манипуляций со стороны третьих стран, прежде всего арабов.

2. Межарабское сотрудничество и политика Ирана на Ближнем Востоке

После обретения независимости арабские государства стремились создать единое арабское государство и единую арабскую нацию. В этих целях арабские правительства учредили ряд общеарабских экономических и политических институтов. Целью этих организаций было побудить арабские страны к межарабскому сотрудничеству в экономике, финансах, политике и безопасности и таким образом способствовать постепенному стиранию различий между ними. Одной из таких организаций стала Лига арабских государств (ЛАГ), созданная в марте 1945 г. Ее основателями были Египет, Ирак, Трансиордания (с 1949 г. Иордания), Саудовская Аравия, Сирия, Ливан. Йемен присоединился к ЛАГ в мае 1945 г. Был создан также Арабский общий рынок и другие организации. Предпринимавшиеся в 1950–1960 гг. попытки создания общей Арабской оборонительной системы провалились. В 2015 г. ЛАГ образовала общие арабские вооруженные силы. Несмотря на эти организации, арабские страны действовали независимо в выборе своей внешней политики и партнеров. На деле создать единое арабское государство не получилось¹⁷⁸.

Сама доктрина о создании единой арабской нации от Северной Африки до Персидского залива появилась только в XX в. До этого существовала концепция «арабизма». До начала XX в. статус «полноценных» арабов имели только жители Аравии, части Месопотамии и Сирии. Жители Египта, Северной Африки, Сомали, Мавритании и Джибути не считались арабами в полном смысле этого слова. К 1960 г. они стали частью арабского мира.

¹⁷⁸ Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96.

А в 1970-х годах эти страны и Союз Коморских островов стали членами ЛАГ. Таким образом, арабские страны рассчитывали расширить границы арабского мира и упрочить свое политическое влияние в ООН. С учетом неоднородности процессов арабизации и исламизации новых территорий в Африке и на Ближнем Востоке в ходе арабских завоеваний в ряде североафриканских государств, Египте, Ливане сохраняются группы населения, которые не склонны считать себя арабами и придерживаются древних взглядов и традиций. Некоторые берберские племена до сих пор требуют автономии. Однако большинство арабских стран и их население идентифицируют себя на арабской платформе¹⁷⁹.

География арабских стран частично определяла их взгляд на внешний мир, проблемы национальной безопасности и внешнеполитические интересы. Факторы национальной идентичности, идеологические доктрины также влияли на выбор друзей и врагов. Арабские страны не могли не подвергаться воздействию своей географии. Географическое положение частично определяло приоритеты их национальной безопасности.

Различия в этническом и конфессиональном составе общества, их география определяли отношение различных арабских стран к Ирану. Естественно, монархии Персидского залива испытывали больше обеспокоенности в отношении Ирана, нежели Алжир, Египет, Тунис. Однако идеологические, политические соображения, межарабская солидарность часто перевешивали роль географии. Примером может являться Египет и при Г.А. Насере, и при дальнейших президентах, вплоть до М. Морси.

Другим фактором, влиявшим на ирано-арабские отношения, было межарабское соперничество. Сопер-

¹⁷⁹ Bruce M. The Berber Identity Movement and the Challenge to North-African States. Austin: University of Texas Press, 2011.

ничество между Египтом, Ираком, Сирией за лидерство в арабском мире объяснялось тем, что исторически эти страны были крупными культурными и политическими центрами арабского мира. Дамаск — столица халифата Омейядов, Ирак — Аббасидов, Египет — Фатимидов. В Египте претензии на лидерство подкреплялись наследием Фараонов. Особенно ясно это проявилось при А. Садате. В Ираке С. Хусейн говорил о Вавилоне и Аббасидах. С 1960-х годов Саудовская Аравия стала заявлять о схожих претензиях, апеллируя статусом государства двух важнейших мусульманских святынь (Мекка, Медина).

Подобные настроения отражались на двусторонних отношениях с Ираном. Любые попытки Ирана каким-либо образом обеспечить свои интересы в ближней территориальной периферии расценивались той или иной конкурирующей арабской страной как угроза ее претензиям на лидерство. Эти настроения особенно усилились после американского вторжения в Ирак в 2003 г.

Различия в идеологиях были еще одним источником расхождений между арабами и Ираном. Вплоть до начала 1970-х годов в арабских странах шло острое идеологическое соперничество между светскими, национальными и революционными странами и консервативными, религиозными государствами. Это соперничество, продолжавшееся в 1950—1960 гг. получило название арабской «холодной войны». Сегодня соперничество идет в рамках исламской идеологии. Примером может служить отношение к организации «Братья-мусульмане» в Египте, КСА, ОАЭ, с одной стороны, и Катару — с другой¹⁸⁰.

Различия в отношениях арабских стран с ведущими мировыми державами было еще одним фактором их

¹⁸⁰ Kerr M. The Arab Cold War. Gamal 'Abd al-Nasir and His Rivals. Oxford: Oxford University Press, 1971.

расхождений. В период «холодной войны» отношения арабских стран с СССР и Западом во многом определяли их позиции в отношении друг с другом. Арабские страны, поддерживавшие хорошие отношения с СССР, имели нормальные двусторонние связи, и наоборот. Однако само по себе это не гарантировало дружеского характера двусторонних отношений. Примером могут служить отношения между Сирией и Ираком и Ираком и Египтом. После окончания «холодной войны» арабские страны пытались приспособиться к политике США на Ближнем Востоке. Это во многом определяло характер их взаимоотношений.

Когда в 2014 г. отношения России и США заметно осложнились и стали напоминать времена «холодной войны», это повлияло на межарабские отношения. Однако, как свидетельствовали события лета 2021 г., Россия и США не стремились вернуть времена «холодной войны». Достаточно часто говорили о возможности российско-американской сделки по Ближнему Востоку. В этом случае положение правящего режима в зависящих от России странах, таких как Сирия, могло подвергнуться серьезным испытаниям¹⁸¹.

Другим фактором расхождений между арабскими странами было их отношение к Израилю и палестинской проблеме. С конца 1960 г. линия раскола проходила между арабскими странами, которые стояли на непримиримых позициях в отношении Израиля, и государствами типа Египта, Иордании и Марокко, которые занимали более гибкую позицию в отношении нормализации отношений с Тель-Авивом. После подписания Кэмп-Дэвидских соглашений 1979 г. между Египтом и Израилем этот раскол еще больше углубился. Ряд араб-

¹⁸¹ Stavridis J. Are we entering a New Cold War. FP, February, 17, 2016. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/02/17/are-we-entering-a-new-cold-war-russia-europe/>.

ских монархий стали все больше склоняться к возможности изменения позиции в отношении Израиля. Такие государства, как Сирия, Алжир, Ливан и Ирак, занимали выжидательную позицию, тем более что у Сирии и Ливана оставались нерешенные территориальные вопросы с Израилем.

Характер межарабских отношений оказывал влияние на проблему безопасности Ирана и его связи с арабскими странами. Данный факт особенно ясно проявился на примере отношений Ирана со странами Персидского залива. Именно в Заливе отношения двух стран часто подвергались испытаниям с точки зрения совместной безопасности. В 1960-х годах Египет вмешался в события в Йемене, где столкнулся с Саудовской Аравией. Это обстоятельство серьезно осложнило проблему безопасности Ирана в Заливе. Иран был вынужден вмешиваться в межарабские споры, поскольку часто оказывался объектом споров конфликтующих сторон. Иран никогда не мог эффективно использовать межарабские разногласия, поскольку ни одно арабское государство не хотело идти до конца в союзе с Ираном. Подобная участь может ждать Иран и в Сирии в случае смены режима даже путем мирного политического транзита власти.

В течение последних десятилетий ряд арабских стран использовали Иран в качестве контрбаланса в своих отношениях с другими арабскими странами, чтобы обеспечить интересы своей безопасности или не дать возможности своим арабским соперникам добиться политических преимуществ. Так, в 1950–1960 гг. консервативные арабские режимы использовали Иран против «революционных» Египта и Ирака. Использование Ирана в качестве контрбаланса против революционных арабских движений проявилось в Йемене. После переворота 1962 г. в этой араб-

ской стране началась гражданская война. Она продолжалась вплоть до 1968–1970 гг.¹⁸²

В период йеменской гражданской войны в нее оказались вовлечены на стороне оппозиции ряд арабских стран — Египет, Саудовская Аравия, Иордания. Перевоорот в Йемене сверг правление зейдитских имамов и установил республику. Египет поддержал революционеров, а КСА выступило на стороне имамата. Иран по ряду причин решил также поддержать войска зейдитов. Иран опасался присутствия египетских войск в Йемене и превращения Саны в союзника «насеровского» Египта, который выступал антиподом шахскому Ирану. К тому же близкие отношения Египта с Москвой могли привести к укреплению позиции России на юге Аравийского полуострова, что пугало западных союзников Тегерана. Возможно, Иран стремился показать перед Западом свою стабилизирующую роль в Аравии и поддержать интересы Запада. Несмотря на поддержку Ираном имамата, КСА весьма настороженно воспринимало эти шаги Тегерана. Саудовская Аравия явно опасалась укрепления иранских позиций на своих южных рубежах. КСА также не хотело военного присутствия Египта и Ирана вблизи своих границ, опасаясь, что это может дестабилизировать внутреннюю ситуацию в КСА¹⁸³.

После смерти Насера в 1970 г. и прихода к власти в Египте А. Садата Каир занял более прозападную позицию. Египет стремился использовать Иран, чтобы сбалансировать силы Сирии и Арабского фронта стойкости и противодействия. Во время арабо-израильской войны 1973 г. шах Ирана разрешил СССР использо-

¹⁸² Guldесcu S. The Background to the Yemeni revolution of 1962. *Dalhousie Review* 45, № 1, 1965. URL: <https://dashspace.library.dal.ca/bitstream/handle/10222/59002/dal>. (дата обращения: 07.10.2019).

¹⁸³ Katz N. M. *Yemeni Unity and Saudi Security // Middle East Policy*. 1992. Vol. 1, № 1.

вать иранские аэродромы для переброски вооружений в Египет.

В 1980-х годах Дамаск использовал Иран, чтобы упрочить свои позиции перед лицом своих региональных соперников Египта и Ирака. Поэтому Дамаск поддерживал Иран в ирано-иракской войне, хотя практически все арабские страны выступили на стороне Ирака. Дамаск опасался, что в случае поражения Ирана Ирак станет лидером арабского мира и может попытаться свергнуть алавитский режим в САР. С другой стороны, война ослабляла и Иран, что в конечном итоге было выгодно Дамаску¹⁸⁴.

На деле Дамаск не хотел победы Ирана, что могло бы превратить его в региональную державу. Иран после исламской революции мог представлять еще большую опасность для САР, нежели Иран при шахе. После исламской революции Иран превратился в более значимый фактор для арабской улицы, чем прежде.

На протяжении 1960–1970 гг. после ухода Великобритании из Персидского залива и до укрепления там военной мощи США Иран, Ирак и КСА боролись за доминирование в этом регионе. На деле эти государства стремились достичь определенного консенсуса и распределить власть между собой, чтобы обеспечить себе большую свободу маневра. В этих условиях малые государства Персидского залива рассматривали Иран (до исламской революции) как контрбаланс амбициям указанных стран.

В течение длительного времени Египет, Ирак, Сирия и Ливия представляли угрозу для аравийских монархий с их патриархальным укладом власти. С этой точки зрения арабские монархии рассматривали Иран как контрбаланс революционным веяниям из стран Арабского Востока. Однако они никогда не поддерживали Иран до конца,

¹⁸⁴ Seale P. The Struggle for the Middle East. Berkley: University of California Press, 1988. P. 353.

опасаясь утраты общеарабской поддержки. Тем более что после исламской революции Иран превратился в основную угрозу безопасности монархий Персидского залива и его роль как «свингера» в межарабских отношениях стала постепенно падать. Пожалуй, только Оман, который еще в 1970-х годах установил нормальные отношения с Ираном, продолжал поддерживать Тегеран как противовес амбициям КСА в Аравии. Катар также не хотел ухудшения отношений с Ираном, особенно после событий «Арабской весны» и ухудшения отношений с КСА в 2017 г.

Исламская революция в Иране, окончание «холодной войны», агрессия США в Ираке в 2003 г. серьезно обострили ситуацию в странах Арабского Востока и Персидского залива. В этих условиях возможности Ирана влиять на баланс сил в регионе заметно снизились. После конфликта с США и странами Западной Европы Иран оказался в частичной международной изоляции. Это повлекло общее снижение уровня отношений Ирана с арабскими странами. На рубеже 1970—1980 гг. прежние конфликты между правыми и левыми силами, консерваторами и радикалами в арабских странах утратили прежнюю остроту. Ситуация в идеологическом спектре стабилизировалась. Любые радикальные идеи перестали пользоваться поддержкой масс населения. Поэтому радикальный ислам Ирана рассматривался арабами как угроза их безопасности. Незначительные в этот период времени силы арабских исламистов исповедовали ислам суннитского толка и настроенно относились к шиитскому Ирану. После арабо-израильской войны 1973 г. арабские лидеры поняли бесперспективность военной победы над Израилем, и палестинский вопрос стал постепенно утрачивать свою остроту и значимость для них. Арабы уже не так, как прежде, нуждались в Иране для баланса сил в регионе. Особенно эти настроения усилились после соглашений в Осло 1993 г.

Американское вторжение в Ирак вызвало серьезные изменения в региональном балансе сил. Рост терроризма в Ираке и непрекращающаяся гражданская война серьезно ослабили региональные позиции Ирака в пользу Ирана и КСА. После событий марта 2011 г. подобная ситуация сложилась в Сирии. Ирак и САР превратились в арену противоборства региональных держав и ведущих стран мира. Сегодня их судьба во многом зависит от исхода региональной борьбы за власть, в которой также участвуют ведущие державы мира. В Африке Ливия и Судан в результате известных событий перестали быть фактором исключительно межарабского соперничества. Египет заметно ослаб политически и экономически в результате «Арабской весны» и последовавших за ней событий. Возвращение к власти военных в Египте и рост его зависимости от КСА и ОАЭ заметно ограничило самостоятельность политики Египта в арабском мире. С другой стороны, Саудовская Аравия превратилась в ключевого игрока на Ближнем Востоке и стала предпринимать попытки определить параметры будущего регионального порядка. Особенно заметными саудовские шаги в этом направлении стали после того, как Мухаммед бен Сальман стал наследным принцем. Одновременно КСА приняло вооруженное участие в йеменских событиях. ОАЭ активно поддержала КСА. Это вызвало конфликт среди членов ССАГПЗ. Катар выступил против политики КСА и ОАЭ. В то же время ОАЭ пыталась занять лидирующие позиции в Аравии, что вызвало напряженность в отношениях с КСА, хотя внешне между двумя странами сохранялись дружеские отношения. Убийство в октябре 2018 г. саудовского журналиста Дж. Хашогджи, основного критика бен Сальмана, поставило КСА в непростое положение. Осложнились отношения КСА с США и рядом его региональных союзников. С учетом того, что в последние 15 лет КСА играло основ-

ную роль в сплочении арабского фронта противодействия Ирану в регионе, эти события не могли не повлиять на арабо-иранские отношения¹⁸⁵.

Размывание традиционной системы государственного управления и власти в арабских странах, изменения регионального баланса сил оказали негативное влияние на связи арабских стран с Ираном. Усиление региональных позиций Саудовской Аравии, которая открыто заявляла о невозможности поддержания арабами нормальных отношений с ИРИ, затруднило попытки Ирана как-то нормализовать свои отношения с отдельными арабскими странами. В этом контексте осложнились отношения большинства стран ССАГПЗ с Тегераном, а Марокко было вынуждено разорвать отношения с Ираном. Однако, как показали события вокруг Катара, возможности КСА были ограничены, и политика Королевства пока еще тесно зависит от США. В случае изменения характера отношений КСА и США это может ослабить региональные позиции Королевства.

Таким образом, в последние десятилетия изменения динамики идеологических парадигм в арабских странах Ближнего Востока и межарабского баланса сил оказывали большое влияние на характер арабо-иранских отношений. Существовавшие в прошлом различия в идеологиях арабских стран приводили к дисбалансу межарабских сил. Это давало возможность Ирану, с одной стороны, иметь более или менее сносные отношения с отдельными арабскими странами, а с другой — играть роль определенного «свингера» в межарабских отношениях, когда различные арабские страны использовали иранский фактор для ограничения властных устремлений своих региональ-

¹⁸⁵ Snyder S. Saudi and UAE Boots on the Ground Intensify the Yemen War // The World, PRI. 12.08.2015. URL: <https://www.pri.org/stories/2015-08-12/saudi-and-uae-boots-ground-intensify-yemen-war> (дата обращения: 15.03.2020).

ных соседей. В то же время большинство арабских стран отказывались открыто сотрудничать с Ираном по соображениям межарабской солидарности и чувства арабского национализма.

Исламская революция в Иране ограничила возможности Ирана играть эффективную роль в межарабских отношениях. Отношения Ирана с «Хизбаллой», ХАМАС, «Исламским джихадом» и другими организациями, с одной стороны, помогали ему решать конкретные задачи в отдельных странах, однако в целом сужали его возможности как регионального игрока в широком арабском политическом контексте. Распад СССР в 1991 г. и агрессия США в Ираке в 2003 г. коренным образом изменили баланс сил на Ближнем Востоке. Иран уже не мог играть прежнюю роль регулятора межарабских отношений¹⁸⁶. Однако в силу сохраняющихся различий в арабском мире Иран продолжает оставаться активным участником межарабской политики. Эта роль Ирана может усилиться, если Тегеран сможет достигнуть взаимопонимания с США и окончательно выйдет из-под режима международных санкций. Тегерану следовало бы наконец признать, что попытки выстраивания отношений с конкретной арабской страной являются бесперспективными без учета общей политической ситуации вокруг Ирана на Ближнем Востоке и в мире в целом.

3. Специфика влияния мировых держав на характер арабской политики Ирана

Контакты Ирана с европейскими державами относятся к началу XIX в. Наряду со стремлением добиться экономических и торговых выгод в Иране европейские страны

¹⁸⁶ Алиева С. М. История Ирана. XX век. М., 2004.

хотели использовать Иран как контрбаланс в отношениях с Османской Портой. С начала XIX в. повышенный интерес к Ирану стала проявлять Великобритания. Англичан беспокоила активность России в Центральной Азии и Закавказье. Приоритетом политики Великобритании на Ближнем Востоке стала защита своих владений в Индии.

Россия и Англия сохраняли устойчивый интерес к Ирану. Россия стремилась выйти через Иран к Персидскому заливу и в Индию, а Великобритания хотела помешать ей в этом. Обе державы стремились установить свой контроль над Ираном. В 1907 г. они заключили англо-русский договор о разделе сфер влияния в Иране¹⁸⁷. После того как Англия установила контроль над Персидским заливом, Иран столкнулся с английским влиянием на своих южных границах.

В 1892 г. Англия подписала договор с Бахрейном, игнорируя ранее признанный правящей семьей аль-Халифа иранский сюзеренитет над островом. После Первой мировой войны Англия стала проводить систематическую политику по очищению острова от иранцев. В 1971 г. Иран под давлением Англии и США был вынужден отказаться от своих прав на Бахрейн в пользу арабов¹⁸⁸.

Спорные острова в Персидском заливе — это еще одно наследие колониального правления англичан. До обретения независимости Бахрейном и образования ОАЭ Англия вела переговоры с Ираном о принадлежности спорных островов. В итоге их статус так и остался неопределенным.

Вопрос о тальвеге в Шатт эль-Араб еще один из конфликтных аспектов отношений между арабами и Ираном.

¹⁸⁷ См.: Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX — начале XX в. М., 1981.

¹⁸⁸ См.: Wilson T. A. The Persian Gulf: From the Earliest Times to the Beginning of the Twentieth Century. 1928. Reprinted New York: Hyperion Press, 1981.

Отчасти он был создан англичанами, исходя из своих политических предпочтений и интересов в регионе.

Вторая мировая война вывела на авансцену Ближнего Востока США, которые стали господствующей силой в Персидском заливе, сделав ставку на КСА, исходя из географии и природных богатств этой страны. Характерно, что у США никогда не было подобных отношений с Ираном. Их политика в отношении Ирана носила инструментальный характер. Она в основном определялась американскими озабоченностями в отношении активности СССР на Ближнем и Среднем Востоке.

После Второй мировой войны Ближний Восток стал ареной соперничества СССР и США. В результате региональные вопросы приобрели глобальный характер. Нередко это приводило к росту напряженности на Ближнем Востоке. Отчасти это было связано с политикой ряда мировых держав. Они не стремились к окончательному разрешению региональных конфликтов, опасались появления на региональной арене стран, способных поколебать их влияние в регионе¹⁸⁹.

Соперничество мировых держав на Ближнем Востоке осложнило выбор приоритетов внешней политики региональных стран. Предпочтение Ираном западной ориентации определялось его географией и настроениями правящей элиты. С другой стороны, ряд арабских стран стали ориентироваться на СССР. Россия никогда не воевала против арабов и не колонизировала их. Россия поддержала арабский национализм в рамках движения неприсоединения и антиколониальную борьбу арабских народов. Сложившаяся ситуация отрицательно повлияла на характер арабо-иранских отношений.

¹⁸⁹ Halliday F. *The Middle East, the Great Powers and the Cold War. The Cold War and the Middle East* / ed. Yazid Sayigh and Avi Shaim. Oxford: Clarendon Press, 1977.

Влияние «холодной войны» на региональные конфликты имело двойственный характер. Биполярная система международных отношений сужала политический выбор региональных государств. С другой стороны, она ограничивала возможности мировых держав действовать в одностороннем порядке в регионе. Таким образом, в период «холодной войны» на Ближнем Востоке региональные государства были определенным образом застрахованы от односторонних действий мировых держав и их прямой вооруженной интервенции. Для арабо-иранских связей этот период, скорее, имел негативный характер, ограничивая возможности развития их отношений.

Исламская революция в Иране кардинально изменила состав правящих иранских элит, их мировоззрение и концепции национальной безопасности. Внешняя политика ИРИ базировалась на принципах нейтралитета и выражалась в лозунге «ни Восток, ни Запад, только ислам». На деле исламский режим испытывал значительно меньше враждебности в отношении СССР, чем Запада. После революции Иран попытался нормализовать отношения с арабскими режимами, которые находились в орбите влияния СССР, установил контакты с рядом стран Восточной Европы. В итоге политика Ирана в отношении арабских стран в этот период вызвала подозрительность Запада и не привела к крепкой дружбе с Россией¹⁹⁰.

Вывод британских войск из Персидского залива и нежелание США быстро заполнить образовавшийся вакуум в системе региональной безопасности стали подлинным вызовом арабской политике Ирана.

В сложившейся ситуации Иран оказался единственным государством в этом регионе, способным обеспечи-

¹⁹⁰ Hunter S. T. *Iran And The World: Continuity in a Revolutionary Decade*. Bloomington: Indiana University Press, 1990.

вать его безопасность при внешней поддержке. Саудовская Аравия и другие монархии Персидского залива резко отреагировали на новый статус Тегерана. Они объявили его «жандармом Персидского залива». В самом Иране его новая роль в Заливе вызвала критику противников шахского режима. Они обвиняли иранские власти в пособничестве Западу и отвлечении средств от внутренних потребностей. Иран критически отнесся к созданию американской военной базы на Бахрейне. В США росла обеспокоенность независимой политикой Ирана. В Вашингтоне считали, что политика Ирана на Ближнем Востоке вышла за отведенные ей рамки¹⁹¹.

В американской администрации полагали, что в интересах сохранения своих позиций в регионе США должны дистанцироваться от Ирана. После обмена визитами между шахом Ирана и президентом США Дж. Картером в ноябре–декабре 1977 г. многие стали считать, что США «сдали» шаха¹⁹². Своим отказом от поддержки шаха США фактически сыграли роль катализатора исламской революции в Иране. Возможно, США не ожидали прихода к власти в Иране исламистов вместо светского и либерального правителя типа М. Мосаддека¹⁹³. Сразу же после революции казалось, что расчеты американцев оказались верны. Первое после шаха правительство в Тегеране было сформировано представителями промосаддековского типа, связанными с иранским Движением за свободу (Iran Freedom Movement) во главе с М. Базарганом. Однако уже вскоре все сильно изменилось. Менее чем через год правительство М. Базаргана ушло в отставку. Кризис с захва-

¹⁹¹ Al-Saud Faisal bin Salman. *Iran, Saudi Arabia and the Gulf: Power Politics in Transition 1968–1971*. London: I. B. Tauris, 2003.

¹⁹² April R. S. *For a White Revolution: John F. Kennedy and the Shah of Iran* // *Middle East Journal*. 2010. Vol. 58, № 4.

¹⁹³ Hiro D. *Iran under the Ayatollahs*. London: Routledge & Keegan Paul, 1985.

том американских заложников, который удалось разрешить только к январю 1981 г., надолго осложнил отношения двух стран и сыграл на руку арабским режимам, которые ориентировались на США.

Исламская революция изменила региональный баланс сил и стала вызовом для арабских режимов. Отношения Ирана с арабским миром надолго испортились и приобрели конфликтный характер. Примером может служить ирако-иранская война 1980–1988 гг., которая на деле стала арабо-иранской войной¹⁹⁴.

Последствия исламской революции и ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. всколыхнули в США прежние опасения в отношении возможности укрепления позиций СССР на Среднем Востоке и его выхода к Персидскому заливу. В этой ситуации появилась знаменитая «доктрина Картера», направленная против «экспансионистских» планов СССР в Иране и Персидском заливе. В 1986 г. США попытались осуществить «перезагрузку» своих отношений с Ираном. Однако иранские клерикалы резко выступили против любых попыток примирения с Вашингтоном. С 1987 г. США взяли курс на конфронтацию с Тегераном и сдерживание Ирана. Политика США в отношении Ирана в этот период показывает, как державы влияли на характер отношений Ирана и арабских стран¹⁹⁵.

После распада СССР США остались единственной глобальной сверхдержавой и стремились установить свой миропорядок в регионе Ближнего Востока. Одним из элементов нового миропорядка было решение задачи по нейтрализации и сдерживанию стран типа

¹⁹⁴ Наумкин В. В., Кузнецов В. А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 4. С. 30–56.

¹⁹⁵ Hooglund E. Factions behind US Policy in the Gulf // Middle East Report. 1988. Vol. 18, № 2.

Ирана¹⁹⁶. Американская политика в отношении Ирана мотивировала арабские режимы занять более жесткую позицию в отношении Тегерана. После событий 11 сентября 2001 г. в США и начала американской операции в Афганистане, политика США на Ближнем Востоке приобрела откровенно милитаристский характер¹⁹⁷.

Изменение баланса сил в результате падения режима С. Хусейна и прихода к власти в Ираке правительства шиитского большинства вызвали серьезные опасения и недовольство в арабских странах, прежде всего в Персидском заливе. КСА никак не могло смириться с новым балансом сил и усилением роли Ирана, ростом активности шиитских общин в арабском мире. Эр-Рияд стал активно помогать суннитскому сопротивлению в Ираке, в том числе ИГИЛ. В начале США и ряд арабских стран рассматривали эту организацию как полезный инструмент в борьбе с Ираном. Но после атак ИГИЛ на американские объекты эта точка зрения изменилась. Однако даже после фактического уничтожения ИГИЛ как организации некоторые политики в США считали, что опасно позволить Ирану заполнить политический вакуум, образовавшийся после маргинализации прежней роли ИГИЛ в Сирии и Ираке. В конечном счете Иран и ряд арабских государств оказались вовлеченными в гибридные войны в Ираке, Сирии, Йемене. Это серьезно осложнило арабо-иранские отношения¹⁹⁸.

Характер политики США и Европы в отношении Ирана обусловил гражданскую войну в Сирии, ее длитель-

¹⁹⁶ См.: Федорова И.Е. Отношения США и ИРИ во второй половине 90-х гг. // Иран: эволюция исламского правления. М., 1998.

¹⁹⁷ Юртаев В.И., Краснов К.Г. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16, № 4. С. 616–627.

¹⁹⁸ Moore J. Kissinger Warns Trump: ISIS Is Keeping Iran in Check // Newsweek. 08.08.2015.

ный характер и ярко выраженную конфессиональную окраску. США стремились добиться изменения характера режима в САР, полагая, что в этом случае им будет проще изолировать Иран на Ближнем Востоке, снизить уровень его военно-политического влияния в регионе. В этой связи они блокировали все предложения Москвы о мире в САР, которые предусматривали сохранение аль-Асада у власти¹⁹⁹.

В июле 2015 г., после серии американо-иранских переговоров, был подписан (ЖСРОА) при участии России, Китая, Франции, Англии, Германии, ЕС и ИРИ. Договор против ожидаемого не принес особого прогресса в американо-иранских отношениях. Однако арабские режимы снизили свою антииранскую риторику. Вместо этого они пытались убедить США непосредственно атаковать Иран.

В 2015 г. КСА начала военную операцию в Йемене «Decisive Storm». Операция обострила религиозный фактор в арабо-иранских отношениях. Несмотря на это, Запад в целом поддержал КСА. Убийство саудовского журналиста Джамала Кашогджи в октябре 2018 г. заставило Запад пересмотреть свое отношение к правящей саудовской верхушке.

Президент США обрушился с критикой на КСА за поддержку терроризма и обвинил Эр-Рияд в том, что саудовские подданные стояли за событиями в США в сентябре 2001 г. Однако уже в мае 2017 г. Д. Трамп посетил КСА. Вскоре американский президент переключил свое внимание на палестино-израильский конфликт и добился заключения «сделки века» между палестинцами и израильтянами. В отношении Ирана Д. Трамп изменил свои взгляды

¹⁹⁹ Mishali R.M. The Syrian War and the Foreign Fighters from the Muslim World // Oxford Research. 07.04.2017. URL: <https://sustainablesecurity.org/2017/04/07/the-syrian-war-and-the-foreign-fighters-from-the-muslim-world>.

под влиянием своих арабских союзников. В 2018 г. Д. Трамп в одностороннем порядке объявил о прекращении ядерной сделки с Ираном и выходе США из договора. Политика США на Ближнем Востоке привела к новому витку обострения арабо–иранского противостояния²⁰⁰.

Таким образом, на политику Ирана в арабских странах оказывала влияние целая группа факторов. Биполярный характер международной политической системы, геополитическая значимость региона Ближнего Востока для США и их глубокая вовлеченность в региональные, социальные и политические процессы, слабость региональных стран и их зависимость от политики держав. Все это влияло на динамику отношений арабов с Ираном. Теоретически системные факторы и политика мировых держав могли позитивно воздействовать на характер отношений Ирана с арабским миром. Однако на практике это приводило к обострению арабо–иранского противостояния в регионе.

²⁰⁰ Наумкин В.В. Конфликты на Ближнем Востоке вышли на первый план в мире. 16.02.2018. URL: <https://ria.ru/interview/20180216/1514794208.html> (дата обращения: 05.01.2019).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Избрание 18 июня 2021 г. нового президента Ирана Ибрагима Раиси приковало к Ирану внимание в мире. По некоторым данным, И. Раиси имеет близкие связи с духовным лидером ИРИ и поддерживает надежные контакты с некоторыми представителями КСИР. От него ждут решения многих важных для Ирана вопросов, в том числе касающихся отношений с соседями по региону. В этой связи стоит отметить, что арабо-иранские отношения и политика Ирана в арабских странах Ближнего Востока оказывают решающее влияние на весь ход событий в регионе.

Долгая история отношений Ирана и арабских стран оставила наследие в виде различий этнического и религиозного характера, культурного соперничества, которые до сих пор оказывают влияние на политику Ирана в арабских странах Ближнего Востока и характер арабо-иранских отношений. Несмотря на завоевание Ирана арабами в 642 г. и его исламизацию, а позднее распространение в стране шиизма, Иран сумел сохранить свою культурную и национальную идентичность. Данное обстоятельство сказывается до сих пор на развитии отношений Ирана с арабскими странами. Многие иранцы и сегодня считают катастрофой для развития Ирана его завоевание арабами и исламизацию страны, которые привели к разрушению Персидской империи, подрыву иранской культуры. Со своей стороны, ряд представителей арабских элит сдержанно относятся к чувству гордости иранцев своей великой культурой и славным прошлым, считая

это проявлениями иранской «исключительности» и антиарабских настроений. Некоторые арабские политики и клерикалы считают шиизм, который исповедуют большинство иранцев, еретическим учением, которое подорвало мусульманское единство.

На самом деле Иран внес большой вклад в сокровищницу исламской цивилизации. Однако, по мнению ряда арабских политиков, данный факт превратил Иран и арабов в соперников. Они рассматривают это как проявление антиарабских настроений. Арабы считают ислам и исламскую цивилизацию своим творением. Многие иранцы гордятся вкладом их страны в развитие исламской цивилизации.

Возможно, по этой и ряду других причин довольно значительное число граждан арабских стран не выказывают дружеских чувств к Ирану и иранцам и рассматривают их как чуждые для арабского и исламского мира элементы. Наоборот, многие представители иранского духовенства и обычные глубоко верующие мусульмане, как было показано выше, не испытывают в отношении арабов таких негативных чувств, исходя из того, что многие шиитские имамы были арабами, которые принесли ислам в Иран. В то же время националистически настроенные иранцы с недоверием относятся к арабам.

На самом деле этнические, религиозные и культурные различия и споры не определяли природу политики Ирана в арабских странах на государственном уровне. Однако в критических ситуациях они могли служить катализатором политических конфликтов между арабами и Ираном. Исторический контекст арабо-иранских связей оказался глубоко вписан в систему политических отношений Ирана и арабских стран. Так, многие арабские политики рассматривали отношения Ирана с Израилем не в контексте геополитики и региональной безопасно-

сти, а прежде всего как намеренную демонстрацию анти-арабских настроений. Они усматривали в этом попытку объединения двух противников арабского мира. При этом арабские политики не задавались вопросом, как движения арабского национализма и радикализма могли подтолкнуть Иран к развитию отношений с Израилем в интересах собственной безопасности.

Характерно, что Турция в отличие от Ирана никогда не была объектом жестких нападков со стороны арабских стран. В конфликтных ситуациях с Ираном арабские средства массовой информации нередко допускали оскорбительные выражения в отношении иранцев, их древней религии «зороастризма». В то же время, как считают иранские наблюдатели, представители иранского духовенства, критиковавшие ваххабизм, никогда не позволяли себе унижать арабов, играя на их этнических и религиозных различиях.

После исламской революции многие арабские политики предпочитали объяснять активность Ирана на Ближнем Востоке особенностями шиизма, а не задачами, которые решала иранская революция. Отталкиваясь от религиозных и этнических предпочтений, некоторые арабские политики рассматривали Иран в качестве аутсайдера в исламском мире и на Ближнем Востоке. Они считали, что Иран не вправе вмешиваться в межарабские дела, в том числе в Персидском заливе, несмотря на то что происходящие в этом регионе события напрямую затрагивали интересы Ирана в сфере политики, безопасности и экономики.

Таким образом, хотя этнические и религиозные разногласия не определяли природу отношений Ирана с арабскими странами, их влияние на политику Ирана в арабских странах нельзя недооценивать. Нормализация арабо-иранских отношений во многом зависит от того,

насколько удачными окажутся попытки ограничить подрывной потенциал указанных разногласий.

Колониальное наследие Ирана и его арабских соседей наряду с историей соперничества Османской Порты и Персидской империи продолжает оставаться бременем, отягощающим сегодня арабо-иранские отношения. Наиболее негативным последствием колониального прошлого служат территориальные споры между Ираном и арабскими странами. Это касается иранской провинции Хузистан, проблемы Шатт эль-Араб, трех островов в Персидском заливе, статуса Бахрейна, который Иран под давлением англичан был вынужден уступить арабам. Данный факт до сих пор не дает покоя многим иранским политикам, которые мечтают вернуть Бахрейн Ирану.

Процессы модернизации в Иране и арабских странах, строительство национальных государств также осложняли развитие ирано-арабских отношений. Многие арабские государства, появившиеся после распада Османской империи и ставшие политически независимыми от бывших европейских колоний, испытывали нехватку длительного исторического опыта развития собственной государственности. Некоторые арабские страны (Египет, Сирия, Ирак) имели некоторый опыт государственного строительства в условиях халифата и колониального господства. Однако им приходилось заново создавать собственную государственность и обретать новую основу для национальной самоидентификации. Нередко в процессе государственного и национального строительства арабские страны использовали образ «чужого», врага. Этот образ помогал им укреплять их государственность, обретать основу национальной самоидентификации и искать стимулы для решения определенных политических задач. Иногда таким «чужим» становился Иран. Такой поведенческий стереотип был характерен для Ирака и ряда дру-

гих арабских стран. Они использовали враждебный образ Ирана и иранскую угрозу для получения финансовой поддержки из богатых монархий Персидского залива. Саудовская Аравия играла на антииранских настроениях, чтобы сплотить вокруг себя другие арабские страны, прежде всего соседей по Аравийскому полуострову.

Подъем национализма в Иране и арабских странах возбудил разногласия между двумя сторонами в религиозной и культурной сферах, которые переросли в политические конфликты между арабами и персами. Подъем движений арабского национализма, панарабизма усиливал в глазах арабских радикалов образ Ирана как «узурпатора» арабских земель и «разрушителя» арабского единства. Таким взглядам также способствовал подъем национализма в Иране и иранские усилия по защите своих интересов в регионе. Политика Ирана в этом направлении усиливала негативный имидж иранцев в глазах арабов. Споры вокруг названия Персидского залива служат иллюстрацией как разногласия, и соперничество в культурной и исторической сфере быстро перерастает в политические конфликты. В свое время лидер исламской революции в Иране аятолла Хомейни заявил, что Персидский залив принадлежит всем мусульманам и предложил именовать его Исламским заливом. На наш взгляд, эта идея, несмотря на ее определенную радикальность, заслуживает внимания, и ее реализация могла бы решить ряд спорных вопросов между Ираном и арабскими странами.

Процесс модернизации создал новую реальность в Иране и арабских странах. Новые идеи национализма, либерализма, социализма и последствия реформ, строительства нации-государства вызвали социальные волнения в Иране и арабских странах. Волна революций в первую очередь накрыла арабские страны в 1960—1970 гг.,

серьезно осложнив отношения Ирана с такими странами, как Египет, Сирия, Ирак, Ливия. Во главе арабских революций стояли националистические и радикальные силы. В Иране революция прошла под знаменем ислама. Однако идеи национализма и либерализма лежали в основе революционных процессов и оказали влияние на внешнюю политику Ирана и его отношения с арабскими странами. Временная разница революционных движений в Иране и арабских странах привела к тому, что с 1950-х годов Иран и ряд арабских стран находились в постоянном противоборстве.

Вопросы идеологии вышли на первый план противостояния Ирана и арабских стран. До исламской революции в Иране арабские страны были носителями революционной и радикальной идеологии и видели в монархическом и прозападном Иране угрозу своим интересам. После исламской революции в Иране 1979 г. Тегеран превратился в основной источник революционных идей, и многие арабские страны усматривали в них угрозу своей стабильности, поскольку идеологический фактор вышел на первое место в отношениях Ирана и арабских стран, а этнические и религиозные разногласия временно отошли на второй план. В случае совпадения идеологических взглядов по каким-либо вопросам региональной политики отношения Ирана и арабских стран временами носили нормальный характер. В тех случаях, когда Иран и арабы имели общих идеологических друзей или врагов, их отношения могли улучшаться или ухудшаться в зависимости от политической конъюнктуры в регионе.

Межарабские отношения, прежде всего борьба за лидерство в арабском мире, также определяли характер арабской политики Ирана. Нередко арабские страны использовали фактор Ирана для того, чтобы сбалансировать отношения друг с другом. Арабские страны мани-

пулировали фактором иранской угрозы, чтобы добиться влияния в арабской среде или получить материальные выгоды. Египет практиковал подобный подход в 1950-х годах, а Сирия — вплоть до начала событий 2011 г. Ирак применял подобные практики, чтобы добиться помощи богатых монархий Персидского залива, спекулируя на том, что он сражается в интересах всех арабов.

Распад СССР изменил характер межарабских отношений, и роль Ирана как баланса в межарабских отношениях сократилась. Со времени исламской революции в Иране арабским странам стало проще использовать в своих интересах фактор иранской угрозы и одновременно маргинализировать роль Ирана в региональной политике. Если бы Иран смог выстроить правильные отношения с ведущими мировыми державами, он играл бы более значимую роль в ближневосточной политике.

Создание Израиля оказало большое влияние на ход ближневосточной политики. Арабо-израильские войны дестабилизировали ситуацию в регионе и привели к еще большей интернационализации ближневосточной политики. В арабских странах произошло усиление радикальных настроений, возникли группы и организации экстремистского и радикального характера. Все это разделило арабский мир на сторонников Запада, консервативные режимы и сторонников СССР, революционные правительства. Эти процессы осложнили политику Ирана в арабских странах Ближнего Востока. Иран установил отношения с Израилем, что помогало обеим странам противостоять радикальным арабским режимам. Арабо-израильское противостояние и палестинская проблема служили постоянным фактором, осложнявшим ирано-арабские отношения. Отношения Ирана с Израилем показывали разные представления об угрозах и безопасности в Иране и арабских странах. Это стало одним из важных

факторов постоянных конфликтных ситуаций в арабо-иранских отношениях.

Израильский фактор оставался водоразделом между арабами и Ираном даже после исламской революции в Иране и разрыва Тегераном отношений с Израилем. Причиной стала разница во времени смены политического курса арабами и Ираном. Когда Иран занял жесткую антиизраильскую позицию, арабские страны стали задумываться о нормализации отношений с Израилем. Тель-Авив использовал эту ситуацию для того, чтобы ускорить процесс нормализации отношений с арабскими странами и образовать с ними союз против Ирана.

В 2020 г. были подписаны так называемые «Авраамские соглашения». Однако процесс арабо-израильского урегулирования еще не завершен и остается фактором ближневосточного конфликта и манипуляций в ирано-арабских отношениях со стороны региональных и мировых держав.

В силу своей относительной слабости политика Ирана в арабских странах была подвержена изменениям в рамках системы международных отношений и региональной политики крупных стран. Одним из таких системных факторов влияния на ирано-арабские отношения было соперничество СССР и США на Ближнем Востоке в рамках биполярной системы международных отношений. Иран и арабские страны превратились в арену соперничества двух держав, которые сильно ограничивали их собственный выбор в вопросах внешней политики. Внешнее вмешательство меняло курс их внутреннего развития и в ряде случаев приводило к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации.

Смена политического курса мировых держав также негативно сказывалась на процессе развития региональных государств. Так, изменение США политики в отноше-

нии Ирана в 1970-х годах опосредованно способствовало развитию революционных событий 1979 г. В свою очередь, исламская революция в Иране оказала критическое воздействие на характер политики Ирана на Ближнем Востоке. Политика мировых держав, направленная на поддержание определенного градуса напряженности в отношениях региональных государств, зачастую усиливала соперничество Ирана и арабских стран, прежде всего в Персидском заливе. По сравнению с арабскими странами Персидского залива географические, демографические и экономические характеристики Ирана вызывали у мировых держав больше подозрений в отношении истинных политических планов Тегерана, особенно в Персидском заливе. Внешние силы не смогли или не захотели способствовать созданию эффективной системы безопасности в регионе, которая бы вывела из-под их контроля страны региона и ограничила их политический маневр в этом стратегически важном районе мира.

Влияние внешнего фактора на ирано-арабские отношения заметно усилилось после распада СССР и реализации планов США поставить под свой полный контроль Ближневосточный регион. Политика США характеризовалась попытками двойного сдерживания Ирана и Ирака.

С 2000-х годов политика США на Ближнем Востоке подверглась заметной милитаризации. В 2003 г. США атаковали Ирак и оккупировали его. Исламская революция в Иране, падение баасистского правительства в Ираке изменили баланс сил в регионе. Эти изменения многие арабские страны толковали как победу Ирана и усиление его региональных позиций. В этой связи они стали оказывать поддержку суннитскому сопротивлению в Ираке, чтобы сдержать рост влияния иракских шиитов. В результате они способствовали разжиганию гражданской войны

в Ираке. В свою очередь, это привело к вооруженной вовлеченности в иракские события Ирана через своих союзников в этой стране и началу так называемых гибридных войн в регионе. Указанные события вновь выдвинули на первый план этнические и религиозные факторы в отношениях между Ираном и арабскими странами, которые на практике воплощались в виде обострения суннитско-шиитских противоречий. Политика США, направленная на изменение характера правящих режимов в Иране и ряде арабских стран, отчасти спровоцировала события «Арабской весны», которая привела к вооруженным кризисам в ряде стран региона, смене власти в других, вовлеченности региональных государств и мировых держав в эти конфликты вооруженным путем. Участие Ирана в конфликтах в Ираке, Сирии, Йемене, серьезно осложнило отношения Тегерана с арабскими странами и подтолкнуло их к переоценке объекта угроз, вынудив пойти на нормализацию отношений с Израилем. Несмотря на это, в июле 2015 г. США подписали с Ираном договор по иранской ядерной программе. Однако некоторая нормализация в отношениях США и ИРИ длилась недолго. В 2017 г. президент США Д. Трамп вывел свою страну в одностороннем порядке из договора. После победы на выборах в Иране 18 июня 2021 г. И. Раиси новая администрация США не отказалась от идеи возобновления договора по ядерной проблеме ИРИ.

Такие государства, как КСА и ОАЭ, чья безопасность зависела от США, были удобным инструментом манипуляции в руках американской политической элиты. К тому же они сами были крайне подозрительно настроены в отношении Ирана. С другой стороны, политика США в регионе заставляла другие страны типа Египта идти на нормализацию отношений с Ираном, чтобы снизить степень своей зависимости от США в региональных делах.

Таким образом, внешняя политика Ирана и арабских стран зависела от системных факторов международных отношений и политики мировых держав на Ближнем Востоке.

Участие российских ВКС в сирийском конфликте с осени 2015 г. дало возможность Ирану продолжить поддержку режима Асада и предопределило более глубокую вовлеченность Тегерана в сирийский кризис. В свою очередь, это косвенно способствовало продолжению вооруженного конфликта в САР.

По нашей оценке, участие российских ВКС в сирийском кризисе было правильным решением. В противном случае режим Асада мог бы пасть, а Россия утратила бы свои позиции в Сирии. Другое дело, что потенциал Ирана в Леванте был, возможно, недооценен.

Продолжение сирийского кризиса усилили ирано-арабские разногласия. Возможности Ирана и арабских стран самостоятельно выстраивать свои отношения были ограничены и подвергались влиянию извне. Однако Иран и арабы не всегда были статистами в этой политической игре и пытались проводить собственную политику в регионе.

Современная история Ирана и арабских стран характеризуется постоянными поисками эффективной системы безопасности, поскольку и Иран, и арабский мир не чувствовали себя в безопасности и являлись объектом манипуляций мировых держав. При этом они стремились опереться на поддержку более сильных государств, которые соперничали друг с другом. Такая ситуация усиливала известные аспекты разногласий в арабо-иранских отношениях.

Наряду с этим Иран и арабские страны стремились усилить свой военный потенциал, что вело к росту подозрительности в отношениях друг с другом. Арабские

страны всегда с опасением относились к стремлению Ирана создать собственную ядерную программу.

Арабо-иранские отношения также определялись обычным соперничеством в политической и торгово-экономической сферах. КСА использовало свои нефтяные богатства и ценовую политику на мировых рынках нефти для ослабления экономики ИРИ. С другой стороны, КСА использовало ваххабизм для сдерживания экспорта исламской революции и ограничения иранского влияния в суннитском мире. Со своей стороны, Иран использовал потенциал исламской революции для ослабления консервативных арабских режимов и подрыва доверия к ним среди их собственного населения. Очевидным примером этой политики является создание ливанской «Хизбаллы» и ее деятельность в Ливане, а также поддержка «ХАМАС» и «Исламского джихада» в Палестине. Стремление Ирана и арабских стран к региональному лидерству и укреплению позиций на международной арене только усиливало конфликтный потенциал их отношений.

Таким образом, характер иранской политики на Ближнем Востоке определялся комплексом факторов — это процессы модернизации и государственного строительства, поиски национальных моделей для самоидентификации и т. п. В то же время исторические особенности арабо-иранского взаимодействия и их различия в этническом и религиозном отношении представляли своеобразную матрицу их отношений и играли роль катализатора взаимных разногласий в определенных ситуациях.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники, официальные документы, материалы статистики, справочно-аналитические издания, мемуары

1. Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в канун экспедиции Боннапарта (1776—1798) / пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М., 1978.

2. Аль-Маджмуа аль-Ихсаийя. Аль-Мактаб аль-марказий ли-ль-ихса. Димашк, 1980, 1981, 1985, 1986, 1988, 1999, 2011 (на араб. яз.).

3. Ал-Макризи. Ал-Маваиз ва-л-итибар фи зикр аль-хитат ва-л-асар. Т. 1—2. Булак, 1270/1853 (на араб. яз.).

4. Аль-Марказ Дирасат аль-Исламийя. Димашк, 2006 (на араб. яз.).

5. Ал-Масуди. Китаб ат-танбих. Лейден, 1894 (на араб. яз.).

6. Аль-Кавакиби Абд ар-Рахман. Природа деспотизма и гибельность порабощения / пер. с араб. и исслед. З.И. Левина. М., 1964.

7. Ал-Истахри. Китаб ал-масалик ва-л-мамлик. Лейден, 1870 (на араб. яз.).

8. Аш-Шахрастани Мухаммад ибн Абд ал-Карим. Книга о религиях и сектах. Ч. 1 / пер. с араб., введ. и коммент. С.М. Прозорова. М., 1984.

9. Аш-Шидийак Таннус. Китаб ахбар аль-айян фи Джабаль Любнаню Бейрут, 1859 (на араб. яз.).

10. Бушев П.П. Миссия Артемия Волынского в Иран в 1715—1718 гг. М., 1978.

11. Доктрина исламской революции. Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. М.: Научная книга, 2009.

12. Документ о 20-летних перспективах Ирана. URL: <http://rc.majlis.ir/fa/law/show/132295> (на перс. яз.).

13. Ибн Джубейр. Путешествие / пер. с араб. Л.С. Семеновой. М., 1984.

14. Ибн Хардадбех. Книга путей и стран / пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
15. К стратегии внешней политики Исламской Республики Иран: сборник комментариев Верховного руководителя Исламской Республики Иран Аятоллы С.А. Хаменеи. URL: <http://book-khamenei.ir/index.aspx?siteid=1&siteid=1&pageid=208&description> (на перс. яз.).
16. Конституция Исламской Республики Иран 1979 г. с дополнениями 1989 г. URL: http://rc.majlis.ir/fa/content/iran_constitution (на перс. яз.).
17. Коран / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1963.
18. Куми Хасан б. Мухаммед. Китаб-е тарих-е Кум. Тегеран, 1934 (на перс. яз.).
19. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934—1938. Т. 1—6.
20. Мухаммед Казим. Наме-йи аламара-йи надири (Мироукрашающая надирова книга). М., 1960—1966. Т. 1—3.
21. Насир-и Хусрау. Сафар-намэ / пер. и примеч. Е.Э. Бертельса. М. – Л., 1933.
22. Сасанидский судебник / пер и коммент. Ф.Г. Периханян. Ереван, 1973.
23. Усама ибн Мункыз. Книга назидания / пер. с араб. М.А. Салье. М., 1958.
24. Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов (Русум дар ал-хилафа) / пер. с араб., предисл. и примеч. И.Б. Михайловой. М., 1958.
25. Al-Mesbar Studies & Research Center. Second edition. Dubai, 2001.
26. Carnegie Middle East Center. 2012—2017.
27. Euro MeSCO Papers. 14.12.2001.
28. Handbook to the Modern World. The Middle East. Facts on File Publications. N.Y., 1988.
29. Middle East Economic Survey (MEES), 1996.
30. Middle East Economic Digest. 22.12.2000.
31. Middle East Insight. September; October, 1994.
32. Nasser Gamal Abdel. The Philosophy of the revolution. Buffalo, N.Y.: Economica Books, 1959.
33. The Encyclopedia on Islamic Movements in the Arab World. Beirut: The Centre for Arab Unity Studies, 2013.

34. The Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Tel-Aviv University, 1984.

35. The Middle East. October 1994.

36. Хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий. Аль-муата-мар аль-кутрий ас-самин. Димашк, 1985.

Монографии и статьи

37. Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости 1925–1941. М., 1971.

38. Алиева С.М. История Ирана. XX в. М., 2004.

39. Алиев С.А. К национальному вопросу в современном Иране // Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1964.

40. Арабаджян З.А. Иран. Власть, реформы, революции (XIX–XX вв.). М., 1991.

41. Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003.

42. Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? М., 2012.

43. Ахмедов В.М. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI в.). М., 2015.

44. Ахмедов В.М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. М., 2018.

45. Бартольд В.В. Работы по истории ислама и арабского халифата. Т. 4. М., 1966.

46. Белова Н.К., Никитина В.Б. Иран. Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX – начало XX в.) М., 1973.

47. Белокрыцкий В.Я., Каменев С.Б., Мамедова Н.М., Ульченко Н.Ю. Государство, общество, безопасность на Ближнем и Среднем Востоке // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 2.

48. Белокрыцкий В.Я., Каменев С.Н., Мамедова Н.М., Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Нации и национализм в мусульманском мире // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 2.

49. Белокреницкий В.Я. Ислам и исламистский радикализм в Пакистане. Религия и общество на Востоке. М., 2015.
50. Белокреницкий В.Я. Islam and Islamic radicalism in Pakistan. Религия и общество на Востоке. М., 2015.
51. Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. М., 2016.
52. Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее Средневековье. М., 1965.
53. Беляев И.П., Примаков Е.М. Египет: время президента Насера. М., 1974.
54. Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Ч. 2. М., 1966.
55. Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. М., 1984.
56. Бондарь Ю.М., Сажин В.И. Военная мощь Исламской Республики Иран. М., 2014.
57. Васильев А.М. Война в Ираке: региональные и глобальные последствия // Вестник РАН. 2004. Т. 74.
58. Васильев А.М. Египет и египтяне. 3-е изд., перераб. и доп., М., 2008.
59. Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм. История и современность. М.: Ленанд, 2015.
60. Видясова М.Ф. Умеров М.Ш. Египет в последней трети XX века. М., 2002.
61. Воскресенский А.Д. Восток и политика. Политические системы. Политические культуры. Политические процессы. М., 2015.
62. Горбунова Н.М., Иванова И.И. Турция и Ливан в системе региональных противоречий и конфликтов на Ближнем Востоке // Восточная аналитика. 2020. № 4.
63. Горбунова Н.М., Иванова И.И. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы // Вестник ИВ РАН. 2020. № 2 (12).
64. Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С. Большой Ближний Восток. М., 2007.
65. Данциг Б.М. Ирак в прошлом и настоящем. М., 1960.
66. Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М., 1998.
67. Дунаева Е.В. Развитие политического процесса в Иране в 2005–2012 гг. // Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013.

68. Дунаева Е.В. Религиозные организации на политическом поле ИРИ // Азия и Африка сегодня. 2013. № 7.

69. Дунаева Е.В. Политическая система Исламской Республики Иран: вызовы либеральной модернизации // Восток (Oriens). 2016. № 1.

70. Дунаева Е.В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности. Религия и общество на Востоке. 2017. № 1. URL: <https://bsv.ivran.ru/articles?artid=9630>.

71. Дунаева Е.В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 4.

72. Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Год после выхода США из ядерной сделки (новые риски для Ирана) // Восточная аналитика. 2019. № 1.

73. Дьяконов И.М. Ахеменидская держава. Гл. XVII. История Востока. Восток в древности. М., 2002. Т. I.

74. Дьяконов М.М. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961.

75. Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. М., 1996.

76. Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М., 2013.

77. Замараева Н.А. О некоторых аспектах пакистано-иранского сотрудничества // Иран при М. Ахмедиенежаде. М., 2013.

78. Заходер Б.Н. История Восточного Средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944.

79. Иванова И.И. Динамика развития отношений между Турцией и Ираном в XXI в. // Восточная аналитика. 2020. № 4.

80. Иванов М.С. Новейшая история Ирана. М., 1965.

81. Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1988.

82. Иран в мировой политике. XXI в. М., 2017.

83. Исаев Л.М., Мардасов А.Г., Коротаев А.В. Протесты 2019 г. в Ираке в контексте новой волны ближневосточной дестабилизации: сб. по итогам конференции Института Африки РАН «Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африки». М., 2019.

84. Исаков А.С. «Мягкая» и «жесткая» сила во внешней политике Исламской Республики Иран: роль гуманитарной

дипломатии: сб. материалов Всероссийской молодежной научной конференции «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир» (Екатеринбург, 20–21.04.2018). Екатеринбург: Изд.-во Уральского университета, 2018.

85. История Ирана. М., 1977.

86. Каменева М.С. О трех подходах к понятию «культура» в ИРИ // Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013.

87. Кепель Ж.К. Неприкосновенный запас «мусульманской демократии»? URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/kepel.html>.

88. Кириченко В.П. Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979–2003) // Россия и мусульманский мир. 2015. № 11.

89. Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах). М., 1982.

90. Косач Г.Г. Красный флаг над Ближним Востоком. М., 2001.

91. Котлов Л.Н. Национально-освободительная борьба народов Ирака накануне восстания 1920 г. Очерки по истории арабских стран. М., 1959.

92. Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии, 1908–1914 гг. М., 1986.

93. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. В 6 т. М., 1957. Т. 4.

94. Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. М., 1914–1917. Т. 1–3.

95. Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983.

96. Кузьмин В.А. Противостояние Саудовской Аравии и Ирана в зоне Персидского залива в конце XX – начале XXI в. // Научный диалог. Кузьмин В.А. Соколов Н.В. 2017. № 8.

97. Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М., 1981.

98. Кулагина Л.М. Общая оценка внешней политики ИРИ. Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1989.

99. Кулагина Л.М. Иран во второй половине XIX – начале XX в. Гл. 4. История Востока. Восток в Средние века. Т. IV. Восток в Новое время (конец XVIII – начало XX в.). Кн. 2. М., 2005.

100. Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Иран. Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М., 2012.
101. Кулагина Л., Ахмедов В. Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях. Иран: история и современность. М., 2014.
102. Ланда Р.Г. История арабских стран. М.: Восточный университет, 2005.
103. Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М., 1972.
104. Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли 1917–1945. М., 1979.
105. Левин З.И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период XIX–XX вв. М., 1993.
106. Левин З.И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999.
107. Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987.
108. Лукоянов А.К. Исламская революция. Иран — опыт первый. М.: Май-принт, 2015.
109. Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965.
110. Мамедов Р.Ш. Формирование политической элиты современного Ирака: американский и иранский факторы // Международная жизнь. 2019. № 11.
111. Мамед-заде П.Н. Эволюция египетско-иранских отношений в конце XX — начале XXI в. Иран: культурно-историческая традиция и динамика развития. М., 2006.
112. Мамедова Н.М. Основные направления социально-экономической политики правительства М. Ахмединежада // Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013.
113. Мамедова Н.М. Иран: особенности формирования политической элиты // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 1.
114. Мамедова Н.М. Экономика Ирана: учебное пособие. М.: МГИМО (У), 2018.
115. Мамедова Н.М. Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 3.

116. Мамедова Н.М. Иран в канун 40-летия Исламской революции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 7.
117. Мамедова Н.М. Культурная сложность современного иранского общества // *Труды Института востоковедения РАН*. 2019. № 26.
118. Мамедова Н.М., Ульченко Н.Ю. Экономика Ирана и Турции сегодня. Влияет ли ислам на выбор модели развития? LAP LAMBERT. Saarbrücken (Германия), 2014.
119. Мамедова Н.М. Социальная политика как фактор управления культурно-сложным обществом (на примере Ирана) // *Вестник ИВ РАН*. 2020. № 1 (11).
120. Матвеев И.А. Сирия в конфликте. М., 2020.
121. Медников Н.А. Палестина от завоеваний ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. 1. Исследование; 2. Приложения. СПб., 1897, 1903 [ППС, т. 17, вып. 2 (1)–4].
122. Мелкумян Е.С. Иран и арабские государства Персидского залива: новые тенденции в развитии отношений // *Азия и Африка сегодня*. 2001. № 11.
123. Мелкумян Е.С. Ирано-арабская конкуренция в регионе Ближнего Востока и Персидского залива // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2015. № 11.
124. Митрофаненкова О.Е. Политика международных акторов по борьбе с наркотиками в Афганистане (2001–2019 гг.) // *Восточная аналитика*. 2020. № 2.
125. Мец А. Мусульманский ренессанс / пер. с нем. и предисл. Д.Е. Бертельса. М., 1973.
126. Мирский Г.И. «Третий мир». Общество, власть, армия. М., 1976.
127. Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015. № 1.
128. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2013. № 4.

129. Наумкин В.В. Конфликты на Ближнем Востоке вышли на первый план в мире. 16.02.2018. URL: <https://ria.ru/inter-view/20180216/1514794208.html>.

130. Наумкин В.В. Курдская головоломка Ближнего Востока (на примере Ирака) // *Мировая экономика и международные отношения РАН*. 2019. Т. 63, № 5.

131. Новосельцев А.П. Государство Сефевидов в XVI — начале XVII в. Гл. 5. История Востока. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени XVI—XVIII вв. М.: ИВ РАН, 2000. Т. III.

132. Новосельцев А.П. Государство Сасанидов. Гл. I. История Востока. Восток в Средние века. М.: ИВ РАН, 2002. Т. II.

133. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1966.

134. Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М. — Л., 1964.

135. Пир-Будагова Э.П. Сирия (в соавторстве с Ахмедовым В.М.). История Востока в новейший период (1945—2000 гг.). М., 2008.

136. Пойда А.А., Юртаев В.И. Исламский фактор в египетско-иранских отношениях // *Африка: поиск идентичности и диалог с миром: Ежегодник — 2018*. Серия: Африканские исследования. М., 2018.

137. Полищук А.И. Основные этапы исторического развития Ирана: курс лекций. М., 2014.

138. Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.

139. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М., 2012.

140. Раванди-Фадаи Л.М. «Исламское коалиционное общество» как основная консервативная партия в Иране. Ислам и общественное развитие в начале XXI века. М., 2005.

141. Раванди-Фадаи Л.М. Этноконфессиональные проблемы в современном Иране // *Иран при М. Ахмединежаде*. М., 2013.

142. Раванди-Фадаи Л.М., Филин Н.А. Прошлое и настоящее религиозного наставничества в шиитском исламе. М., 2017.

143. Сажин В.И. Военная напряженность вокруг Ирана // *Иран при М. Ахмединежаде*. М., 2013.

144. Сажин В.И. Исламская Республика Иран: власть и армия // Иран: прошлое и настоящее. М., 2018.
145. Сейранян Б.Г. Египет в борьбе за независимость. 1945–1952. М., 1970.
146. Сейранян Б.Г. Британская система косвенного управления на Арабском Востоке. Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М., 2002. Вып. 5.
147. Скляров Л.Е. Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция. М., 1993.
148. Степанова Н.В. История Ирака. XX век. М., 2016.
149. Степанянц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли Зарубежного Востока (XIX–XX вв.). М., 1974.
150. Тоцкая Е.П. Роль Исламской Республики Иран в региональных политических процессах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1 (2).
151. Трубецкой В.В. Национальная ситуация в Исламской Республике Иран // Национальный вопрос в освободившихся странах Востока. М., 1986.
152. Турадж А., Раванди-Фадаи Л.М. Жертвы времени: жизнь и судьба иранских политических деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период. М., 2020.
153. Ульченко Н.Ю., Мамедова Н.М. Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана). М.: Городец, 2016.
154. Фазильянова Э.М. Египет: человеческий фактор и развитие. М., 1990.
155. Федорченко А.В. Состояние и перспективы национального диалога в Йемене в контексте обострения политического и военного противоборства в стране // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2014. № 3–4 (9).
156. Федорова И.Е. Отношения США и ИРИ во второй половине 90-х гг. // Иран: эволюция исламского правления. М., 1998.
157. Федорова И.Е. Элементы паниранизма во внешней политике Ирана // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9.
158. Филин Н.А., Пилюян М.Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2015. № 2.

159. Шарипов У.З. Персидский залив: обострение политической и военной ситуации и международных отношений в конце XX – начале XXI в. М., 2010.
160. Юртаев В.И., Краснов К.Г. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания». Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16, № 4.
161. Яковлев А.И. Модернизация Саудовской Аравии: итоги и перспективы в начале 21 века // Восточная аналитика. Ежегодник 2011: Экономика и политика стран Востока. М., 2011.
162. Abdul Aziz Ad Duri. Arab-Iranian Relations: Historical Background. Arab-Iranian Relations. Ed. Khair El-Din Hasseb. London: I.B. Tauris, 2015.
163. Abrahamian E. A History of Modern Iran. New York: Cambridge University Press, 2014.
164. Abrahamian Ervand. The 1953 Coup. Science and Society. Vol. 65, № 2. Summer, 2001.
165. Abu Jazar Fida Yousef. Saudi-Iranian Relations and Their Effect on Neighboring Countries. Gaza: Al Azhar University, 2014.
166. Aburish Said K. The Politics of Revenge. New York, 2000.
167. A Century of Revolution: Social Movements in Iran / ed. by John Foran. Minneapolis [n.pb.], 1994.
168. Aglionby John and Kerr Simeon. Djibouti Finalizes Deal for Saudi Arabian Military Base // Financial Times. 17.01.2017.
169. Akhbarzadeh Shahram. Why Iran Needs Hizbullah // Muslim World. 26.02.2016.
170. Akhmedov V. Syrian crisis. Special Report // Berlin. 10.04.2019. URL: <https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf>.
171. Amirahmadi Houshang, and Nader Entessar / eds. Iran and the Arab World. New York: St. Martin's Press, 1993.
172. Andrew T. Parasiliti. Iran and Iraq: Changing relations and Future Prospects. In Amirahmadi Houshang, and Nader Entessar / eds. Iran and the Arab World. New York: St. Martin's Press, 1993.
173. Al-Dib F. Abdel Nasser and the Revolution in Iran. Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. Cairo, 2000.
174. Al-Lahibi Badria Lafi. The Impact of the Persian Science on the Arab Sciences. Starting from the Islamic Conquest until the

End of the Abbasid Age. Mecca. Saudi Arabia: Um ul Qur'a University, 2015.

175. Al-Saud Faisal bin Salman. *Iran, Saudi Arabia and the Gulf: Power Politics in Transition 1968–1971*. London: I.B. Tauris, 2003.

176. Al Zahed Saud. Hatred of Arabs Deeply Rooted in Persians, Says Iranian Intellectual. *Al Arabiya News*. 09.09.2011. URL: <https://www.alarabiya.net/articles/2011/10/09/170927.html>.

177. Amanat Abbas and Vejdani Farzin. *Iran Facing Others: Identity Boundaries in Historical Perspective*. New York: Palgrave. McMillan, 2012.

178. Ansari A.M. *Iran, Islam and Democracy. The Politics of Managing Change*, London: Chatam House, 2016.

179. Antonius, George. *The Arab Awakening. The Story of the Arab National Movement*. Safety Harbor, FL.: Simon Publications, 2001.

180. April R. Summit. For a White Revolution: John F. Kennedy and the Shah of Iran. *Middle East Journal*. Vol. 58, № 4. 2010.

181. *Arab-Iranian Relations* / ed. by Haseeb Khair el-Din. Center for Arab Unity Studies. Beirut, 1988.

182. Asghar Zargar Ali. A Historical Review of British Role in Iran-Iraq Dispute on the Shatt al-Arab Dispute. *International Journal of Political Science*. Vol. 1, № 2. Summer-Fall 2011.

183. Ashraf Ahmad. Iranian Identity iii: Medieval Islamic Period. *Encyclopedia Iranica*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/iranian-identity-iii-medieval-islamic-period>.

184. Atabaki Touraj. *Recasting Oneself: Rejecting the Other: Pan-Turkism and Iranian Nationalism. Identity Politics in Central Asia and the Muslim World: Nationalism, Ethnicity, and Labour in the Twenty First Century* / ed. Willem Van Schendel and Erik J. Zürcher. London: I.B. Tauris, 2001.

185. Badeeb, Saeed M. *Saudi-Iranian relations 1932–1983*. London: Center for Arab and Iranian Studies, 1994.

186. Banani Amin. *The Modernization of Iran*. Standford, Calif.: [n.pb.], 1961.

187. Bayat Assef and Bakhtiari Bahman. *Revolutionary Iran and Egypt. Iran and the Surrounding World: Interactions in Culture and Cultural Politics* / ed. Nikkie R. Keddie and Rudi Matthee. Seattle: University of Washington Press, 2002.

188. Bazzi Mohammad. Saudi War in Yemen Is Disastrous: America Is Only Making Things Worse // *Guardian*. 11.06.2018.

189. Bialer Uri. The Iranian Connection in Israel's Foreign Policy, 1948–1951 // *Middle East Journal*. Vol. 39. Spring 1985.
190. Borzon Daragahi. Iraq Conflict Is a Battle for Identity // *Los Angeles Times*. 16.04.2007.
191. Bosworth C.E. Arab i, Arabs and Iran in the Pre-Islamic Period. *Encyclopedia Iranica*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/arab-i>.
192. Boswoth C.E. *The History of the Saffarids of Sistan and the Maliks of Nimruz*. Costa Mesa. C.A.: Mazda Publishers, 1994.
193. Browne Edward G. *A Literary History of Persia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.
194. Bruce Maddy-Weisman. *The Berber Identity Movement and the Challenge to North-African States*. Austin: University of Texas Press, 2011.
195. Chubin Shahram and Zabih Sepehr. *The Foreign Relations of Iran: A Development State in a Zone of Great Power Conflict*. Berkeley: University of California Press, 1976.
196. Clawson P. Iran's Vulnerabilities to U.S. Sanctions (Part 1): Finding the Weak Spots. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-vulnerabilities-to-u.s.-sanctions-part-1-finding-the-weak-spots/>.
197. Cohen Norman. *Cosmos, Chaos and the World to Come: The Ancient Roots of Apocalyptic Thought*. New Haven, CT: Yale University Press, 1993.
198. *Contemporary Syria. Liberalisation Between Cold War and Cold Peace*. L., 1994.
199. Daryaee Touraj. *Sassanian Persia 224–651 CE: Portrait of a Late Antiques Empire*. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers, 2008.
200. Dawisha Adeed. *Egypt in the Arab World: The Elements of Foreign Policy*. London: Macmillan, 1976.
201. Dawish A. *Syria Under Asad, 1970–1978. The Centers of Power // Government and Opposition*. Summer 1978. Vol. 13, № 3.
202. Dawisha Abeed. *Arab nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair*. Princeton. NJ: Princeton University Press, 2003.
203. Dawisha Adeed. *Saudi Arabia's Search for Security // Adelphi Paper № 158*. London: International Institute for Strategic Studies, 2008.

204. Dawn C. Ernest. *From Ottomanism to Arabism*. Urbana: University of Illinois Press, 1973.
205. De Lacy O'Leary. *Arabia before Muhammad*. London: Rutledge, Trench Trubner & Co, 1927.
206. Devlin J.F. *The Ba'th Party. A History from its Origins to 1966*. Stanford, 1976.
207. Drysdale, Alasdair. *The Syrian Political Elite, 1966–1976: A Spatial and Social Analysis // Middle Eastern Studies*, 1981. Vol. 17, № 1.
208. Drysdale A., Hinnenbush R. *Syria and the Middle East*. Process. N.Y., 1991.
209. Ehteshami Anoushiravan and Hinnebusch A. Raymond. *Syria and Iran. Middle powers in penetrated regional system*. London, New York, 1997.
210. El-Ghobashi Tamer. *The US and Iran are Competing to Shape Iraq's Next Government: Both Are Failing // Washington Post*. 25.09.2018.
211. Elgood Cyril. *A Medical History of Persia and the Eastern Caliphate*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010 (first published in 1951).
212. Enayat Hamid. *Iran and the Arabs. Arab nationalism and a Wider World / ed. Sylvia Haim*. New York: American Association for the Peace in the Middle East, 1971.
213. Enayat.Hamid. *Modern Islamic Political Thought*. Austin: University of Texas Press, 1982.
214. Esfandiary Dina. *Iran and Egypt: A Complicated Tango*. European Union Institute for Security Studies. October 2012. URL: <http://www.iss.europa.eu/content/iran-and-egypt-complicated-tango>.
215. Faksh Mahmud A. *The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force*. *Middle Eastern Studies*. April 1984. Vol. 20, № 2.
216. Falih Hassan and Rod Nordland. *Surprise: Alliance in Iraq Unites a U.S. Friend and Foe // New York Times*. 24.06.2018.
217. Foss, Clive. *Kemal Ataturk: Giving a New Nation a New History // Journal of Middle Eastern Studies*. 2014. Vol. 50, № 5.
218. George Alan. *Syria: Neither Bread nor Freedom*. L., NY., 2003.
219. Gheissari Ali. *Iranian Intellectuals in the 20th Century*. Austin: University of Texas Press, 1997.

220. Girshman Roman. *L'Iran: Des origines a L'Islam*. Paris: Payot, 1951.
221. Goodarzi Jubin. *Syria and Iran*. London: I.B. Tauris, 2009.
222. Guldescu Stanko. The Background to the Yemeni revolution of 1962 // *Dalhousie Review*. 1965. Vol. 45, N° 1. URL: <https://dashspace.library.dal.ca/bitstream/handle/10222/59002/da>.
223. Haddad G. *Revolutions and military rule in the Middle East*. N.Y., 1971. Vol. 2.
224. Halliday Fred. *The Middle East, the Great Powers and the Cold War. The Cold War and the Middle East* / ed. Yazid Sayigh and Avi Shaim. Oxford: Claredon Press, 1977.
225. Halliday Fred. *Arabs and Persians beyond the Geopolitics of the Gulf* // *Cahiers d'Etudes sur la Mediterranee Orientale et le Monde Turco-Iranian*. 22.07.1996.
226. Heller Jeffrey and Kalin Stephen. *Israel Has Held Secret Talks with Saudi Arabia* // *Independent*. 20.11.2017.
227. Hiro Dilip. *Iran under the Ayatallohs*. London: Routledge & Keegan Paul, 1985.
228. Hiro Dilip. *The Longest War: Iran-Iraq Military Conflict*. New York: Routledge, 1991.
229. Hof F.C. *Syria: Is the Revolution Finished?* MENA Source (blog), Atlantic Council. 15.05.2014. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/syria-is-the-revolution-finished>.
230. Hoodbhoy Pervez. *The Saudiazation of Pakistan: How Pakistan Is Changing and What it Means for South Asia and the Rest of the World*. New Line. January 2009 (later updated in 2017). URL: <http://eacpe.org/content/uploads/2017/05/Saudization-of-Pakistan-updated.pdf>.
231. Hooglund Eric. *Factions behind US Policy in the Gulf* // *Middle East Report*. March–April 1988. Vol. 18, N° 2.
232. Hourani Albert. *Arabic Thought in the Liberal Age*. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.
233. Hourani Albert. *From Jabal 'Amil to Persia*. In *Distant relations: Iran and Lebanon in the Last 500 Years* / ed. H.E. Chehabi. London: I.B. Tauris, 2006.
234. Houwaidi Fehmi. *Iran from the Inside*. Cairo. Al-Ahram Center for Translation and Publication, 1987.
235. Hunter Shireen T.U.S. *Allies Won't Like Detente with Iran* // *Los Angeles Times*. 10.08.1989.

236. Hunter Shireen T. *Iran and The World: Continuity in a Revolutionary Decade*. Bloomington: Indiana University Press, 1990.
237. Hunter Shireen T. *Iran after Khomeini*. Washington DC: Center for Strategic and International Studies. Praeger, 1992.
238. Hunter Shireen T. *Iran and Syria: From Hostility to Limited Alliance*. *Iran and the Arab World* / eds. Houshang Amirahmadi and Nader Entessar. New York: St. Martin's Press, 1996.
239. Hunter Shireen T. *Reformist Discourse in Iran: Proponents and Prospects*. In *reformist Voices of Islam: Mediating Islam and Modernity* / ed. Shireen T. Hunter. Armonk, NY. M.E. Sharpe, 2008.
240. Hunter Shireen T. *Iran, Islam and the Struggle for Identity and Power in the Islamic Republic of Iran*. The Prince Al Waleed bin Talal Center for Muslim-Christian Understanding. Georgetown University. Occasional Paper. July 2014.
241. Hunter Shireen T. *Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity, Culture and Governance in the 21st Century*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014.
242. Hunter Shirren T. *Ahvaz Attacks: Is Saudi Arabia Taking the War Inside Iran?* Lobelog. 24.09.2018. URL: <https://lobelog.com/ahwaz-attacks-is-saudi-arabia-taking-the-war-inside-iran/>.
243. Hunter Shireen T. *Are Iran and Iraq Headed to Another Conflict?* Lobelog. 11.09.2018. URL: <https://lobelog.com/are-iran-and-iraq-headed-toward-another-conflict/>.
244. Hunter Shireen T. *Iran's Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Resisting the New International Order*. Santa Barbara. California: Praeger, 2010.
245. Hunter Shireen T. *OPEC and the Third World: The Politics of Aid*. Bloomington: Indiana University Press, 1984.
246. Hussain Tom. *No Money in Pakistan Budget for Iranian Gas Pipeline* // Miami Herald. 12.06.2013.
247. Itani F. *Losing Syria and Iraq to Jihadists*. Issue in Focus // Atlantic Council. 27.06.2014.
248. *Iranian President Starts Landmark Visit to Saudi Arabia* // Deutsche Presse-Agenture. 15.05.1999.
249. Jafri Hussain M.S. *Origins and Early Development of Early Islam*. London: Longman, 1979.
250. Jones Toby Craig. *Rebellion on the Saudi Periphery: Modernization, Marginalization and the Shia Uprising of 1979* // International Journal of Middle East Studies. May 2006. Vol. 38, № 2.

251. Jones K. US Lacks Responsible Foreign Policy to Deal With ISIS. News Blaze. 01.09.2014.
252. Juhi Bushra. Iraqi Shiites Decry Sunni Crackdown in Bahrain // Washington Post. 18.03.2011.
253. Juneau Thomas. No, Yemen's Houthis Aren't Actually Iranian Puppets // Washington Post. 16.05.2016.
254. Katz N. Mark. Yemeni Unity and Saudi Security // Middle East Policy. 1992. Vol. 1, № 1.
255. Karsh E. The Soviet Union and Syria. The Asad Years. L., 1988.
256. Kaylani N.M. The Rise of the Syrian Ba'th, 1940–1958: a Political Success, Party Failure // International Journal of Middle East Studies. 1972. № 1.
257. Kelidar A.R. Religion and State in Syria // Asian Affairs. Feb. 1974. Vol. 61, part I.
258. Keddie R. Nikkie. An Islamic Response to Imperialism: Political and Religious Writings of Sayyad Jamal al Din al-Afghan. Berkeley: University of California Press, 1983.
259. Kermani Agha Khan. Encyclopedia Iranica. URL: <https://www.iranicaonline.org/article/aga-khan-kermani>.
260. Kerr Malcom. The Arab Cold War. Gamal 'Abd al-Nasir and His Rivals. Oxford: Oxford University Press, 1971.
261. Khadduri Majid. Political trends in the Arab World: The Role of Ideas and Ideals. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977.
262. Khesroshahi Hadi. Mutual Awareness between Arabs and Iranians. Arab-Iranian Relations / ed. Khair El-Din Hasseb. London: I.B. Tauris, 2015.
263. Kia Mehrdad. Mirza Fath Ali Akhundzadeh and the Call for Modernization of the Islamic World // Middle Eastern Studies. July 1995. Vol. 31, № 3.
264. Kienle E. Ba'th against Ba'th. L., 1990.
265. Kinzer Stephen. Iran's Nuclear Deal // Guardian. 17.05.2010.
266. Kramer Martin. Syrias Alawis and Shiism. The Dayan Center for.
267. Middle Eastern and African Studies. Tel-Aviv University, December 1984.

268. Kumar Pradhan Prasanta. Post-Morsi Egypt: Saudi Maneuvering and Iranian Dilemma. Institute for Defense Studies and Analyses. New Delhi. 27.09.2013. URL: https://idsa.in/issuebrief/Post-MorsiEgypt_pkpradhan_270913.

269. Landis Joshua. Syria and the Palestine War: Fighting King Abdullah's Greater Syria Plan. In *The War from Palestine* / ed. Eugene Rogan and Avi Shaim, second edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

270. Laqueur Walter. *The Soviet Union and the Middle East*. New York: Frederick A. Praeger, 1959.

271. Law Bill. The Most Dangerous man in the World? // Independent. 08.01.2016.

272. Lefebvre Jeffrey. Iran in the Horn of Africa: Outflanking U.S. Allies // Middle East Policy. Summer 2012. Vol. 19, № 2. URL: <https://www.mepc.org/iran-horn-africa-outflanking-us-allies>.

273. Litvak S. Robert. *Detente and the Nixon Doctrine: American Foreign Policy and the Pursuit of Stability, 1969–1976*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

274. Levi R. *Persia and the Arabs. The legacy of Persia* / ed. A.J. Arbery. Oxford: Clarendon Press, 1953.

275. Liz Sly. The Hidden Hand behind the Islamic State's Militants? Saddam Hussain's // Washington Post. 04.04.2015.

276. Long David E. US-Saudi Relations: Evolution, Current Conditions, and Future Prospects // Mediterranean Quarterly. Summer 2004. Vol. 15, № 3.

277. MacDonald W. Robert. *The League of Arab States: A Study on the Dynamics of Regional Organization*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966.

278. Macdonald Brad. A Nightmare Alliance. Trumpet, March, 2008; Mubarak's Shias Remarks Stir Anger. Al-Jazeera. 10.04.2006. URL: <http://www.aljazeera.com/archive/2006/04/2008491132414562804.html>.

279. Madhavi Al Rasheed. Xenophobia, Tribalism and Imagined Enemies; Mohammed bin Salman's Brand of Saudi Nationalism. Middle East Eye. 05.09.2018. URL: <https://www.middleeasteye.net/columns/saudi-arabia-first-mohammed-bin-salman-new-nationalism-125935461>.

280. Mamedova N., Obukhova A. Iran's foreign Economic Relations in the Region // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost. 2019. № 5.

281. Mansharof Y. Despite denials by Iranian regime, statements by Majlis member and reports in Iran indicate involvement of Iranian troops in Syria fighting // The Middle East Media Research Institute. 04.12.2013. URL: [http:// www.memri.org/report/en/print7623.htm](http://www.memri.org/report/en/print7623.htm).

282. Ma'oz M. Modern Syria: From Ottoman Rule to Pivotal Role in the M.E. Brighton, 1999.

283. Marr Phoebe. The Modern History of Iraq. Boulder, CO: Westview Press, 1985.

284. Mathew M. William. The Balfour Declaration and the Palestine Mandate: British Imperial Imperatives. British Journal of Middle Eastern Studies. 2013. Vol. 40, № 3.

285. McGlinchey Steven and Murray W. Robert. Jimmy Carter and the Sale of AWACS to Iran in 1977. Diplomacy and Startecraft. 2017. Vol. 28. № 2. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09592296.2017.1309883>.

286. McKernan Bethan. Iran Says Saudi Arabia 'Murdered Pilgrim' during the 2015 Stampede // Independent. 06.09.2015.

287. Miller Judith and Mylroie Laurie. Saddam Hussein and the Crisis in the Gulf. New Haven, CT: Yale University Press, 1990.

288. Millward William. Egypt and Iran: Regional Rivals at Diplomatic Odds // Commentary. 22.05.1992.

289. Mishali Ram Meirav. The Syrian War and the Foreign Fighters from the Muslim World // Oxford Research. 07.04.2017. URL: <https://sustainablesecurity.org/2017/04/07/the-syrian-war-and-the-foreign-fighters-from-the-muslim-world.>

290. Mottahedeh Roy. The Shu'ubiyah Controversy and the Social History of Early Islamic Iran // International Journal of Middle East Studies. 1976. Vol. 7, № 2.

291. Mohammad D. Al Mustafa Wald Al Bashir. Islamic Sufism: Origins, influences and rules. Kan Historical Periodicals. 33.2017. URL: <https://platform.almanhal.com/Files/2/109110>. [In Arabic].

292. Moore Jack. Kissinger Warns Trump: ISIS Is Keeping Iran in Check // Newsweek. 08.08.2015.

293. Moussawi I. Shi'ism & The Democratisation Process in Iran with a Focus on Wilayat al-faqih. London, UK: Saqi Books, 2015.

294. Mungaj Christian. Sudan, Somalia and Djibuty Cut Ties with Iran: Tehran Laughs // Mail & Guardian Africa. 08.01.2016.

295. Nehme Dahlia. Top Saudi Cleric says Iran Leaders Not Muslims as Haj Row Mounts // Reuters. 07.09.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-iran-mufti/top-saudi-cleric-says-iran-leaders-not-muslims-as-haj-row-mounts-idUSKC-N11D0HV>.

296. Niarchos Nicolas. How is US Is Making the War in Yemen Worse. *New Yorker*. 22.01.2018.

297. Olivier Roy. *Islam and Resistance in Afghanistan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

298. Pasha A.K. Saudi Arabia and the Iran Nuclear Deal // *Contemporary Review of the Middle East*. September 2016. Vol. 3, № 4.

299. Perera Judith. Together against the Red Peril: Iran and Saudi Arabia, Rivals for Super Power Role // *The Middle East*. May 1978. Vol. 43.

300. Picard Elizabeth. *Lebanon: A Shattered Country, Myths and Realities of the Wars in Lebanon*. New York: Holmes & Meir, 1996.

301. Pickering Jeffry. *British withdrawal from East of Suez*. London/New York: Palgrave Mac Millan, 1998.

302. Ramazani R.K. *The Foreign Policy of Iran 1500–1941: A Developing Nation in Word Affairs*. Charlottesville: University of Virginia Press, 1966.

303. Ramazani R.K. Iran and the Arab-Israeli Conflict // *Middle East Journal*. Autumn 1978. Vol. 32.

304. Raskin J. Alissa, Barnard Anne and Peltier Eliane. After Mysterious Saudi Stay Hariri Meets Macron // *New York Times*. 18.11.2017.

305. Robbins-Early Nick. What is really behind the War in Yemen // *Huffington Post*. 04.11.2015. URL: https://www.huffingtonpost.com/2015/04/11/yemen-war-sectarian-violence_n_7019210.html.

306. Rogen L. Eugene and Shalim Avi. *The War for Palestine: Rewriting the History of 1948*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

307. Salah Nayouf. *Political Islam in Syria: a Knowledge Map in The Muslim Brotherhood in Syria: The Resistance of the Sect and the Violence of the Movement*. Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center. Second edition. February 2001.

308. Scheller Benet. *The Wisdom of Assad's Waiting Game*. London: Hurst & Company, 2013.

309. Seale Patrick. *The Struggle for Syria: A Study of Post-War Arab Politics, 1945–1958*. Oxford: Oxford University Press, 1965.
310. Seale Patrick. *The Struggle for the Middle East*. Berkley: University of California Press, 1988.
311. Shama Nael. *Egyptian Foreign Policy from Mubarak to Morsi: Against the National Interest*. London: Routledge, 2013.
312. Shapiro B. Daniel. *Why the Khashoggi Murder Is a Disaster for Israel* // Haaretz. 18.10.2018.
313. Shariati Susan Pour. *Decline and Fall of Sassanian Empire: The Sassanian–Parthian Confederacy and Arab Conquest of Persia*. London: I.B. Tauris, 2008.
314. Sharifi-Yazdi Farzad Cyrus. *Arab–Persian Rivalry in the Persian Gulf*. London: I.B. Tauris, 2015.
315. *Smal Islands, Big Problems*. Amirahmadi Houshang / ed. New York; St. Martin's Press, 1966.
316. Snyder Stephen. *Saudi and UAE Boots on the Ground Intensify the Yemen War* // The World. PRI. 12.08.2015. URL: <https://www.pri.org/stories/2015-08-12/saudi-and-uae-boots-ground-intensify-yemen-war>.
317. Sohmani Sohrab. *The Pragmatic Entente: Israeli-Iranian Relations: 1948–1988*. Westport. CT: Praeger, 1989.
318. Stavridis James. *Are we entering a New Cold War*. FP. 17.02.2016. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/02/17/are-we-entering-a-new-cold-war-russia-europe/>.
319. Stern S.M. *Yaqub the Coppersmith and Persian National Sentiment*. In *Iran and Islam* / ed. Bosworth C.E. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1971.
320. Stork Joe and Lesch V. *Ann. Background to the Crisis: Why War?* // Middle East report. November–December 1990. Vol. 167.
321. Tehrani Jamshidian. *Shu'ubiyya: Independence Movements in Iran* (N.p.: CreateSpace, 2014). [In Persian].
322. *The Iran-Iraq War: The Politics of Aggression*. Rajaei Farhang / ed. Gainesville: University Press of Florida, 1993.
323. *The Scope for Wider relations with Syria* // Keyhan International. 28.12.1975.
324. Toby Matthiessen. *The Other Studies: Shiism, Dissent and Sectarianism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
325. Tripp Charles. *A History of Iraq*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

326. Vakil Sanam. *Iran-GCC Relations: Heading Pragmatism and Opportunism*. London: Royal Institute of International Affairs, 2018.
327. Vaziri Mostafa. *Iran as Imagined Nation: The Construction of National Identity*. New York: Paragon House, 1993.
328. Weinraub Bernard. *Iran says McFarland and 4 Others Went to Tehran on a Secret Trip* // *New York Times*. 04.11.1986.
329. Wilson T. Arnold. *The Persian Gulf: From the Earliest Times to the Begining of the Twentieth Century*. 1928, reprinted New York: Hyperion Press, 1981.
330. Wright Denis. *The English amongst the Persians*. London: William Heinemann, 1977.
331. Yarshater Ehsan. *The Persian Presence in the Islamic World* / ed. Richard Hovannesian Richard and George Sabagh. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
332. Youseef Ibrahim M. *Saudi Rebels Are Main Suspects in June Bombing of a U.S. Base* // *New York Times*. 15.08.1996.
333. Zabih Sepehr. *The Communist Movement in Iran*. Berkeley: University of California Press, 1966.
334. Zaireg Reda. *The Truth behind Morocco's Diplomatic Crisis with Iran*. *Middle East Eye*. 11.05.2018. URL: <https://www.middleeasteye.net/columns/morocco-iran-guls-states-how-export-conflict-575570377>.
335. Zarrinkub Abd Al Husain. *The Arab Conquest of Iran and Its Aftermath* // *Cambridge History of Iran*. 1974. Vol. 4.
336. Zarrinkoub Abdolhossein. *Two Centuries of Silence (Do Qarn Sokut)*. Santa Ana, C.A: Mazda Publishers, 2017.
337. Абади Али, Абади Мохсен. *От Хашеми до Рухани. Обзор внешней политики Ирана. Тегеран, 2016 (на перс. яз.) [авторский перевод]*.
338. Абдельхей Самах. *Умная сила во внешней политике. Исследование инструментов внешней политики Ирана в отношении Ливана (2005—2013)*. Бейрут, 2014 (на араб. яз.) [авторский перевод].
339. Аль-Ганжа Хишам. *Доктринальный фактор и его роль в руководстве внешней политикой Ирана в отношении Ирака 2003—2013*. Амман, 2016 (на араб. яз.) [авторский перевод].
340. Аль-Джази Махмуд. *Влияние Ирана в арабском регионе в свете изменений в политике США в отношении региона 2003—2011*. Амман, 2012 (на араб. яз.) [авторский перевод].

341. Аль-Мусалля Мухаммед. Статистика сирийских сект. 12.02.2006. URL: www.amude.net/Nivisar_Munteda_deep.php?newsLanguage=Munteda&newsId=4431 (на араб. яз.) [авторский перевод].

342. Ахмейдан Хасан. Иранская позиция в отношении йеменских событий. Иранская перспектива. Доха, 2015 (на араб. яз.) [авторский перевод].

343. Аятолла Занджани, Мохаммад Таваколи. Религиозные принципы как основа внешней политики Исламской Республики Иран // Ежеквартальный исследовательский журнал. 2012. Т. 42, № 2 (на перс. яз.) [авторский перевод].

344. Дараби А. Политические течения в современном Иране. Тегеран: Исследовательский центр культуры и научной мысли, б. г. (на перс. яз.) [авторский перевод].

345. Мохаммад Наджи. 40 лет иранской революции. Внешняя политика между идеологией и прагматизмом. Центр политических и стратегических исследований // Аль-Ахрам. 2019. № 292 (на араб. яз.) [авторский перевод].

346. Мохаммед Селим. Анализ внешней политики. Библиотека египетского ренессанса. Каир, 2013 (на араб. яз.) [авторский перевод].

347. Рашед Басем. Конфессиональная проблема внешней политики Ирана. Эр-Рияд, 2017 (на араб. яз.) [авторский перевод].

348. Салих Ясин Аль-Хадж. Несуществующие меньшинства Сирии. 22.02.2006. URL: www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=57826 (на араб. яз.) [авторский перевод].

349. Талаа Маан. Роль Ирана в сирийском кризисе, позиция, альянсы и будущее. Доха, 2019 (на араб. яз.) [авторский перевод].

350. Хаджесарви Г. Политика и власть в Исламской Республике Иран. Тегеран, б. г. (на перс. яз.) [авторский перевод].

351. Шадлу А. Фракционизм в исламском течении. 1360–1380. Тегеран, 2003 (на перс. яз.) [авторский перевод].

Периодические издания и интернет-ресурсы

352. Азия и Африка сегодня. М.

353. Вестник Института востоковедения РАН. М.

354. Восток: афро-азиатские общества: история и современность.

355. Дипкурьер НГ. М.
356. Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/>.
357. Мировая экономика и международные отношения. М.
358. Agence France Press. Paris.
359. Cahiers de l'Orient contemporain. Paris.
360. Current History. N.Y.
361. Daily Star. Lebanon.
362. Elaph. London.
363. Etudes Mediterannees. Paris.
364. Foreign Affairs.
365. Gumhuriyet. Turkey.
366. IRNA. Tehran.
367. Islamic Review and Arab Affairs. L.
368. Jordan Times. Amman.
369. Mehr. Tehran.
370. Keyhan International. Tehran.
371. Middle Eastern Studies. N.Y.
372. Nobelnews. Lebanon.
373. Syria Times. Damascus.
374. Tehran Times. Tehran.
375. The Middle East Journal. Wash.
376. Абъяд ва Асад. Дамаск.
377. Ад-Дустур. Амман.
378. Аз-Заман. Турция.
379. Аль-Ахбар. Бейрут.
380. Аль-Ахрам. Каир.
381. Аль-Баас. Дамаск.
382. Аль-Васат. Лондон.
383. Аль-Джазира. Катар.
384. Аль-Кудс Аль-Арабий. Лондон.
385. Аль-Мунадыль. Каир.
386. Аль-Хаят. Лондон.
387. Ан-Наср. Дамаск.

388. Ан-Нахар. Бейрут.
389. Ар-Рай Аль-Амм. Кувейт.
390. Ар-Рая Аль-Катарийя. Катар.
391. Ас-Сафир. Бейрут.
392. Аш-Шарк Аль-Аусат. Лондон.
393. Кейхан. Тегеран.
394. Fars News Agency. URL: <http://www.farsnews.com/>.

ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

КУЛАГИНА Людмила Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Родилась в Ленинграде. Окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Л.М. Кулагина — высококвалифицированный специалист по проблемам новой и новейшей истории Ирана и русского востоковедения. Один из старейших сотрудников Института востоковедения РАН. Людмила Михайловна Кулагина — участник создания сектора Ирана, автор монографий и статей, вошедших в золотой фонд иранистики. Людмила Михайловна пришла в Институт востоковедения РАН после окончания МГУ, сразу же после создания сектора Ирана в 1956 году, и работала в этом секторе Центра исследований стран БСВ практически до последних дней. Людмила Михайловна внесла огромный вклад в развитие иранистики, занимаясь изучением истории Ирана и проблем современного Ирана. Л.М. Кулагина — автор многих монографий и научных статей, опубликованных в нашей стране и за рубежом, разделов коллективных монографий. В 2010 году вышла из печати последняя крупная монография Л.М. Кулагиной «Россия и Иран (XIX — начало XX в.)». Это фундаментальное исследование, основанное на архивных материалах и источниках. Работа Л.М. Кулагиной получила большой резонанс в научных кругах России и Ирана. Л.М. Кулагина занималась изучением становления и развития востоковедения в нашей стране, была инициатором издания и ответственным редактором ряда сборников статей и монографий, в том числе сборников

статей аспирантов и молодых ученых. Как научный руководитель она дала путевку в науку многим востоковедам. Автор 70 печатных работ.

Основные труды:

- Государственный строй Ирана. М., 1957 (в соавторстве).
- Из истории советского востоковедения. 1917. М., 1970 (в соавторстве).
- Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX — начале XX в. М., 1981.
- Новая история Ирана: хрестоматия. М., 1970;
- Внешняя политика ИРИ в кн.: Иранская революция 1978—1979. М., 1989.
- Россия и Иран. История формирования границ. М., 2008 (в соавторстве).
- Россия и Иран (XIX — начало XX в.) М., 2010.

KULAGINA Ludmila M. (PhD) Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow. She was born in the city of Leningrad. Graduated from the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University. L.M. Kulagina is a highly qualified specialist in the problems of the new and modern history of Iran and Russian Oriental studies. Ludmila M. Kulagina is one of the oldest employees of the Institute of Oriental Studies RAS, founding member of Iranian sector, author of monographs and articles, comprising the golden fund of Iranian studies. L.M. Kulagina came to the Institute of Oriental Studies RAS after graduating from Moscow State University immediately after the creation of the Iran sector in 1956 and worked in this sector of the Center for Studies of the Middle East countries almost until her last days. L.M. Kulagina made a huge contribution to the development of Iranian studies, investigating the history of Iran and the problems of modern Iran. L.M. Kulagina is the author of many monographs and scientific articles published in our country and

abroad, sections of collective monographs. In 2010 L.M. Kulagina published her last major monograph “Russia and Iran (XIX – early XX century)”. It is a fundamental research based on archival materials and sources. This monograph received a great resonance among the scientific circles of Russia and Iran. She studied the formation and development of Oriental studies in our country, was the initiator of the publication and responsible editor of a number of collections of articles and monographs, including collections of articles by graduate students and young scientists. As a scientific supervisor, she gave a start to science to many researches in Oriental studies. Author of 70 printed works.

Her well-known publications (In Russian) include:

- The state system of Iran. Moscow, 1957 (co-authored).
- From the history of Soviet Oriental Studies. 1917. Moscow, 1970 (co-authored).
- The expansion of British imperialism in Iran in the late XIX – early XX centuries. Moscow, 1981.
- A new history of Iran: A Textbook. M., 1970;
- The Foreign policy of Iran in the book «The Iranian Revolution 1978–1979». Moscow, 1989.
- Russia and Iran. The history of the formation of borders. Moscow, 2008 (co-authored)
- Russia and Iran (XIX – early XX centuries). Moscow, 2010.

АХМЕДОВ Владимир Муртузович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. В. М. Ахмедов родился в Москве. В 1983 г. окончил историко-филологический факультет ИСАА при МГУ, в 1986 г. – аспирантуру ИСАА при МГУ. Продолжительное время учился и работал в арабских странах Ближнего Востока, свободно владеет арабским и английским языками. В Институте востоковедения РАН

работает с апреля 2001 г., специализируясь на изучении новейшей истории Ближнего Востока с упором на военную, общественно-политическую и исламскую проблематику арабских стран. Участник многочисленных отечественных и международных конференций и симпозиумов. Автор и ответственный редактор 20 монографий.

Основные работы:

- Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / отв. ред., автор статей. М., 2002.
- Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. М., 2005.
- Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. М., 2008.
- Современная Сирия: история, политика, экономика. М., 2010—2011.
- Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. М., 2018
- Исламистский феномен сирийского восстания. Берлин-Москва, 2019.

AKHMEDOV Vladimir M. (PhD), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, is a Russian scientist, orientalist, Middle East political analyst, senior research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences specializing in modern history of Arab countries. He received his PhD from the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University. He has served in positions the Russian diplomatic missions in Arab countries and traveled extensively in the Middle East. He is fluent in Arabic and English. He worked as a professor in the Military University, Russian Ministry of Defense (2001—2003), in the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2004—2007). He is an author and editor (redactor) of 20 books on

contemporary Arab politics and international relations in the Middle East. (ORCID ID: 0000–0002–4952–2964). E-mail: shamyarabist@gmail.com.

His well-known publications (in Russian) include:

– Army and Power in the Middle East (as editor and author of «Armed Forces and Politics in modern Syria»). Moscow, 2002.

– Syria under Basher Assad. Regional experience of modernization under the conditions of external instability. Moscow, 2005.

– Socio-political processes in the Arab countries of the Middle East. Moscow, 2008.

– Contemporary Syria: History, Politics, Economic. Moscow, 2010–2011.

– The Syrian Uprising. History. Politics. Ideology. Moscow, 2018.

– Islamic Phenomena of Syrian Uprising. Lambert Publishing, Academic Publishing RU. Berlin – Moscow, 2019.

Научное издание

АХМЕДОВ Владимир Муртузович
КУЛАГИНА Людмила Михайловна

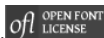
**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИРИ В АРАБСКИХ
СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (1990-е — НАЧАЛО 2020-х гг.)**

Публикуется в авторской редакции

Корректор М. Я. Колесник
Верстка Н. В. Макеева

Подписано в печать 01.12.2021
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Lora*.
Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 500 экз. Зак. № 473

* — fonts are licensed under the Open Font License.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, 42, корп. 5
тел.: 8 (499) 288-74-01
e-mail: www.t8print.ru